

Юрий Федорович Дашков

**ПО ЛЕНИНСКИМ
МЕСТАМ
СКАНДИНАВИИ**

ЖУРНАЛИСТСКИЙ ПОИСК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»
Москва — 1971

Веб-публикация: Vive Liberta, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

К читателю —	3
«Наш товарищ в Берлине» —	9
«Пиво варится» —	16
Почтмейстер из Вардэ —	28
Тайна Вальтера Шеберга —	39
Впервые в Стокгольме —	50
Адресат из записной книжки —	58
Пропавший архив —	66
В рабочем Тампере —	82
Беспокойные дни министра Тролле —	86
Вместо Копенгагена — Лондон —	102
По следам «доктора Мюллера» —	112
Курсовая работа студентки Алхоярви —	132
Мистер Фрей —	139
Каморка на Вестербро —	144
Кто такая Фрёкен Берг? —	156
С письмом Ленина —	161
«Записи, намеренно тайные» —	165
Побег в ночи —	178
Шведские спички —	184
В апреле 1917-го —	187
Это было в Торнео —	212
У кого жил Ильич в Лахти? —	220
Стетоскоп —	228
Послесловие —	237

Весной 1962 года в стокгольмских газетах промелькнули сообщения о том, что на улице Дроттнинггатан будет сноситься здание гостиницы «Регина», в которой в числе других известных людей останавливался Ленин.

Это было уже на второй год моей журналистской работы в Скандинавии. Я пошел в гостиницу. В коридорах и комнатах толпился народ. Имущество гостиницы распродалось. Была мысль и у меня купить что-нибудь на память о доме, где бывал Владимир Ильич. Но вещи были большей частью громоздкие — и я не купил ничего. Но это еще не беда. Я не догадался даже сфотографировать гостиницу...

Спустя два года, косясь из одного конца Стокгольма в другой в поисках снимков гостиницы «Регина», я ругал себя всячески за эту оплошность. Перерыл архив старика фотографа Свинхувуда в его известной фотолавке на улице Карлавеген, нашел много старинных фотографий стокгольмских улиц, в том числе и Дроттнинггатан. Но снимков гостиницы «Регина» в архиве Свинхувуда не оказалось.

Просмотрел фототеку архива рабочего движения — тоже нет.

Просил Оке Мальмстрема, внука фотографа, сделавшего известную фотографию «Ленин в Стокгольме», поискать в богатом архиве деда — тоже неудача.

Поехал к мосту Шлюссен, в городской музей: мне сказали, что там богатый фотоархив. Сотрудница музея притащила тяжелюющие альбомы с фотографиями квартала на улице Дроттнинггатан, где находилось здание гостиницы. Ну, думаю, уж здесь-то должна быть фотография наверняка!

Тщательно перебрал все фотографии. Много интересных. Есть вид со двора, есть снимки отдельных комнат, коридоров, интерьеров. Но, увы, снимков фасада «Регины» нет.

Желая иметь хоть что-нибудь, заказал копии фотографий: вид гостиницы со двора и одной из комнат. А ведь в марте 1962 года я мог сделать сколько угодно любых снимков!

До сих пор жалею, что дело, которое позднее увлекло меня, начал не с первых дней своей семипетней работы в Скандинавских странах. Жалею об упущенных месяцах, об утраченных возможностях. И оправданием может тут служить лишь одно обстоятельство. Мне казалось: все существ-

Автор книги, несколько лет проживший в Скандинавии, принял обширные поиски и исследования, уточняющие обстоятельства пребывания В. И. Ленина в Скандинавских странах.

В числе его находок — остатки женевского архива ЦК партии, неизвестный ранее дневник социал-демократа К. Х. Вийя, сообщавший новые данные о последнем подполье Ильича, неопубликованные материалы о транспортировке «Искры», письма соратников Ленина. Ему удалось установить много интересных фактов о подчас тщательно законспирированных связях нашей партии со скандинавскими революционерами.

Читатель вместе с автором радуется находкам, переживает неудачи, знакомится с сегодняшним днем Дании, Швеции, Финляндии, Норвегии, встречается со многими скандинавами, горячо и заинтересованно помогавшими автору в его поисках.

Книга обильно иллюстрирована редкими документальными фотографиями. За очерки, положенные в основу этой книги, автору присуждено звание лауреата премии Союза журналистов СССР за 1970 год.

венное, относящееся к пребыванию в Швеции, Финляндии и Дании Владимира Ильича Ленина, к сотрудничеству российских и скандинавских революционеров давно известно, подробно и тщательно исследовано. И только случай, относящийся к первым годам моей работы в Скандинавии, убедил меня, что это не совсем так. Однажды администрация Королевской библиотеки в Стокгольме пригласила журналистов на церемонию открытия выставки, посвященной Ленину. В вестибюле библиотеки собрались наши шведские друзья — члены Общества «Швеция — СССР», дипломаты из советского посольства, корреспонденты.

Экспонировались письма Ленина шведским социал-демократам, фотографии, подаренные им знакомым деятелям шведского рабочего движения, стол, за которым работал в библиотеке Владимир Ильич во время приездов в Стокгольм.

На столе лежали две толстые книги посетителей за 1907 и 1910 годы. По сохранившейся до сих пор традиции каждый читатель, войдя в гардероб библиотеки, обязан оставить свою подпись в книге, которая лежит на видном месте. Если ты не знаешь этого порядка или забудешь о нем, тебе вежливо объяснят и напоят.

В библиотеке хранятся книги посетителей, начиная с первых лет XX века. И вот директор библиотеки Уно Виллерс, просматривая в 1964 году книгу посетителей за 1910 год, обнаружил подпись: «Ульянов, Каптенсгатан, 17». Так было еще раз подтверждено, что, приехав осенью 1910 года в Стокгольм для встречи с матерью и сестрой, Владимир Ильич посещал библиотеку.

«Почему же мы, советские люди, живем в Скандинавии и не всегда пытаемся более активно разыскивать следы пребывания Владимира Ильича?» — подумал я.

Я поделился своими мыслями со стокгольмским корреспондентом агентства печати «Новости» Игорем Сииныным.

Вместо ответа он показал мне копию личного дела, заведенного стокгольмской полицией в 1906 году на некоего русского эмигранта Петрова. Сиинын решил проверить, не скрывался ли под фамилией Петрова В. И. Ленин — уж очень сходились внешние приметы. Он написал письмо министру внутренних дел Руне Юханссону с просьбой оказать помощь в поисках архивных материалов, связанных с IV съездом РСДРП, который проходил в 1906 году в швед-

ской столице. Министр, ответив вежливым отказом, посоветовал обратиться в архивы министерства иностранных дел, комиссии по делам иностранцев и полиции.

Вскоре у Сиинына окончился срок пребывания в Швеции, он вернулся в Москву. Я написал письма трем адресатам, указанным в письме Юханссона. Из комиссии по делам иностранцев пришел ответ: никаких материалов, связанных с IV съездом, в архиве нет, и комиссия «не имеет никакого представления, где бы эти материалы могли быть». Полициейские архивариусы отослали меня в городской архив.

Из архива министерства иностранных дел долго не было никакого ответа. Потом раздался телефонный звонок. Меня приглашали для беседы.

В старинном сером здании министерства иностранных дел, расположенном на площади Густава-Адольфа, начальник архива положил передо мной на стол папку с надписью на обложке: «Русские и финские эмигранты в Швеции. 1906 год».

Это было мое «боевое крещение» на архивном фронте. С тех пор «архивная лихорадка» захватила меня. Много часов и дней просидел я в архивах Швеции, Дании, Финляндии и Норвегии, не замечая, как летит время. Из архивных папок передо мной вставали образы уже умерших людей. Для меня они жили и действовали. Нет-нет да и попадался документ, прямо или косвенно связанный с Лениным. Это было подарком для меня. Я полюбил работу в архивах.

Некоторую предварительную подготовку для такой работы дал мне исторический факультет института и Высшая партийная школа. Однако гораздо увереннее я почувствовал себя, лишь после того как во время очередного отпуска ознакомился в Москве с материалами кабинета В. И. Ленина Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Справки и советы научных сотрудников института послужили вежами в моих дальнейших розысках.

Известно, что в Дании В. И. Ленин был два раза: в конце апреля — мае 1907 года, когда намечалось провести V съезд РСДРП в Копенгагене, и в августе — сентябре 1910 года в связи с VIII Конгрессом II Интернационала. О первом посещении Лениным Копенгагена известно очень мало. О втором — немного больше. Известны адрес и имя хозяйки квартиры, в которой жил в 1910 году в Копенгагене Владимир Ильич, установлено, что он посещал Королевскую библиотеку в датской столице.

В Швецию Ленин приезжал шесть раз в ноябре 1905 года, возвращаясь из первой эмиграции, в апреле 1906 года, на IV съезд РСДРП, в конце апреля 1907 года, по пути в Копенгаген, в декабре 1907 года, когда он прибыл в Стокгольм после опасного путешествия по островам возле финского города Гурку, в сентябре 1910 года, и наконец — в апреле 1917 года, во время возвращения из последней эмиграции в революционную Россию

Пребывание в Финляндии трудно разделить на «разы» Ленин жил в этой стране, главным образом на Карельском перешейке, в 1906—1907 годах, а затем осенью 1917 года, когда ему вновь пришлось уйти в подполье и скрываться от полицейских ищек Временного правительства

В кабинете В. И. Ленина Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС хранится много воспоминаний советских людей, встречавшихся с Владимиром Ильичем в годы эмиграции в Швеции, Дании и Финляндии. Мне посоветовали обратить особое внимание на поиски новых документов в скандинавских странах неизвестных у нас воспоминаний скандинавов, связанных с революционным подпольем России

Возвратившись в Стокгольм, я стал писать письма по многим адресам, начиная с министров и кончая отдаленными родственниками людей, которые, как я знал, встречались или могли встречаться с Лениным. Составил список мемуарной литературы на скандинавских языках, поставив себе задачи прочесть и законспектировать ее. В свободные часы начал ходить на Упландсгата, в архив рабочего движения Швеции. Затем — Дания, тоже архив рабочего движения, Королевская и университетская библиотеки, дальше — Финляндия, Абосская академия, государственный архив, архивы рабочего движения

День ото дня меняется облик скандинавских городов. Исчезают одно за другим старые здания, уступая место современным. И если бы только дома! Людей, с которыми встречался Ленин, с каждым годом остается в живых все меньше. Из тех, с которыми мне удалось беседовать в первые годы работы в Скандинавии, ныне некоторых уже нет. Не запиши я тогда подробно их рассказов, какие-то детали могли бы остаться неизвестными

Материалов у меня накапливалось все больше и больше. Пришлось завести специальные папки для писем по каждой

стране, потом — по отдельным темам внутри каждой страны. Одна находка тянула другую, появлялись новые нити. Часть из них обрывалась, а некоторые, иногда совершенно неожиданно, вела к чему-либо интересному

Когда у меня скопилось довольно много материалов — записей бесед, фотографии, копии документов, газетных вырезок и т. д. — друзья стали настоятельно рекомендовать мне систематизировать записи, рассказать о своих поисках и находках. Так появилась эта книга об эпизодах пребывания В. И. Ленина в Скандинавии, о сотрудничестве нашей партии с рабочим движением, социал-демократами Швеции, Финляндии, Дании и Норвегии

Известно, что Владимир Ильич в годы эмиграции придавал большое значение организации надежного транспорта литературы и переправке людей в Россию через страны Северной Европы. По его заданию в Скандинавию приезжали с этой целью опытные большевики-подпольщики. Они находили здесь десятки добровольных помощников среди местных социал-демократов, рабочих и рыбаков, железнодорожников и журналистов. Рискуя жизнью, они помогали большевикам подготавливать социалистическую революцию в России, веря, что эта революция откроет новую эпоху в истории всего человечества, приведет к социальным изменениям в их собственных странах. Имена многих из этих людей остались неизвестными. На основе найденных мною архивных материалов я пытаюсь рассказать в книге о некоторых из них

Материалами для очерков, собранных в книге, послужили мемуары и воспоминания скандинавских социал-демократов, сообщения прессы тех лет, непосредственные встречи автора с героями очерков или их родственниками, документы, найденные в архивах Швеции, Финляндии, Дании и Норвегии. Некоторые архивные и газетные материалы, на основе которых написаны очерки, у нас в Советском Союзе не были известны или не публиковались

Дороги поиска приводили меня в разные уголки Скандинавии. Я побывал в северном финском городке Торнео и в южном шведском порту Треллеборге, в Осло и Копенгагене, в Гетеборге и Хельсинки, во многих небольших городах и поселках, встречаясь с сотнями людей. Большинство из них с готовностью помогали мне советами и делом в розыске нужных адресов и документов. В поисках и при работе над

этой книгой я всегда помнил широко известные слова Маяковского:

Мы говорим — Ленин,
Подразумеваем —
партия,
Мы говорим —
партия,
Подразумеваем —
Ленин.

Поэтому в книгу включены неизвестные или малоизвестные факты, относящиеся к будням великого партийного дела, к будням рядовых членов партии, вносящих свой вклад в подготовку революции.

Наконец, мне казалось, что не будет лишним, описывая ход поисков, давать картины жизни современной Скандинавии, рассказать об отношении скандинавов к памяти Ленина, к мемориальным памятникам, связанным с Лениным, к стране, где победили идеи Ленина.

«НАШ ТОВАРИЩ В БЕРЛИНЕ»

M. Wetschesloff
Dr. med.

Стокгольмский архив рабочего движения размещается в нижнем этаже дома в конце Упландсгатан, рядом с новым зданием Народного дома. Архив принадлежит правлению социал-демократической партии и Центральному объединению профсоюзов Швеции. Помню, как я первый раз пришел в него. Открыл тяжелую дверь и попал в коридор. В глаза сразу бросился висящий на стене рисунок, известный по школьным учебникам истории: пирамида, на вершине которой восседает царь Николай II, под ним — капиталисты, а держат всю пирамиду рабочие. И надпись по-русски: «Мы царствуем над вами». Этот рисунок рассылался в качестве приложения к одному из номеров ленинской «Искры».

Из комнаты вышел пожилой человек небольшого роста, вежливо осведомился, что мне нужно. Я представился и попросил помочь в поиске материалов о пребывании Ленина в Швеции и о связях шведских и русских социал-демократов. Пожилой мужчина, назвавшийся архивариусом Пером Линдом, провел меня в читальный зал, а сам, прихрамывая, вышел. У двери он

остановился, и, как мне показалось, как-то заговорщически улыбнулся. Я еще не понимал, в чем дело, и стоял у полки с книгами, сохраняя на лице ответную вежливую улыбку.

Пер Линд вернулся с обыкновенным почтовым конвертом в руках.

— Угадайте, что здесь! — и он подал мне несколько испещренных черными чернилами листочков, лежавших в конверте.

Я глянул на первый листок. Это же письма Ленина! Настоящие, подлинные! Должен сразу сказать, что письма эти были впервые опубликованы в шведской печати в 1955 году, известны и у нас, в частности вошли в последнее издание Сочинений В. И. Ленина. Но я впервые держал в руках документ, написанный Владимиром Ильичем.

Мне представлялось, что такие документы должны храниться как-то по-особенному, в сейфах, при определенной температуре и влажности, так, чтобы на них ни одна пылинка не села. Ведь им предстает вечная жизнь! А тут — запросто дают в руки. Конечно, демократично, но писем жаль. Впрочем, сохранились они пока удивительно хорошо. Все три написаны по-немецки на гладкой, плотной бумаге, отличными, не выцветающими чернилами. Письма датированы 19 апреля 1901 года, октябрем 1907 и 28 декабря 1907 года*.

Впоследствии я много часов провел в читальном зале архива рабочего движения, и Пер Линд приносил к моему столу том альбом вырезок статей из шведской печати, посвященных Ленину, то старый чемодан, набитый доверху фотографиями, привезенными шведскими социал-демократами из революционного Петрограда, то кипу архивных папок. Но первый мой приход в архив, начавшийся с того, что мне в руки попали подлинные письма Ленина, запомнился больше всего.

Разложив на столе письма, я начал читать их. Первое хранилось в собрании документов лидера шведских социал-демократов Карла Яльмара Брантинга и было адресовано ему. Вот текст письма:

«19 апреля 1901.

Уважаемый товарищ!

Наш товарищ в Берлине уже писал Вам по нашему поручению, что нам бы хотелось установить более тесные связи со шведскими и финскими товарищами.

* Здесь и далее даты указаны по новому стилю — если даты в документах приводятся по старому стилю — это оговорено в тексте

В настоящее время я позволяю себе обратиться к Вам от имени редакции русского социал-демократического журнала «Заря» (J. H. W. Dietz Verlag. Stuttgart) со следующей просьбой.

Мы придаем очень большое значение тому, чтобы ознакомить русских вообще, и русских рабочих в особенности, с политическим положением в Финляндии и угнетением Финляндии, равно как и с упорной борьбой финнов против деспотизма. Мы были бы поэтому весьма Вам благодарны, если бы Вы передали всем знакомым Вам финским товарищам нашу настоятельную просьбу поддержать нас в этом деле.

Особенно хорошо было бы для нас, конечно, если бы мы смогли найти постоянного финского сотрудника, который посылал бы нам, во-первых, ежемесячно заметки (4—8 тысяч знаков), а, во-вторых, время от времени и большие статьи и обзоры. Последние нужны нам для «Зари», а первые — для нелегальной русской газеты «Искра», редакция которой обратилась к нам с этой просьбой.

Если Вы считаете это полезным, я пошлю Вам «Зарю» и два номера «Искры».

Статьи могут быть написаны также и на шведском или на финском языке: переводчика мы уж найдем.

Очень прошу Вас уведомить меня, можете ли Вы выполнить нашу просьбу.

С социал демократическим приветом

И. Петров»¹.

Это письмо — одно из самых ранних свидетельств связей В. И. Ленина со скандинавскими социал-демократами. Как известно, в декабре 1900 года начала выходить ленинская «Искра» и то, что Владимир Ильич в апреле 1901 года написал письмо с просьбой подобрать постоянного сотрудника, который регулярно сообщал бы о положении в Финляндии, говорит, какое большое значение придавал Ленин разоблачению политики царизма в Финляндии и расширению сотрудничества с финскими социал-демократами.

Но кто же этот «наш товарищ в Берлине», который писал Брантингу по поручению Ленина?

В библиотеке архива рабочего движения я наткнулся на книгу Чарльза Линдли «История шведского профсоюза транспортных рабочих». Линдли, бывший в конце XIX — начале XX века председателем правления этого профсоюза, рассказывал, что он помогал в транспортировке русской революционной литературы

из-за границы через Швецию в Финляндию. Линдли писал: «Однажды ко мне пришел молодой студент из Упсалы* М. Вечеслов. Он прибыл с целым грузом печатных изданий к дому моей матери, чем ее очень испугал. Мы перекладывали брошюры и газеты в двойные стенки чемоданов для отправки на восток. Нам удавалось находить надежных моряков на судах, курсировавших в Финляндию и в Петербург. Они перевозили литературу и переправляли ее адресатам.

Эта работа улучшилась, когда мне удалось найти небольшое судно и приспособить его специально для перевозки литературы. Оно сделало много рейсов между Швейцарией и Финляндией, ни разу не попавшись русским властям. В качестве членов экипажа на нем служили двое: один из ветеранов нашего профсоюза В. Р. Фреберг и финн по имени Хьюрт»².

Итак, молодой русский революционер Вечеслов занимался в конце XIX века с помощью шведских социал-демократов организацией транспортировки подпольной литературы из-за границы в Россию.

Внимательно просмотрев картотеку писем, присланных Брантингу, я обнаружил, что в его архиве хранятся два письма Вечеслова. Более раннее было датировано 18 апреля 1898 года. Вечеслов писал по-шведски из города Упсала в Стокгольм Брантингу, редактору социал-демократической газеты:

«Я был в редакции и взял книги, но, к сожалению, не смог поговорить с Вами. Для нашей социал-демократической партии важно именно сейчас наладить отправку партийной литературы в Россию. Поэтому, если можно отправить сейчас, это было бы лучше, чем в мае. В мае из Петербурга выезжает много надежных людей, с которыми можно разослать книги во многие районы России, и пропустить этот момент было бы жаль, так как потом мы будем вынуждены ждать и подыскивать другого такого же подходящего момента.

Пожалуйста, помогите, если можете. Я говорил с Ч. Линдли, но он собирается уезжать и отослал меня к казначею профсоюза, с которым я разговаривал, но не уверен, понял ли он, как важно для нас торопиться»³.

По всей вероятности, Вечеслов организовывал транспорт печатных изданий первой русской марксистской организации — «группы «Освобождение труда», созданной в 1883 году в Женеве группой русских эмигрантов во главе с Г. В. Плехановым. В чис-

ле книг, выпедших в женевской типографии группы, были и работы молодого Ленина: «Задачи русских социал-демократов» и «Новый фабричный закон».

Брантинг оказывал в те годы и другие услуги русским социал-демократам. Это видно из второго письма Вечеслова, посланного 24 октября 1898 года из Берлина:

«В Вашу редакцию «Соспал-демократен» должен прийти один финн. Он послан нашей партией. Пожалуйста, выдайте ему русские книги. Он скажет, что прибыл от Остена (с которым Вы знакомы) и Акселя Вейделя (швед, который участвует в социал-демократическом движении в Финляндии).

Не смогли ли бы Вы достать паспорт для одного русского, которого мы пересылаем в Россию? (Приметы: среднего роста, темный (но не черный), 25—30 лет).

Если возможно достать такой паспорт, пошлите его мне или Плеханову по почте до востребования»⁴.

Письма доказывают, что Вечеслов был лично знаком с Брантингом. В журнале «Тиден» я нашел статьи, в которых рассказывается о молодых годах этого известного деятеля шведской социал-демократии⁵. В 1878 году студент Брантинг был в России и установил связи с русскими революционерами. Знаменательно, что именно по просьбе российского эмигрантского журнала «Дер Балтише фёдералист» 22-летний Брантинг написал свою первую политическую статью. Она называлась «Шведско-русские отношения». В ней Брантинг с большой симпатией писал о борцах против российского самодержавия.

Брантинг был одним из основателей и руководителей социал-демократической партии Швеции, редактором центрального органа СДПШ — «Соспал-демократен». Уже с конца 90-х годов XIX века он занимал центристские позиции, которые привели его в начале XX века к открытому ревизионизму, к отказу от революционных методов борьбы рабочего класса, от идеи диктатуры пролетариата. В годы первой мировой войны Брантинг проповедовал теорию классового «гражданского мира», боролся против революционно настроенных элементов в СДПШ. Враждебно встретил он даже о победе Великой Октябрьской социалистической революции.

Аксель Вейдель, о котором пишет во втором письме Вечеслов, был шведским рабочим-металлистом. Он жил в Финляндии, занимался там социал-демократической пропагандой и организацией приемки подпольной литературы, прибывавшей из Швеции.

* Город в Швеции.

О характере его деятельности говорят три письма, сохранившиеся в архиве Брантинга.

В письме от 27 октября 1899 года Вейдель писал Брантингу из Гельсингфорса, что «заказчики» спрашивали его о «семенах». Речь шла явно о литературе.

Может быть, Вейдель занимался транспортом в Россию именно той литературы, которую отправлял из Стокгольма Вечеслов.

М. Вечеслов из Швеции уехал в Берлин. Как я уже писал, второе его письмо Брантингу пришло именно из этого города. У меня мелькнула мысль: «Не тот ли это Вечеслов, который организовывал транспорт «Искры» в Россию через западную границу? Его знал Ленин».

Ищу в Полном собрании сочинений Ленина. В письме Ф. И. Дану 22 марта 1901 года Владимир Ильич называл Вечеслова «нашим представителем в Берлине»⁶. В апреле 1901 года Ленин дал М. Г. Вечеслову указание отправить чемодан нелегальной литературы в Петербург⁷. 18 мая того же года Владимир Ильич снова отправил письмо Вечеслову, в котором согласился на пздание в Берлине искровских бюллетеней⁸.

Михаил Григорьевич Вечеслов родился в 1869 году в Казани. В 1890—1892 годах привлекался к судебной ответственности за организацию революционных кружков. После этого эмигрировал за границу и в 1896—1898 годах учился в университете в Упсале (Швеция), затем переехал в Берлин, где возглавил берлинскую группу содействия «Искре». После революции вел большую государственную работу, руководил органами здравоохранения, работал в коллегии Наркомздрава, комиссаром Центрального санитарного совета на фронтах гражданской войны.

Если это тот Вечеслов, то в архиве Брантинга могло сохраниться его рекомендательное письмо, написанное по поручению Ленина. Снова перебираю письма Брантингу, нахожу еще несколько писем Вечеслова. Но они были написаны позднее и в них речь шла совсем о другом. Того письма, о котором писал Ленин, не было. Я попросил Пера Линда поискать тщательнее: может быть, есть еще что-нибудь среди документов Брантинга, связанное с именем Вечеслова. Тот пожал плечами, но все же спустился в подвал, где хранятся фонды и куда доступ посторонним воспрещен. Долго пробыл он там. Наконец принес лист бумаги:

— Вот только это...

К листку была прикреплена визитная карточка: «М. Вечеслов. Д-р мед. Казань. Берлин».

Сначала я разочаровался. Визитная карточка — это не письмо. И все же решил проверить, не написано ли что-нибудь на обратной стороне? Отделил карточку от листа и увидел записку по-шведски:

«Уважаемый друг по партии! Я рекомендую моего друга, редактора нашего журнала, который хочет написать Вам. С партийным приветом Ваш М. Вечеслов»⁹.

Даты на записке не было, но в постскриптуме Вечеслов благодарит Брантинга за письмо от 30 марта 1901 года. Таким образом, визитная карточка была послана из Берлина после этой даты.

Кого же, какого редактора мог рекомендовать Вечеслов? Я думаю, что речь могла идти только о Владимире Ильиче, одном из редакторов легального марксистского журнала «Заря».

Письмо Ленина было написано 19 апреля 1901 года. По всей вероятности, оно и визитная карточка прибыли в Стокгольм почти одновременно или даже вместе, по почте или с курьером, а может быть и с очередным транспортом «Искры».

Теперь мы можем почти с полной уверенностью сказать, что человеком, которого В. И. Ленин назвал в письме «нашим товарищем в Берлине», был Михаил Григорьевич Вечеслов.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ В. И. Ленин Полн собр соч, т. 46, стр. 94.

² Charles Lindley Svenska transportarbetareförbundets historik, I, 1897—1922, Stockholm, 1943, s. 97.

³ Стокгольмский архив рабочего движения Собрание документов Брантинга Письмо М. Г. Вечеслова от 18 апреля 1898 года.

⁴ Там же, письмо М. Г. Вечеслова от 24 октября 1898 года.

⁵ Tiden, 1960, № 9, s. 585—91, 1955, № 10, s. 615.

⁶ В. И. Ленин Полн собр соч, т. 46, стр. 92.

⁷ Там же, стр. 96.

⁸ Там же, стр. 105.

⁹ Стокгольмский архив рабочего движения. Собрание документов Брантинга.

«ПИВО В АРИТСЯ»

*Личные размеры тары
5 верш. длины, 8 вершков
ны и ширины, в которых
оказалось 60 пакетов ре-
дакционной газеты «Искра» 1
за сч. 19, 21, 22, 24, 25, 26, 27
экземпляры из них с VI*

В. И. Ленин прилагал все усилия к тому, чтобы «Искра» доходила до тех, кому она была предназначена — до российских рабочих. Большая часть тиража «Искры» шла в Россию через западную границу. Владимир Ильич настаивал, чтобы для транспортировки литературы использовался и северный путь, через Швецию и Финляндию. В 46-м томе Полного собрания его сочинений опубликованы письма по поводу транспортировки «Искры» в 1900—1903 годах. 22 марта 1901 года В. И. Ленин в письме Ф. И. Дану интересуется:

«Что и как с финляндскими путями? Мы ничего не знаем и об этом ни одного письма не получили от Вас»¹.

О доставке «Искры» и другой партийной литературы через Швецию и Финляндию говорится и в воспоминаниях В. М. Смирнова, Н. Е. Буренина, А. М. Игнатьева и других старых подпольщиков, принимавших участие в этой работе².

Видную роль в организации транспортировки «Искры» с начала 1901 года сыграл Владимир Мартынович Смирнов. Он регулярно писал статьи в «Искру» о событиях в Финляндии. В этой

связи мне еще раз хочется напомнить о письме В. И. Ленина в Стокгольм от 19 апреля 1901 года. Он просил найти в Финляндии товарища, который мог бы регулярно писать в «Искру». Смирнов был знаком с Вейделем, а Вейдель был доверенным человеком Брантинга в Финляндии. Вполне вероятно, что поручение Ленина по цепочке Брантинг — Вейдель передали именно Смирнову. И после этого он стал активным сотрудником «Искры».

Естественно, меня интересовала его судьба. Я знал, что длительное время Смирнов был консулом СССР в Стокгольме и умер в Швеции. Выяснить подробности жизни, найти родственников — такую цель я поставил перед собой. Ведь не исключено, что у его родных могли сохраниться какие-то неизвестные до сих пор материалы, связанные с транспортировкой большевистской литературы или с пребыванием Ленина в Финляндии.

В советском посольстве в Стокгольме работали люди относительно молодые, и никто из них лично не знал Смирнова. Тогда я вспомнил о Марии Николаевне Эльвинг, которая прожила много лет в Швеции и хорошо знала страну. Познакомился я с ней еще в 1961 году. Это очень осведомленная женщина, готовая в любую минуту оказать услугу, дать справку или совет.

В 1918 году Маша Петрова вышла в Петрограде замуж за служащего шведской фирмы «Асеа» и уехала в Стокгольм, став фру Эльвинг. Работала здесь в коррумпированном РОСТА и ТАСС, в посольстве, знала Коллонтай. Получает сейчас советскую пенсию, чем очень гордится. Три четверти жизни прожила она в Швеции, у нее уже внучки невесты, а все говорит «у нас», в Советском Союзе, и «у них», у шведов. Любит Россию, любит поболтать с соотечественниками, тем более что дома по-русски говорить ей не с кем.

Итак, я обратился к Марии Николаевне — не знала ли она Смирнова?

— Владимира Мартыновича? — оживилась она. — Ну как же! Я с ним работала в РОСТА. Отличный был человек, принципиальный, честный.

Мария Николаевна рассказала, что он был женат на дочери известного писателя. «шведского Горького» Августа Стриндберга. Жене Смирнова, наверно, сейчас за 70, она живет в предместье Стокгольма Бромма.

Я стал просить Марию Николаевну позвонить жене Смирнова, узнать, не осталось ли писем мужа, не могла ли бы она по-

мочь мне в сборе материалов. Мария Николаевна согласилась с видимой неохотой: «Больна она, будет ли разговаривать?»

Когда мы в следующий раз встретились с Марией Николаевной, она была чрезвычайно расстроена:

— Говорила я вам, ничего не выйдет. Жена Смирнова просила передать, что у нее ничего нет и пусть ее не беспокоят. Ах, как мне было неудобно...

Ну что же, ничего не поделаешь...

Однажды в разговоре со шведскими товарищами, работающими переводчиками в бюро АПН, я посетовал: могут быть у Смирновых материалы, связанные с Лениным, а с какого конца подступиться — не знаю. И товарищи мне посоветовали:

— А почему ты к жене обращаешься? Она больна и, естественно, раздражена. Напиши письмо дочери Смирнова. Она работает учительницей. Может быть, она скорее тебе ответит.

Я отправил письмо маистру Карин Смирновой с просьбой помочь собрать сведения о ее отце. Ответ пришел сухой, официальный. Карин писала, что писем и записей отца у них с матерью, с которой они живут вместе, нет. Она прислала биографию отца и его фотографию.

Родился Владимир Мартынович в Пскове в 1876 году. Его отец был русским купцом, мать — уроженкой Финляндии. После смерти отца в 1880 году мать переехала к родственникам в Гельсингфорс. Здесь Володя закончил русскую гимназию и поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета. В 1899 году за участие в «студенческих беспорядках» был временно исключен из университета и выслан в Псков. Вскоре вернулся в Петербург и с 1900 года установил связи с Петербургским комитетом РСДРП, выполнял его поручения, и в частности, занимался транспортировкой нелегальной литературы из-за границы через Финляндию. С 1903 года постоянно жил в Гельсингфорсе, работал в университетской библиотеке и преподавал русский язык. Его квартира была нелегальной партийной явкой. В 1905—1907 годах здесь останавливался В. И. Ленин. В 1917 и начале 1918 годов Смирнов сотрудничал в большевистских газетах «Волна» и «Прибой», выходивших в Гельсингфорсе. С апреля 1918 года в Петрограде, затем в Москве на советской работе. С конца 1918 года работал в Стокгольме в советском бюро печати, с 1924 года стал заведующим консульским отделом советского посольства в Швеции. В 1941 году, в связи с серьезным заболеванием глаз, в 65-летнем возрасте, он ушел на пенсию, но продолжал вести большую общественную

работу, выступал на собраниях Общества шведско-советской дружбы с лекциями о русской и советской литературе, с воспоминаниями о встречах с Лениным. Умер Владимир Мартынович 27 декабря 1952 года.

Данные эти подтверждают сведения, которые приведены в справке о В. М. Смирнове в сборнике «Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине»³.

Владимир Мартынович прожил большую и интересную жизнь. О нем надо бы написать книгу. Материалов можно пайти немало, если порыться в подшивках русских нелегальных социал-демократических газет и просмотреть архивы. Я прочел его книгу «Из революционной истории Финляндии 1905, 1917, 1918 гг.», несколько сборников статей, в которых были и работы Смирнова, отчеты о его выступлениях с докладами на заседаниях Общества «Швеция — СССР» и воспоминания людей, знавших его.

Итак, Владимир Смирнов в 1900 году установил связь с Петербургским комитетом РСДРП и с тех пор выполнял конспиративные партийные поручения. Как человек, хорошо знавший положение в Финляндии и имевший там много знакомых, он получил задание наладить транспорт нелегальной литературы через Скандинавию. Уже весной 1901 года по его просьбе несколько «кустарных» перевозок литературы из Стокгольма с помощью пассажиров организовывал редактор социал-демократического еженедельника «Арбегарен» («Рабочий») Р. Дроккила. Кстати, в этой газете сотрудничал и Аксель Вейдель.

Летом 1901 года транспорт литературы был налажен более регулярно и надежно: В. М. Смирнов, познакомившись с Акселем Вейделем, поручил ему от имени Петербургского комитета эту работу. Вейдель переехал на Аландские острова, намереваясь отсюда руководить транспортировкой литературы из Швеции в Финляндию. Чтобы российская жандармерия не заподозрила истинной цели его переселения на острова, Вейдель открыл небольшую слесарную мастерскую. Партийные издания шли из Германии в Стокгольм по полученным от Вейделя адресам. Там товарищи Вейделя, шведские социал-демократы, в подвале Народного дома, в конторе фирмы «Бьёрк и Бьёрссон» или на квартирах вскрывали ящики, складывали книги и газеты в пакеты, относили на пристань и передавали на пароходы, идущие в Финляндию. «Искра» пересекала море в каюте капитана, в машинном отделении, под углем, в чемоданах с личными вещами матросов.

В Турку (Або) и Ханко (Ганге) литературу грузили в почтовые вагоны и отправляли к русско-финской границе.

Транспортный механизм Вейделя имел существенные недостатки. Литература запаздывала, приходила к русской границе слишком большими партиями, что затрудняло ее транспортировку через границу. Кроме того, стараясь побольше заработать, Вейдель одновременно пересылал литературу других российских партий. В некоторых ящиках, доставленных через границу с огромным риском, обнаруживали литературу, не имевшую к нашей партии никакого отношения. Поэтому осенью 1902 года Смирнов предложил Е. Д. Стасовой новый путь транспортировки — с помощью Конни Зиллиакуса (отца умершего в 1967 году либерального политического деятеля, носившего такое же имя). Получив согласие Петербургского комитета и ЦК, Смирнов заключил в ноябре 1902 года соглашение с Зиллиакусом о транспортировке нелегальной литературы по маршруту Швеция — Финляндия.

В Петербурге ленинскую «Искру» принимала Е. Д. Стасова. Через нее осуществлялась связь подпольных организаций России с границей, с Лениным. Вместе с ней агентами «Искры» работали И. В. Бабушкин, И. И. Радченко и другие. Нелегальная литература, шедшая по маршруту Стокгольм — Финляндия, получила конспиративное название «пиво».

16/29 октября 1902 года Е. Д. Стасова отправила из Петербурга письмо в Лондон В. И. Ленину, в котором просила направлять «Искру» по адресу: Конни Зиллиакус, Стокгольм, Гревгата, 26.

Стасова писала:

«Просил, чтобы ему отправили или товаром в ящиках по пятьдесят кило, или почтовыми посылками по пять кило, хотя одновременно их может быть и несколько. Надо испробовать этот путь, т. к. может быть с ним дело пойдет на лад. Если же окажется нужным, то я съезжу в Стокгольм и налажу дело... По счету пиво все получено теперь, а заминка со счетом вышла потому, что адресат внезапно уехал, и пока коммиссионер сам не съездил, ничего нельзя было поправить...»⁴

Под внезапно уехавшим адресатом, как полагают, подразумевался арестованный И. И. Радченко.

Но почему Конни Зиллиакус взялся помогать русским революционерам? Об этом стоит рассказать поподробнее.

Конни Зиллиакус родился в семье финского сенатора, в мо-

лодости много скитался по свету, побывал в Америке, Японии и в других странах. В 1898 году он возвратился в Финляндию и начал сотрудничать в газете «Нюа прессен», печатая в ней статьи с резкой критикой политики царизма в Финляндии. После одной из его статей газета была закрыта в 1900 году генерал-губернатором Бобриковым. Зиллиакус уехал в Стокгольм и начал издавать на шведском языке еженедельную газету «Фриа урд» («Свободное слово»), в которой разоблачал каждый шаг царизма в Финляндии. Газету он доставлял в Финляндию на специально построенной для этой цели яхте. Он с готовностью брал, помимо собственной литературы, и другие книги и брошюры, направленные против царизма.

Позднее Зиллиакус писал:

«Нетрудно понять, что революционное движение в России было нашим естественным союзником в борьбе с царизмом. В России... шло развитие, которое неотвратимо должно было привести к освобождению страны, а вместе с тем и Финляндии, от царизма... Наше спасение лежало в русской революции»⁵.

Зиллиакус принадлежал к партии финляндских «активистов», которые выступали за активное сопротивление царизму, вплоть до вооруженного. «Активисты», близкие по духу русским эсерам, большие надежды возлагали на индивидуальный террор и организовали накануне революции 1905 года несколько покушений на царских чиновников в Финляндии.

Другое крыло финских националистов, возглавлявшееся бывшим сенатором Лео Мехелином, призывало лишь к пассивному сопротивлению царизму, к невыполнению приказов и распоряжений царских властей.

Смирнов приводит в своей книге большой список «активистов» и «пассивистов», которые помогали ему, переправляя нелегальную литературу и оказывая приют русским революционерам. Он рассказывает, например, о таком случае.

...Однажды из Парижа в Хельсинки возвратилась известная певица Айно Акте. Ее встречало много людей, они поздравляли артистку с успешными выступлениями во Франции, преподносили цветы. И кто бы мог подумать, что в ее элегантном чемодане с двойным дном лежит пачка свежих номеров «Искры»!⁶

«Искра» с первых номеров стала печатать материалы о положении в Финляндии, став на сторону финляндского народа.

В номере «Искры» за 20 ноября (3 декабря) 1901 года была опубликована статья Владимира Ильича «Протест финляндского народа», в которой он разоблачал политику насилия, проводившуюся царизмом в Финляндии⁷. Известие о статье в «Искре» облетело Финляндию. Начальник финляндского жандармского управления генерал-майор Фрейберг отмечал, что «Фриа урд» сообщила своим финским читателям о начале издания русской социал-демократической газеты «Искра»⁸ и подробно комментировала статьи «Искры» о событиях в Финляндии⁹. Об этом Фрейберг писал в своих донесениях в 1901 и 1903 годах генерал-губернатору Бобрикову.

Не удивительно, что «активист» Зиллиакус охотно взялся за транспортировку русской революционной литературы. Летом он регулярно доставлял на своей яхте к финским берегам свежие газеты и литературу, ни разу не попавшись царским сторожевым кораблям.

Зимой приходилось переправлять груз по сухопутью, через Хапаранду и Торнео, или с пассажирами, едущими с пароходами из Швеции в Финляндию. Шли специальные пальто со множеством карманов, провозили газеты в корзинах с цветами, прятали литературу в мебель.

В 1903 году в Стокгольм приехал провокатор Азеф, бывший тогда руководителем эсеров. Зиллиакус пишет, что после его отъезда отдельные грузы с русской литературой были схвачены царской охранкой в Финляндии¹⁰.

Удалось обнаружить много документов о транспортировке русской подпольной литературы в архиве финляндского генерал-губернатора в Хельсинки. Почти каждый день Фрейберг докладывал генерал-губернатору, что пароходы привозили из Швеции литературу в адрес конторы «Карл Бустрём» в Ханко, а также в адреса разных книготорговых фирм Финляндии и России. Так, в одном из донесений он писал, что пароход «Велламо» привез из Швеции печатные издания, адресованные «во все без исключения города Финляндии и в Петербург на имя книготорговца Линдберга (Большая Конюшенная)»¹¹. Через неделю он доносил, что с «Велламо» снова прибыли из Стокгольма мешки с корреспонденцией. «Обратили на себя внимание чехмодан и корзина, адресованные в Выборг Карпову»¹². В донесении № 1743 за 1902 год говорилось, что сверток подпольных газет обнаружен при обыске у кочегара парохода «Боре II» Шёхольма. Сверток лежал возле парового котла, в ящике, где обычно хранилась пакля¹³.

Получив в 1903 году агентурные данные из Стокгольма, жандармы установили строгий контроль за багажом на всех станциях Финляндской железной дороги, в особенности на пограничных. В одной из папок жандармского архива я увидел такой документ: 5 мая 1903 года жандармский ротмистр Тунцельман доносил генерал-губернатору, что 2 мая в 7 часов вечера на станции Райвола начальником станции Г. Вальманом и железнодорожным жандармом Бронниковым был вскрыт ящик, полученный месяц назад и хранившийся в багажном отделении. В ящике оказалось 60 пакетов газеты «Искра», номера 19, 21, 22, 23 и 24 за 1902 год, всего 2102 экземпляра.

Ящик весом 42 килограмма был сдан на станции Кемере Финляндской железной дороги по квитанции № 1179 и на нем был указан обратный адрес: «Любек»¹⁴. Из германского порта Любек ящик прибыл, вероятно, с одним из финляндских пароходов. Кто-то, наверно сам генерал-губернатор Бобриков, читая донесение, подчеркивал красным карандашом жирной чертой каждую строку. Донесение было немаловажное.

Однажды в жандармское управление пришла телеграмма из Териок от тамошнего жандармского унтер-офицера: «Мустамяки корзина с товаром». Вскоре от этого же жандарма поступила телеграмма: «Корзина Териоки товаром. Жду». В Териоки был срочно командирован офицер.

Оказалось, что в Мустамяки была получена корзина с книгами, отправленная со станции Ринхимяки. Ее получил какой-то мужчина. Он тут же сдал корзину в багаж на поезд, идущий на пограничную станцию Териоки. Жандармский унтер-офицер, вертевшийся возле багажного отделения, заподозрил недоброе. Он сел в багажный вагон и вскрыл корзину. В ней, как он и предполагал, были «преступные издания». Владелец корзины тоже ехал в этом поезде, но в обычном пассажирском вагоне. Когда жандармы начали его искать по вагонам, он заметил это и сумел незаметно спрыгнуть. Так жандармы упустили одного из агентов «Искры»¹⁵.

Позднее Н. Е. Буренин, вспоминая о транспортировке литературы через финско-русскую границу, писал, наверно, именно об этом случае: «Провал был один раз, но начальник станции, финн, знавший меня, предупредил об этом, и товарищ, получавший ящик, не взял его, а переотправил в Териоки, сам же незаметно скрылся. Шпики, следившие за ящиком, переехали из Райвола в Териоки, и, по нашим сведениям долго, зорко его охраняли; этот ящик нам пришлось потерять»¹⁶.

Среди папок жандармского архива сохранились дневники слежки и тетради донесений младших чинов жандармерии — унтер-офицеров и сыщиков. В Хельсинки, например, в декабре 1904 года работали 11 сыщиков во главе с унтер-офицером Закачурой.

Просматривая доносы и рапорты филеров и жандармских унтеров, я наткнулся в одной из папок на интересное сообщение, также связанное с «Искрой». В декабре 1903 года полицейские обнаружили на чердаке дома № 22 по Горной улице в Гельсингфорсе тюк с литературой. В тюке нашли бумажку с адресом хозяина. Им оказался студент университета Петр Фрасетти, проживавший на Лоцманской улице в доме № 5. В его квартире был сделан обыск. Студент пытался бежать, но был задержан.

При обыске в квартире Фрасетти, кроме финской подпольной литературы, было обнаружено много русских нелегальных изданий, в том числе брошюра Ленина «К деревенской бедноте», изданная в Женеве в 1903 году, а также отдельные номера газеты «Искра»¹⁷.

Царским жандармам удалось заслать своего агента в Стокгольм, и он довольно хорошо был осведомлен о делах живших здесь финляндских «активистов». В августе 1903 года этот тайный осведомитель докладывал генералу Фрейбергу:

«По мысли Мехелина, Лилле и в особенности Конни Зиллиакуса решено... возложить все надежды на русскую революционную партию, войти в тесную связь с нею и поощрять въезд в край ее членов, на что последние будто бы высказывали готовность...»¹⁸

Жандармский шпион подметил, что Конни Зиллиакус, собиравшийся в 1903 году уезжать из Швеции, «сильно занят какой-то новой работой, почему и отложил свой отъезд из Стокгольма»¹⁹.

Конни Зиллиакус действительно был занят. Он перевозил на своей шхуне большевистскую подпольную литературу в Финляндию.

Начальник жандармского управления посвятил исследованию путей «водворения» в Финляндию подпольной литературы специальное донесение, датированное 18 августа 1903 года²⁰. Он писал, что нелегальные издания доставляются на яхтах, пассажирами под платьем, в сундуках с двойным дном, в мешках с кофе и с другими товарами.

Но генерал назвал далеко не все пути «водворения» лите-

ратуры из-за границы. Часть ее шла через северную границу. И это видно из донесений самого Фрейберга. Так, в феврале 1902 года «некто Беклин» перешел пролив на лыжах до Улеаборга «с недозволенным грузом»²¹. В марте того же года жандармские филеры обнаружили, что к купцу Аулину из Швеции через Торнео еженедельно приезжают «прилично одетые личности» с тюками литературы²².

А вот еще одно донесение с северной границы. В ночь на 5 мая 1902 года писарь таможенной конторы С. А. Ланг и вахтмейстер А. Ниemi обнаружили у границы в Торнео двух неизвестных. В их рюкзаках оказалось 2645 брошюр на русском языке. За бдительность писарю и вахтмейстеру генералом Фрейбергом было пожаловано 300 марок²³.

Подпольная революционная литература шла и по почте. Так, жандармский агент на почте сообщал в марте 1903 года, что «по почте подпольная литература перевозится и рассылается совершенно открыто. Главная масса подпольной литературы идет из Стокгольма в отдельных запечатанных почтовых мешках через Ганге и Або в Гельсингфорс...»²⁴

Среди жандармских донесений тут и там встречаются сетования на то, что финны помогают русским революционерам, не подчиняются приказам русских властей.

Особенно зол был генерал на железнодорожников. Они не хотели помогать жандармам задерживать «подозрительные» грузы. Так, начальник станции Мустаяки не допускал жандармов в багажное отделение осмотреть заинтересовавший их чемодан до тех пор, пока не получил прямой приказ начальника движения. После ухода жандармов он сказал стапционному полицейскому:

— Не твоё это дело — помогать жандармам. Пусть они сами справляются²⁵.

Такой же случай был на станции Новая Кирка, где начальник станции тоже не давал жандармам совать носа в багажное отделение. Когда за «подозрительным» чемоданом пришла какая-то женщина, он, вместо того чтобы сообщить о ее приходе жандармам, предупредил, чтобы она побыстрее уходила. Женщина скрылась²⁶.

В. М. Смирнов писал, что среди финских железнодорожников было много «активистов», и они помогали ему и его товарищам переправлять литературу в Петербург²⁷.

Н. Е. Буренин часто перевозил литературу через финско-русскую границу на лошади. Для того чтобы избежать осмотра

саней на контрольно-пропускном пункте, он достал справку из музея наглядных пособий, что ему, Буренину, выдан «волшебный фонарь» для чтения лекций в воскресных школах, а ящик с «фонарем» открывать нельзя. Вместо «волшебного фонаря» в ящике обычно лежала нелегальная литература²⁸.

Среди документов финляндского жандармского управления мне попалось донесение подполковника Гибера фон Грейффельса из Выборга, в котором он докладывал генералу Фрейбергу о задержанной в июле 1904 года возле Выборгского шоссе конной подводе. На телеге оказалось 5 пудов русской нелегальной литературы.

Возчик Ило Суси и еще двое мужчин, бывших с ним, арестованы²⁹.

Такая удача жандармам выпадала не часто. Значительная часть литературы доходила до места назначения. Фрейберг сам признавал это, заявляя в одном из донесений генерал-губернатору:

«В настоящее время фактически установлено, что большинство русской нелегальной литературы, издаваемой за границей, поступает в империю через Финляндию и что последняя не только служит удобным путем для водворения ее в столицу, но вместе с тем — местом целых складов, откуда при удобных случаях она провозится в империю»³⁰.

Пробивая все жандармские кордоны, транспорт партийных газет и книг шел в Россию, помогая большевикам на местах готовить рабочий класс к революционным боям. Н. К. Крупская сообщала в письме Г. М. и З. П. Кржижановским 23 сентября 1902 года, что «пиво варится», то есть литература через Швецию и Финляндию идет³¹.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ В. И. Ленин Полн. собр. соч., т. 46, стр. 92.

² См.: В. Смирнов Из революционной истории Финляндии 1905, 1917, 1918 гг. Л., 1933; «Пролетарская революция», 1926, № 1(48); Первая боевая организация большевиков 1905—1907 гг. М., 1934.

³ «Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине», т. 2. М., Госполитиздат, 1957, стр. 729.

⁴ «Известия», 3 января 1967 года «Верность революционному партийному долгу» Публикация ЦПАИМ-Л при ЦК КПСС.

⁵ K. Zilliacus Supplement till Det revolutionära Russland, 1906, Inledning.

⁶ В. Смирнов Из революционной истории Финляндии 1905—1917, 1918 гг., стр. 21.

⁷ В. И. Ленин Полн. собр. соч., т. 5, стр. 352—357.

⁸ Финляндский государственный архив. Ес 5, № 11, стр. 6.

⁹ Там же. Ес 9, № 1, донесение от 28.01.1903.

¹⁰ K. Zilliacus. Från ofardstid och oroliga år. Tammerfors, 1960.

¹¹ Финляндский государственный архив. РКХ, № 110, донесение от 7.02.1901.

¹² Там же. Донесение от 15.02.1901.

¹³ Там же. Ес 7, № 7, стр. 26.

¹⁴ Там же. Ес 10, № 5, стр. 20.

¹⁵ Там же. Ес 10, № 7, стр. 6.

¹⁶ Первая боевая организация большевиков 1905—1907 гг., стр. 42.

¹⁷ Финляндский государственный архив. S 1, № 45, стр. 545.

¹⁸ Там же. Ес 10, № 8, донесение № 2746.

¹⁹ Там же. Ес 11, № 9, стр. 26.

²⁰ Там же. Ес 10, № 8, стр. 75.

²¹ Там же. Ес 6, № 2, стр. 77.

²² Там же. Ес 6, № 3, стр. 27.

²³ Там же. Ес 7, № 8, донесение № 2038.

²⁴ Там же. Ес 9, № 3, стр. 92.

²⁵ Там же. Ес 10, № 7, стр. 110.

²⁶ Там же.

²⁷ В. Смирнов Из революционной истории Финляндии 1905—1917, 1918 гг., стр. 25—26.

²⁸ Н. Е. Буренин Памятные годы. Л., 1967, стр. 58.

²⁹ Финляндский государственный архив. S 5, № 4, стр. 255.

³⁰ Там же. РКХ. Ес 10, № 7, стр. 110.

³¹ Ленинский сборник VIII, стр. 279.

ПОЧТМЕЙСТЕР ИЗ ВАРДЕ

«Искра» шла в Россию не только через Швецию и Финляндию, но и через Норвегию. 5 мая 1902 года из Лондона было послано шифрованное письмо агентам «Искры» в Петербурге П. Н. Лепешинскому и И. И. Радченко. Когда оно, пройдя долгий путь и миновав все цензурные рогатки, попало наконец в руки Радченко, он расшифровал его и прочел:

«Вчера получили письмо из Варде от тамошнего книгопродавца Бродкорба (рекомендованного в прошлом году ссыльным Мейером). Он берется получать литературу и передавать ее с необходимыми предосторожностями нашему человеку. Человек с «Николая» должен сам зайти к нему, взять литературу и заплатить деньги, по 10 руб. за пуд. Пароль меняем, так как Бродкорб, вероятно, не знает русского языка: «ich bin der Freund von Herrn Anders». На «Трифона» доставлять Бродкорбу поручать неудобно. Сообщите: 1) передали ли пароль, 2) высылать ли литературу и 3) если да, то к какому сроку и сколько. Сообщайте точнее: необходимо пунктуально выполнять условия»¹.

Письмо было от В. И. Ленина и Н. К. Крупской. В Ленинском сборнике, где опубликовано это письмо, имеется примечание, что книготорговец Бродкорб из норвежского города Варде передавал полученную литературу и газету «Искра» на русские пароходы «Св. Николай» и «Св. Трифон», которые курсировали между северным норвежским побережьем и российскими портами на Белом море².

В июле того же 1902 года Владимир Ильич снова пишет Радченко о пересылке «Искры» через Варде:

«От торговца рыбой получено известие, что можно высылать, посылать»³.

Вот, собственно, все отправные данные, которые я имел, когда поехал в Норвегию, чтобы побольше разузнать об этом, самом северном пути «Искры» в Россию.

...Фолькетс хус — Народный дом, современная многоэтажная коробка из стекла и бетона, возвышается на торговой площади неподалеку от центральной улицы Осло, Карл-Юхансгате. Здесь, в этом большом доме с длинными коридорами, расположены правления норвежских профсоюзов. На пятом этаже две или три комнаты занимает архив рабочего движения.

Встретили меня там хорошо, предоставили в мое распоряжение все книги и документы, какие есть в архиве, сокрушались, что во время гитлеровской оккупации многие документы немцами были сожжены. Первой на мой стол легла книга Эгgede-Ниссена «Этт лив и стрид» («Жизнь в борьбе»), вышедшая в Осло в 1945 году. Я слышал об Эгgede-Ниссене раньше, как о большом друге нашей страны. Он был основателем Норвежской компартии.

Эгgede-Ниссен с 1897 года работал почтмейстером в одном из северных городов Норвегии — в Варде. Для установления почтовых связей с городами российского Поморья совершил поездку в Россию, начал изучать русский язык. В январе 1900 года избран председателем союза «венстре» (левых) в Варде. Сотрудничал в газете левой ориентации «Финмаркен», издававшейся в этом городе. В 1901 году стал руководителем отделения норвежской рабочей партии. Он пользовался большим авторитетом во всей области и был избран жителями Финмаркена депутатом стортинга (парламента).

Специальную главу своей книги Эгgede-Ниссен посвятил сотрудничеству с русскими социал-демократами, а позднее — с большевиками. Это сотрудничество началось в 1901 году, когда Эгgede-Ниссен встретил в Копенгагене русских социал-демокра-

тов, в том числе Винцентса Гордера, норвежца, выросшего в России. Почтмейстер из Варде предложил Гордеру свои услуги в транспортировке русской социалистической литературы в Россию через северную Норвегию. Тот согласился и обещал вскоре приехать в Варде. Но приехал он лишь в 1903 году, имея паспорт на имя Карллунда и ящики с литературой.

О технике транспортировки Эгед-Ниссен сообщает следующее: «Гордер (Карллунд) и я договорились с одним купцом о транспортировке брошюр в Архангельск. Он торговал соленой рыбой в бочках. В средину каждой бочки клали связку брошюр в промасленной бумаге. Бочки перевозили в Россию пароходы «Ломоносов» и «Николай». Все шло благополучно около месяца, но однажды бочка упала на палубу и разбилась. Связку с брошюрами обнаружили. Были осмотрены другие бочки. Погрузку рыбы власти взяли под строгий контроль, и Карллунд нашел, что ему лучше побыстрее перебраться с литературой на юг. Потом он на корабле перевозил ее из Швеции в Финляндию до рождения. За ним уже начала охотиться «охранка»⁴.

Первая неудача не обескуражила Эгед-Ниссена. После провала транспорта с рыбой он стал посылать литературу с матросами русских кораблей, которые заходили в Варде и шли потом в порты Белого моря. Среди моряков у него появилось много друзей. По прибытии в Варде они заходили к нему и каждый раз возвращались на корабль с пакетами брошюр.

Через три года, в 1906 году в типографии социал-демократической газеты «Финмаркен» начали печатать тысячами экземпляров русские революционные брошюры. В типографии работали русские эмигранты-революционеры. Старшим был инженер из Архангельской губернии. Его подпольная кличка была Фишер. Настоящего имени инженера Эгед-Ниссен не сообщает. Второй прибыл в Варде позднее, в начале 1905 года. Его фамилия была Грачев. По словам автора книги, у Грачева на лице был шрам — память о кровавом воскресенье 9 января 1905 года у Зимнего дворца. Грачев был корректором. Наборщиком и типографом работал Лисичкин.

Эгед-Ниссен пишет, что, кроме брошюр, они выпускали еженедельную газету на русском языке «Помор», которая распространялась в Архангельской и Мурманской губерниях. Однажды напечатали сборник русских революционных песен.

Летом 1905 года в Финмаркен был назначен новый амтман (губернский начальник) по фамилии Урбюе. Он решил поме-

шать печатанью в Варде русской подпольной литературы. Однажды ночью, когда Эгед-Ниссен был в отъезде, в его дом в Варде нагрянула полиция. Перерыли все, включая матрацы. В типографии, подняв с постелей русских, тоже устроили обыск и уничтожили все найденные брошюры. Жене Эгед-Ниссена удалось с ребенком в коляске проскользнуть мимо полицейских к ближайшему бару и рассказать там об обыске рыбакам. Те немедленно пошли на почту и дали телеграмму Эгед-Ниссену: «Выезжай срочно домой». Когда тот приехал, было уже поздно: очередная партия русских брошюр, готовых к отправке, была сожжена.

Рабочая печать Норвегии забила тревогу. Протесты общественности вынудили поставить вопрос о действиях полиции против типографии в Варде в стортинге. Премьер-министр сообщил в оправдание, что эти меры были приняты по просьбе царского правительства.

Рабочее движение одержало победу, добившись запрета полицейских преследований типографии «Финмаркен». Печатание русской подпольной литературы продолжалось.

Я отложил книгу Эгед-Ниссена и взял переплетенную в толстый картон подшивку журнала «Де тьовунде орхундреде» («Двадцатое столетие»), который издавался с первых годов XX века и вплоть до 1910 года норвежскими социал-демократами. Редактором его в первые годы был Гордер. В журнале сотрудничали Эгед-Ниссен, Эллизиф Вессель и другие деятели левого крыла норвежской рабочей партии. Печатались статьи Маркса, Лафарга, Жореса. В одном из номеров за 1906 год опубликована статья Эгед-Ниссена «Мои русские товарищи» с фотографией, на которой изображены сам автор статьи и три русских революционера, работавшие в типографии «Финмаркен»⁵.

В статье Эгед-Ниссен высоко оценивал способности русских революционеров, их энтузиазм, писал, что, если русскому социал-демократу дать задание выпустить революционные листовки, он выполнит задание, если даже до этого никогда не стоял у наборной кассы. Двоих из его русских товарищей послала в Варде партия. Молодой парень на фотографии справа — это юнга, попавший в Варде после волнений в навигационной школе. В середине стоял один из тех, кто шел с народом к Зимнему дворцу 9 января 1905 года. Память об этом событии осталась у него на лице — шрам от удара казацкой палкой и на руке — от подковы лошади. Очнулся он в тот день в госпитале

Был студентом, готовился стать учителем, но народу сейчас нужнее революционеры. Третий был революционером по званию и по профессии. Эгед-Ниссен пишет, что ни у кого не видел такой трудоспособности, как у него. Это был Фишер.

В конце статьи Эгед-Ниссен говорит: «Счастлива Россия, которая имеет таких сыновей и дочерей, которые не сгибаются при любой погоде»⁶. Итак, Эгед-Ниссен и Гордер организовывали транспортировку русской социал-демократической литературы в Россию через Северную Норвегию.

Когда я читал рассказ Эгед-Ниссена о перевозке литературы в бочках, я невольно вспомнил, что Ленин во втором письме Радченко тоже писал о рыборотковце из Варде. Не одного ли и того же торговца рыбой имели в виду Ленин и Эгед-Ниссен?

А купец Бродкорб? Может быть, он торговал не только книгами, но и рыбой? Нет ли каких-нибудь документов о транспортировке подпольной русской литературы у его родственников? Не сохранилось ли здание типографии «Финмаркен»? Может быть, лежат еще в библиотеках Северной Норвегии брошюры, отпечатанные на русском языке шестьдесят лет тому назад в Варде?

Я написал письма в адреса библиотек трех северных городов области Финмаркен: Вадсё, Варде и Киркенес. В каждой библиотеке в Скандинавии, как правило, имеется архивный отдел, и там могли сохраниться материалы по интересующим меня вопросам.

Библиотека в Киркенесе на два моих запроса не ответила ничего. Из библиотеки в Варде на мое письмо сообщили: «В связи с тем, что все старые рукописи и книги сгорели во время войны, помочь Вам ничем не можем». И только из библиотеки в Вадсё, являющейся центральной библиотекой Восточного Финмаркена, пришло письмо, которое меня обрадовало. Председатель правления библиотеки, сотрудник газеты «Финмаркен», издающейся и поныне, Сверре Нильсен извещал меня, что в библиотеке хранятся два экземпляра русских брошюр, печатавшихся в типографии «Финмаркен» под руководством Эгед-Ниссена. Всего, как он сообщает, в типографии было отпечатано около 400 наименований русских изданий.

Далее Нильсен писал, что здания типографии в Варде не сохранилось: оно было разрушено во время немецкой оккупации. Насколько ему известно, все норвежцы, сотрудничавшие с русскими социал-демократами, умерли, не оставив после себя ни

воспоминаний, ни писем о нелегальных связях с русскими революционерами.

Сверре Нильсен выслал мне два экземпляра газеты «Финмаркен», в которых помещено много материала об истории этого северного края и, в частности, о старинных торговых связях населения Северной Норвегии с русскими поморами.

В одном из номеров есть фотография русских кораблей, стоявших в порту Варде, перепечатано из «Финмаркен» за 5 сентября 1905 года воззвание к русскому крестьянству, в котором разоблачаются попытки царизма обмануть народ с помощью созыва Государственной думы. Как я полагаю, это воззвание — перевод одной из листовок, печатавшихся на русском языке в типографии «Финмаркен»⁷.

В этом же номере газеты имеется рассказ о том, как 60 лет тому назад в Варде прибывали русские пароходы «Николай» и «Ломоносов» с беженцами и крестьянами, ехавшими на период путины в Финмаркен. По вечерам они устраивали на набережной танцы и пели хором песню о Степке Разине⁸. С этими пассажирами и отправляли Эгед-Ниссен и его друзья большевистскую подпольную литературу в Мурманск и Архангельск.

Но на каждом пароходе среди пассажиров находился тайный агент российской жандармерии, который следил за «подозрительными» и сообщал о них по прибытии в первый российский порт. По доносу такого агента был подвергнут допросу и обыску в Архангельске сам Эгед-Ниссен, когда он совершил поездку осенью 1907 года в Россию⁹.

В газете я нашел интересную заметку об истории семьи Бродкорб¹⁰ (правильно его фамилия пишется — «Бродткорб»). Оказывается, основатель купеческой династии Бродткорб обосновался в Варде еще в XVIII веке.

Я попросил Сверре Нильсена выяснить, кто из Бродткорбов мог сотрудничать с русскими революционерами, а заодно, если это возможно, выслать мне копии русских брошюр, хранящихся в библиотеке.

Вскоре пришел ответ. Купца звали Рангвальд Бродткорб. Его сейчас нет в живых. Наследники перебрались в город Скен. В семейных архивах родственников Бродткорба, которые живут еще в Варде, никаких документов о связях Рангвальда Бродткорба с русскими социал-демократами нет.

Вместе с письмом пришли фотокопии одной из брошюр, отпечатанных в типографии «Финмаркен». На титульном листе ее стоит: «Российская социал-демократическая рабочая партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Здесь же стоит сноска, что издательство «Помор» перепечатывает без изменения текст брошюры с издания «Искры».

Сверре Нильсен нашел также фотографию здания типографии «Финмаркен» в Варде. Что касается Гордера, то о нем краевед из Вадсё сообщить мне ничего не мог. Да это и понятно: ведь Гордер приезжал в Варде на короткое время и вряд ли оставил о себе какие-нибудь следы.

В VIII Ленинском сборнике имеются сведения, что норвежский социал-демократ Гардер (фамилия его по-норвежски пишется через два «а», но читается, как «о», поэтому правильно будет «Гордер») участвовал в налаживании транспорта русской подпольной литературы для петербургского «Союза борьбы» в конце XIX века и был арестован в 1900 году¹¹.

Архив рабочего движения в Осло помог мне найти некоторые биографические сведения о нем. Винцентс Гордер ребенком вместе с родителями приехал в Россию, закончил гимназию в Харькове, поступил в Харьковский университет, затем продолжал учебу в Петербурге. Студентом начал участвовать в революционном движении. Был арестован в 1900 году и осужден к трем годам ссылки в Сибирь. Ему удалось избежать ссылки и уехать в Норвегию, где он также принимал участие в социал-демократическом движении, помогал транспортировать марксистскую литературу в Россию, для чего приезжал в Швецию. Жил в Финляндии, после Великой Октябрьской социалистической революции был в нашей стране, но вскоре вернулся в Норвегию. Неподалеку от Осло, у городка Ос купил небольшое крестьянское хозяйство и «осел на землю», отойдя от активной политической деятельности. Умер в 1945 году¹².

Сотрудница архива Гунхилд Вагн сказала мне, что у Гордера «где-то» должен быть сын. Через несколько дней она дала мне адрес сына Гордера, Пауля. Он, оказывается, живет в том же отцовском хозяйстве в Осе, руководит сельскохозяйственной школой. Я написал ему письмо с просьбой сообщить, не осталось ли каких материалов, связанных с нелегальной деятельностью его отца. Пауль Гордер ответил, что архивов и писем после отца не сохранилось.

Верным другом нашей страны до конца дней своих оставался Адам Эгед-Ниссен. Вскоре после Октября он был в Петрограде: в Смольном, разговаривал с Лениным. Об этой встрече с Владимиром Ильичем он написал специальную статью¹³. Будучи с 1936 года председателем Коммунистической партии Норвегии,

многолетним председателем Общества норвежско-советской дружбы, он часто бывал в нашей стране и с радостью следил за успехами советских людей.

В 1938 году, когда отмечали 70-летие Эгед-Ниссена, вышла брошюра, в которой в числе его старых друзей в качестве автора выступала А. М. Коллонтай. Друзья желали юбиляру доброго здоровья на благо рабочего класса. Сам он писал в предисловии к брошюре:

«Самым великим событием в моей жизни была победа рабочего народа над царизмом и капитализмом, триумф социализма в Советском Союзе»¹⁴.

Он предупреждал мир об опасности нацизма:

«Я думаю, что мы, коммунисты и социалисты, все демократы и друзья мира должны сейчас объединиться в единый фронт против фашизма, за счастье наших народов»¹⁵.

Эго пророческое предостережение было сделано за два года до того, как гитлеровский фашизм вероломно, без объявления войны напал на родину Эгед-Ниссена, и тысячи коммунистов и социалистов были замучены, брошены в концлагеря и тюрьмы.

...Однажды я был в гостях у старого доброго знакомого Ивара Ли, старейшего деятеля и секретаря Норвежской компартии. Мы сидели, пили кофе, приготовленный женой Ивара Лисбет. Я рассказывал о моих неудачах в розысках материалов о связях русских и норвежских социал-демократов. Ивар взял с полки какую-то книгу и сказал:

— Эту книгу я берегу. Но тебе подарю. Вижу, что она тебе сейчас нужнее.

И сделал на титульной странице книги дарственную надпись. Это была книга Эгед-Ниссена «Жизнь в борьбе», ставшая библиографической редкостью.

Ивар, размешивая сахар в чашке, произнес:

— А ведь в Осло живет сын Эгед-Ниссена. Ты знаком с ним?

Нет, я не был еще знаком с сыном Эгед-Ниссена, но слышал о нем. Ивар взял телефонный справочник Осло и начал листать его. Нашел нужную страницу, показал мне. Я прочел: «Адам Эгед-Ниссен, врач».

Попрощавшись с хозяевами, я поехал в гостиницу, и сразу же, хотя был поздний вечер, позвонил Адаму Эгед-Ниссену. Он пригласил меня приехать на квартиру, чтобы поговорить. Я поймал его на слове:

— Так я еду!

В пригороде Осло Хольмен таксист долго кружил по завьюженным снежным улочкам, пока нашел нужный номер дома. Деревянный, крашенный охрой домик дачного типа. Звоню. Дверь открывает средних лет мужчина с серебром в курчавых волосах. Адам приглашает меня в комнату, знакомит с женой. Та предлагает обязательный кофе. Сначала ведем разговор о коньках, о мировом чемпионате, проводившемся в те дни в Осло, о шансах норвежских и советских конькобежцев на медали. Наконец я не выдержал, сказал, что приехал посмотреть, нет ли материалов отца. Адам вышел и через несколько минут вернулся с фанерным ящиком, набитым бумагами. Он вынимал бумаги, подавал мне, я откладывал в сторону то, что считал нужным посмотреть более внимательно.

В ящике оказались фотографии, рукопись книги «Жизнь в борьбе», документы и удостоверения личности, газетные вырезки. Меня интересовали русские брошюры, документы о русских революционерах — словом, первые годы нашего века. К сожалению, ничего нового я не нашел, если не считать двух газетных статей. В одной из них Эгед-Ниссен называет фамилию Крупенского — русского посла, по просьбе которого была произведена конфискация русских брошюр в его типографии¹⁶. В другой статье называет имя товарища, с которым имел связь во время печатания русских брошюр — Шевелкин¹⁷.

Врач Адам Эгед-Ниссен прилично говорит по-русски. Он окончил советский медицинский институт. С улыбкой рассказывал он, как в студенческие годы жил в крохотной комнатке известной скандинавистки Нины Крымовой, познавая на практике русскую поговорку «в тесноте, да не в обиде». Теперь Эгед-Ниссен — единственный депутат-коммунист в городском самоуправлении Осло.

Адам вышел меня провожать до станции электрички, идущей в центр города. На прощанье крепко пожал руку:

— В следующий раз летом приезжайте. Летом у нас здесь красиво.

Под стук колес я думал: «Опять не нашел ничего ценного. А что делать? В девяти случаях из десяти мои поиски и раньше заходили в тупик. Но зато сколько замечательных людей встречаешь по пути, какие неожиданные факты узнаешь, пусть и не имеющие прямого отношения к теме поиска! Вот и сегодня мне повезло. Я познакомился с сыном почтмейстера из Варде, на заре существования нашей партии помогавшего транспортировать революционную литературу в царскую Россию, и был при-

ятно поражен, как сын похож на отца: он такой же горячий патриот Норвегии, по-отцовски влюблен в первую Страну Советов». ...За окнами вагона росло зарево огней. Приближался Осло.

В Москве в архивах я пытался потом разыскать какие-нибудь документы о русском революционере Фишере, деятельность которого так высоко оценивал Эгед-Ниссен. Оказывается, социал-демократ по фамилии Фишер был. Но он жил в эмиграции в Англии, а в Норвегии не бывал. Так что вряд ли это был тот человек.

Я решил проверить, кто такой был Шевелкин, фамилию которого Эгед-Ниссен назвал в газете «Арбейдерен» в 1936 году. Поскольку все нити отсюда шли в Архангельск, я начал просматривать подшивку архангельской областной газеты, надеясь, что местные краеведы разыскивали какие-нибудь документы об этом, самом северном пути «Искры». И мне повезло: в одном из мартовских номеров за 1969 год я увидел некролог «Н. А. Шевелкин»¹⁸. В некрологе сообщалось, что в городе Кирове на 98-м году жизни скончался Николай Алексеевич Шевелкин, старый член партии, один из основателей Архангельской организации РСДРП, делегат Третьего съезда партии. На съезде ему было дано ответственное задание: организовать транспорт нелегальной большевистской литературы через Норвегию в Архангельск. После Великой Октябрьской социалистической революции он был уполномоченным Наркомвнешторга в Мурманске, а затем работал в Кировской области. С 1938 года получал персональную пенсию.

Итак, Шевелкин, о котором писал Эгед-Ниссен, был большевиком и действительно жил по заданию партии в Норвегии. Но под каким псевдонимом? Фишер? Грачев? Лисичкин?

В 1966 году в Северо-Западном книжном издательстве вышла брошюра А. Г. Веселова «Считать полноправным». Автор собрал значительный архивный материал об истории Архангельской партийной организации. В брошюре сообщаются подробности о поездке Шевелкина в Норвегию. Оказывается, он жил в Варде. Приехал он туда с паспортом Г. Фишера, который в 1904 году отбывал ссылку в Архангельске вместе с ним¹⁹. Так в Варде появился Фишер, он же — Н. А. Шевелкин. О том, что Шевелкин занимался транспортом большевистской литературы, свидетельствуют некоторые письма Н. К. Крупской. Так, 19 июля 1905 года она писала Рижскому комитету РСДРП:

«Архангельск(ий) делегат сидит в Норвегии. Просит скорее сообщить, в каких портовых городах имеются лица, имеющие возможность получать литературу от английских матросов...»²⁰

Правильно назвал Эгед-Ниссен фамилию другого подпольщика, жившего в Варде: Грачев. По данным А. Г. Веселова, партийное издательство в Варде возглавлял В. Ф. Грачев²¹.

Таким образом, подлинные имена двух друзей Эгед-Ниссена удалось установить. Неизвестно пока ничего о третьем — наборщике Лисичкине, бывшем юнге.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Ленинский сборник VIII, стр. 228.

² Там же.

³ Там же, стр. 259

⁴ Adam Egede-Nissen. Ett liv i strid, Oslo, 1945, s. 102.

⁵ "Det tyvende Aarhundrede", december 1906, s. 20—21.

⁶ Там же, стр. 21.

⁷ "Finmarken", 30 06 1959, s. 2.

⁸ Там же, стр. 12.

⁹ A. Egede-Nissen. Ett liv i strid, s. 145—147.

¹⁰ "Finmarken", 30 06 1959, s. 31

¹¹ Ленинский сборник VIII, стр. 119.

¹² Arbeidernes leksikon, Bind III, Oslo, 1933, s. 640 Per Sogstad Ungdoms Fanevakt, Oslo, 1951, s. 97.

¹³ A. Egede-Nissen. Hos Lenin for tyve år siden. Oslo, 1937.

¹⁴ A. Egede-Nissen. På 70-årsdagen Oslo, 1938.

¹⁵ Там же.

¹⁶ "Finmarks framtid", 27 06. 1938

¹⁷ "Arbeideren", 6 11. 1936

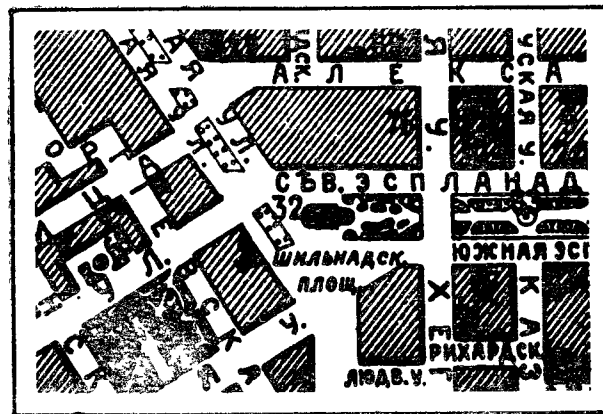
¹⁸ «Правда Севера», 20 марта 1969 г.

¹⁹ А. Веселов. Считать полноправным. С-З. книжн. изд-во, 1966, стр. 81.

²⁰ ЦПА ИМЛ, ф. 25, оп. 25, Н., ед. хр. 20 065, л. 1.

²¹ А. Веселов. Считать полноправным, стр. 97.

ТАЙНА ВАЛЬТЕРА ШЁБЕРГА

В Хельсинки на широкой улице Стуренкату, на горе высится кирпичное здание Дома культуры. Оно было построено на деньги и руками рабочих. Я встречал финнов, которые работали на субботниках по строительству Дома культуры. В этом здании, на втором этаже две комнаты отведены под архив рабочего движения. Сотрудник архива Нестори Парккари не раз оказывал мне помощь в розыске нужных материалов. Он же посоветовал мне познакомиться с Сьюлви-Кюллики Кильпи.

Я слышал об этой женщине и раньше. Она в течение многих послевоенных лет была председателем Общества дружбы «Финляндия — СССР», занималась изучением материалов, связанных с пребыванием В. И. Ленина в Финляндии. В 1957 году в Хельсинки вышла ее книга «Ленин я суомалайсет» («Ленин и финны»). В книге говорится о работах Владимира Ильича, посвященных Финляндии, о его встречах с финскими социал-демократами и о пребывании Ленина на земле Суоми.

Интерес финнов к Ленину так велик, что книгу быстро раскупили. В 1965 году я обошел крупнейшие книжные магазины

Хельсинки, но нигде не нашел книги Кильпи. Лишь позднее мне подарил ее секретарь Общества финляндско-советской дружбы в Турку Юрма Валтакари. Учитывая спрос на книгу, Кильпи подготовила второе ее издание. Оно вышло в свет в конце 1967 года.

К Сюльви-Кюллики Кильпи со мной поехал ее знакомый, А. А. Бородавкин, переведший на русский язык многие рассказы Мартти Ларни. Поднимаемся на лифте на шестой этаж дома на улице Хямментие, где живет Кильпи. Дверь открывает седая женщина с большими, живыми глазами. У ее ног трется огромный черный кот.

— Мы рады гостям, — улыбаясь, говорит Кильпи, поглаживая кота, перекочевавшего к ней на руки.

Стены светлой комнаты до потолка уставлены книжными полками. Большинство книг — по истории Финляндии. После краткого светского разговора я, решив, что дань приличию отдана, вынимаю блокнот и начинаю журналистский «допрос»:

— Не встречали ли вы во время сбора материалов для книги каких-нибудь неизвестных документов, связанных с пребыванием в Финляндии Ленина? Может быть, сохранились какие-то документы в частных архивах финских граждан?

— Вы знаете, меня давно мучает тайна одного архива, — ответила госпожа Кильпи. — Я пыталась разыскать документы Вальтера Шёберга. Беседовала с людьми, знавшими его, но пока следов его архива не нашла. В тридцатых годах Шёберг, тогда уже старик, говорил, будто в одном из сейфов какого-то банка в Хельсинки, открытом на его имя, хранятся документы о подпольной деятельности большевиков в годы первой русской революции. Не исключено, что в его архиве были документы, имевшие отношение к пребыванию в Финляндии В. И. Ленина.

Я встречал имя Вальтера Шёберга в воспоминаниях старых большевиков-подпольщиков. Это был владелец винного, а потом антикварного магазина в Хельсинки. Шёберг принадлежал к числу финляндских «активистов», которые помогали русским революционерам. Член боевой технической группы при ЦК Н. Е. Буренин писал о Шёберге:

«Чрезвычайно ценной для нас была наша партийная явка в Гельсингфорсе на Генриховской улице, дом 6, в винном магазине Вальтера Ивановича Шёберг со знаменитой огромной зеленой бутылкой, висевшей на кронштейне в виде рекламы при входе и служившей прекрасной приметой для приходивших»¹. О Вальтере Шёберге тепло отзывались и другие русские подполь-

щики тех лет. Он спас десятки большевиков от лап жандармов.

Буренин рассказывал о таком случае. Член боевой технической группы ЦК Федосья Ильинична Драбкина однажды прибыла в Гельсингфорс, чтобы забрать очередной груз оружия. Она была молода, хороша собой. Как всегда приехала с дочкой Лизой, которой тогда, накануне революции 1905 года, было 4—5 лет. Красивая, модно одетая молодая женщина с прелестной дочкой никогда не вызывала подозрений у жандармов и таможенников.

На этот раз Наташе (такой была конспиративная кличка Ф. И. Драбкиной), предстояло провезти в Петербург детонаторы для взрывных устройств. На квартире Шёберга Буренин передал их. Наташа спросила, где бы она могла переодеться. Шёберг проводил ее в спальню, и Наташа начала шить себе корсет с карманами для детонаторов. Буренин и Шёберг, занятые разговором, не заметили, как маленькая Лиза взяла один из детонаторов и начала играть им, подбрасывая его в воздух. Внимание взрослых привлек стук упавшего на пол предмета. Они испугались. Ведь от одного детонатора могли взорваться другие, и дом взлетел бы на воздух. Наташа, узнав, чем играла ее дочь, только рассмеялась и сказала, что Лиза такой игрушкой играет не первый раз.

Пока Наташа примеряла сшитый из простыни корсет, в дверь позвонили. Шёберг пошел открывать и, вернувшись, возбужденно сообщил Буренину:

— Полиция! Немедленно спрячь женщину. Ты же знаком с Трофимовым!

Буренин вспомнил, что через двор жил симпатизировавший большевикам типографский рабочий Трофимов. Наташа и Буренин выскочили во двор через заднюю дверь, в то время как Шёберг в прихожей разговаривал с полицейскими и угощал их сигарами. Полиция искала «подозрительную женщину». Поверхностно произведенный в квартире обыск не дал никаких результатов.

Наташа должна была уехать из Гельсингфорса по паспорту известной финской певицы. На вокзале, перед отходом поезда собрались «поклонники» певицы. Они преподнесли «артистке» большой букет цветов. И тут Буренин заметил, что за проводами Наташи через окно этого же вагона внимательно наблюдает жандармский полковник.

Буренин решил, что Наташа попала в ловушку, но предупредить ее уже не мог. Всю ночь он не мог уснуть. Успокоился только тогда, когда из Петербурга сообщили, что Наташа при-

была благополучно. Жандармский полковник даже помог Наташе, не пустив в купе на границе таможенников.

В другой раз Шёберг помог скрыться другому члену боевой организации большевиков — Грожану. За ним гнались по пятам жандармы. Только он успел войти в квартиру Шёберга, как у двери раздался настойчивый звонок. То была погоня. Шёберг успел показать Грожану на усы и бороду и выпустил его через заднюю дверь. Грожан забежал в расположенную поблизости парикмахерскую, сбрил усы и бороду, после этого вышел на улицу и спокойно прошел мимо дома Шёберга. Жандармы в это время делали обыск в магазине².

После поражения Свеаборгского восстания Шёберг скрывал у себя восставших солдат³. Он доставал билеты для большевиков-подпольщиков на корабли, идущие в Швецию, а однажды даже зафрахтовал целое судно для делегатов одного из съездов нашей партии⁴.

— Шёберг говорил, — сообщила мне магистр Кильпи, — что в случае его смерти тайну сейфа он передаст другу, тоже участвовавшему в работе боевой организации большевиков, М. В. Богомолу. После войны, когда вспомнили о словах Шёберга, ни его самого, ни Богомолова не было уже в живых. С ними пропала и тайна архива Шёберга.

После этого первого разговора я неоднократно встречался с Кильпи. Каждый раз меня поражало, как цепко она держит в памяти сотни фамилий, адресов и фактов. Но ее рассказ о пропавшем архиве Шёберга не выходил у меня из головы. Я долго обдумывал, с какого конца приняться за розыски архива. Ходить из одного хельсинкского банка в другой и спрашивать, нет ли у них сейфа на имя Вальтера Шёберга? Мне это казалось неподходящим. Советский гражданин вдруг заинтересовался банковским сейфом! Кроме того, я считал, что чиновник, к которому я обращусь, правды мне не скажет все равно, ибо сохранение тайны банковского вклада — непреложный закон.

Поэтому я решил прибегнуть к помощи печати. Написал письмо, в котором рассказал о нескольких неразгаданных деталях, связанных с пребыванием в Финляндии В. И. Ленина и подпольной деятельностью большевиков, в том числе и об исчезнувшем архиве Шёберга. Послал это письмо в Хельсинки Аркадию Огнивцеву, руководителю агентства АПН в Финляндии с просьбой пристроить в какую-нибудь финскую газету.

Аркадий перевел мое письмо на финский язык и опубликовал его в бюллетене АПН для финских газет. Мое письмо было напе-

чатано в журнале Общества «Финляндия — СССР» «Неуостолни-то Тяниян» в номере 5—6 за 1967 год, а также в газете «Ууси пийве» 17 февраля 1967 года.

Я надеялся, что письмо попадет на глаза кому-нибудь, кто что-то знает о судьбе архива Шёберга.

Прошло полгода. К сожалению, мой призыв через печать не вызвал откликов. И тогда, летом 1967-го, я решил пройти по конторам банков Хельсинки. Всего скорее, думал я, Шёберг мог иметь сейф в «Нурдиска банкен», потому что он был «активистом», а председателем «Нурдиска банкен» был Карл Маннергейм, брат маршала Маннергейма, изгнанный в 1903 году из Финляндии генерал-губернатором Бобриковым вместе с другими деятелями активного и пассивного сопротивления.

В главной конторе «Нурдиска Фёренингсбанкен» на Александеринкату я познакомился с лицензиатом Нюстрёмом, который занимается историей банка и руководит здешним музеем. Он заинтересовался моим рассказом и вызвался мне помочь.

Вместе с ним мы спустились на самый нижний, подвальный этаж здания банка, где по просьбе Нюстрёма служащие при нас просмотрели списки владельцев сейфов, начиная с первых лет XX века. Среди них имени Вальтера Шёберга, как нам сказали, не было. Такая же история повторилась и в нотариальном отделе банка. Среди лиц, имевших ценные бумаги в банке, ни Шёберга, ни Богомолова не оказалось.

Нюстрём порекомендовал мне обратиться в контору другого крупного хельсинкского банка «Гельсингфорс акциебанк».

Меня принял шеф нотариального отдела. По его распоряжению была просмотрена нотариальная картотека банка. Но тоже безрезультатно. Господин Гресбек сказал мне, что найти документы очень трудно, это все равно что искать иголку в стоге сена. Нужно знать точно, в каком отделении банка были документы. Только их банк имеет десятки отделений, и у каждого своя картотека, свой архив. А сколько банков в Хельсинки?

Так неудачно закончилась моя попытка найти архив Шёберга путем прямого поиска в двух крупнейших банках Хельсинки.

Однажды в номере гостиницы «Сеурахуоне» мне попался на глаза телефонный справочник города, который лежит возле телефонного аппарата в каждом номере гостиницы. «А почему не поискать по каталогу родственников Шёберга и Богомолова?» — подумал я. Начал листать толстую книгу. Ба, да здесь больше десятка Шёбергов! Кто из них родственник умершего в 1937 году Вальтера Шёберга? По телефонной книге не определишь, у фин-

нов и шведов нет отчества, по которому можно было бы узнать имя отца. Звоню одному, другому, третьему... Нет, попадают все другие Шёберги.

Решил посмотреть на букву «б». Четверо Богомоловых живут в Хельсинки. Набираю телефон первого Б. Богомолова, бизнесмена.

— Господин Богомолов? Я советский журналист. Простите за беспокойство, но не слышали ли вы такого имени: Вальтер Шёберг?

— Слышал, — отвечает мне мужской голос по-шведски.

— Так не родственник ли вы Богомолова, который был членом боевой организации большевиков?

— Я его сын.

— Вот удача! Как бы нам встретиться?

Сын Богомолова пригласил меня для разговора приехать на другой день в Яхалли — крытый ледяной стадион, где он работает.

Яхалли расположен в северо-западной части Хельсинки, за Олимпийским стадионом. Издалека видно огромное серое здание причудливой формы, с расходящимися кверху стенами. Стадион был закрыт, я едва нашел служебный ход. В зале шли последние приготовления к празднику: здесь намечалось проведение торжественного вечера по случаю 50-летия Финляндской Республики. Меня провели в кабинет Богомолова. Это был хорошо одетый, крепкий мужчина с седеющими волосами, в очках с золотой оправой.

Борис Богомолов родился в 1918 году в Хельсинки.

Подвигая ко мне пачку с сигаретами, он сказал:

— Я слышал эту историю с архивом Шёберга. Должен сразу заявить, что после смерти моего отца в 1952 году мы, его наследники, просмотрели все бумаги и ничего, кроме коммерческих документов и личной переписки, не нашли.

— А не было ли у отца сейфа в каком-нибудь банке? — спросил я.

— Был.

— В каком банке?

— В «Нурдиска банкен». Там тоже были только финансовые документы.

Значит, подумал я, в «Нурдиска банкен» сейф все-таки был. Но мне сказали, что имени Богомолова в списках клиентов банка нет и не было. Ошиблись или нарочно не сказали? Кто знает... Задаю следующий вопрос:

— А не мог Шёберг перепрятать свой архив куда-то в другое место?

— Едва ли, — после короткого раздумья ответил Богомолов. — Хотя, может быть, где-нибудь на даче в Огльбю. Но дачи его я не помню, да едва ли она сейчас и уцелела. Там идет большое строительство, многие старые деревянные дома снесены.

Я спросил, нет ли у Шёберга родственников. Оказывается, детей у него не было, и все имущество он завещал Богомоловым. Что касается знакомых Шёберга, то Богомолов называл несколько имен, но тут же добавлял: «Умер», «Нет в живых».

Ну, а квартира Шёберга? Может быть, там было что-нибудь? Богомолов и тут не оставил от моих надежд камня на камне. На квартире Шёберга на улице Петерсгата, 18 просмотрели все бумаги, искали на чердаке и в подвале. Ничего не нашли.

— А может быть, какие-то письма от русских революционеров сохранились?

— Я знаю, что у отца было письмо от Крупской. Он им очень дорожил, носил всегда при себе, в бумажнике. Однажды, было это во время войны, бумажник у отца вытащили в трамвае. Помню, он был больше огорчен потерей письма, чем бумажника с деньгами.

Возвращаясь от Богомолова, я вспомнил, что он называл адрес Шёберга: «Петерсгата, 18». А ведь Буренин писал, что винный магазин располагался на Генриховской улице, 6. Кто прав? Надо выяснить. Но улицы Генриховской теперь в Хельсинки нет. Где же она была 60 лет назад и как называется теперь?

Вышел из трамвая у исторического музея, здания, похожего на старинный замок. Сотрудница музея доктор Линдхольм согласилась помочь мне. В хранилище музея, на третьем этаже, стены были увешаны потемневшими от времени картинами на дорогих золотых рамах, а на полках стояли старинные книги. Доктор Линдхольм в ящиках одного из шкафов нашла то, что мне было нужно. На карте Гельсингфорса за 1900 год все названия улиц были написаны по-русски. Генриховская теперь называется Маннергеймовской. Дом номер 6, в котором, как писал Буренин, располагался магазин Шёберга, находился на западной стороне улицы. Он выходил на площадь Шилльнаден. Потом мы с доктором Линдхольм перерыли фототеку музея, искали фотографию дома с бутылкой на кронштейне, но не нашли.

Отправляюсь разыскивать дом. Маннергеймовская — центральная улица Хельсинки. Прохожу мимо здания парламента. Вот и центр города. На левой стороне возвышается большое зда-

ние универмага Штокмана, на правой выросли современные дома. Но в конце улицы сохранилось несколько старых зданий. Ищу дом номер шесть. Вот он! В нем расположена сейчас редакция газеты «Ууси суоми». Дом старый, каменный. Я зашел с другой стороны — есть задний двор и выход из него. Возможно, что именно этот дом и был когда-то тайной большевистской явкой, если, конечно, с тех пор не переменили нумерацию домов.

Не продолжить ли поиски в университетской библиотеке? Говорили, что в библиотеке — богатая коллекция старых писем. Нет ли там каких-нибудь следов? Надо на всякий случай проверить.

Старинное желтое здание с белыми колоннами. Заведующий отделом рукописей магистр Грёнрус, пожилой человек в очках, порекомендовал сначала поискать письма в картотеке.

Несколько часов прошло, пока я нашел карточки писем В. Смирнова. Я быстро убедился, когда письма оказались на столе, что это был, увы, не тот Смирнов. Писем Шёберга и Богомолва в архиве не оказалось.

Зато мне повезло в государственном архиве. Я заказал книгу адресов жителей Хельсинки за 1906 год. За этот год книги не сохранилось, но нашлась за 1908—1909 год. Имя Вальтера Шёберга в ней есть. Он проживал действительно на улице Петерсгата, 18^б. Вероятно, Шёберг переехал с Генриховской в 1905 или 1906 году.

Здесь, в архиве, сохранилось много материалов о транспортировке оружия накануне первой русской революции через Финляндию в Россию. Я старался проследить по жандармским донесениям, что знали они о доставке из-за границы оружия большевиками. Как известно, III съезд РСДРП одной из главнейших задач признал организацию пролетариата для непосредственной борьбы с самодержавием путем вооруженного восстания⁶. В январе 1905 года при Петербургском комитете была создана специальная группа для изыскания оружия и распределения его по местным организациям. Потом она была реорганизована в боевую техническую группу при ЦК. В нее входили Л. Б. Красин, Н. Е. Буренин, С. И. Гусев, Ф. И. Драбкина, А. М. Игнатьев, С. М. Познер, Н. П. Сагredo и другие. Один из членов боевой группы А. М. Игнатьев писал впоследствии, что оружие из Стокгольма шло теми же путями, что и литература, но не только через Або и Гельсингфорс, а и через Ганге и Котка. Сухопутным путем через Торнео шло незначительное количество⁷.

Должен сразу сказать, что, судя по сохранившимся документам в архиве, жандармам так и не удалось раскрыть тайную явку членов боевой большевистской группы у торговца Шёберга. Я не нашел ни одного упоминания об этом в жандармских донесениях, сохранившихся за период до конца 1905 года. Но начальник жандармского управления генерал Фрейберг через своих агентов знал, что через Финляндию «внедряется» оружие в Россию. Не раз в своих донесениях он докладывал генерал-губернатору об этом. В 1905 году сообщения о ввозе оружия, взрывчатки и боеприпасов даются ежемесячно. С начала навигации этого года по данным Фрейберга было завезено в Финляндию 3679 винтовок, 4468 револьверов и большое количество патронов⁸.

Довольно неожиданной для меня в этой связи была находка в одной из папок жандармского архива. В ней были подшиты документы помощника начальника жандармского управления на пограничном пункте в городе Торнео за 1905 год. Разбирая донесения, инструкции и прочие бумаги, нахожу вдруг знакомую фамилию «Воровский». Штаб-ротмистр граф Каменский извещает 14 июня 1905 года секретным письмом своего подчиненного, начальника жандармского пункта в Кемпи унтер-офицера Альберта Веца по поводу «дворянина Вацлава Воровского, известного под революционной кличкой «Шварц», принадлежащего к числу членов Центрального Комитета социал-демократической организации»⁹. Штаб-ротмистр сообщает, что Воровский «намерен в самом непродолжительном времени прибыть в Россию, причем привезти с собою зашитыми в платье адреса и инструкции местным комитетам по организации вооруженного сопротивления».

Приметы: 33 лет, рост — 178 см, телосложение среднее, цвет волос на голове, бровях и ресницах темно-русый, на усах и бороде светлее, волосы прямые, длинные, лоб высокий прямой...»¹⁰

Каменский приказывал задержать «означенного» Воровского при появлении в Кемпи.

Из биографии Воровского известно, что он действительно в конце 1905 года вернулся в Россию для участия в подготовке вооруженного восстания. Жандармы, хоть и были агентами своевременно предупреждены о его приезде, прохлопали. Он благополучно прибыл в Петербург.

Осенью 1905 года жандармскому штаб-ротмистру Каменскому и его подчиненному унтер-офицеру Вецу повезло. Это видно из приказа Каменского от 29 августа 1905 года, подшитого в той

же папке¹¹. В нем граф извещает, что около города Якобстад взорвалось неизвестное судно, и на воду всплыли ружейные приклады. Агенты донесли, что лодка с оружием успела ускользнуть и скрывается в шхерах где-то между Кеми и Якобстадом. Каменский приказывает Вещу целиком посвятить все время только розыску оружия. На агентурную работу при этом граф высылал сверх сметы 25 финских марок.

Из последующих документов видно, что унтер Вещ не пустил графских денег на ветер. Ему удалось обнаружить на одном из островов склад оружия, за что он позднее был повышен в должности, а его осведомители пожалованы крупной суммой денег. 6 сентября Каменский сообщает ему, что из Гельсингфорса на розыски оружия вышел крейсер «Азия» в сопровождении миноносца. На борту крейсера — целая оперативная группа жандармов во главе с ротмистром Тунцельманом¹².

Но что это за таинственное судно, взорвавшееся у берегов Финляндии? Это был «Джон Графтон», корабль, купленный в Англии и загруженный усилиями Конни Зиллиакуса оружием. На нем было 15,5 тысячи винтовок, 2,5 миллиона патронов и 2,5 тысячи револьверов, около 3 тонн взрывчатки¹³. Оружие предназначалось для финляндских «активистов» и русских эсеров.

В подготовке этого большого транспорта оружия принимали участие не разоблаченные еще тогда провокаторы, агенты царской охраны Азеф и Гапон. Нужно ли удивляться, что затея кончилась провалом? Сам Зиллиакус писал потом: «Оружие должен был принять Азеф. Но он пропал»¹⁴.

Боевая группа нашей партии, когда ей предложили, конечно, была не против принять хотя бы часть оружия. Н. Е. Буренин и В. М. Смирнов пытались встретиться в Копенгагене в июле 1905 года с одним из руководителей «активистов» Тернгреном¹⁵. Н. Е. Буренин по поручению Л. Б. Красина поехал в Лондон, чтобы выяснить через эсеров пути получения оружия. М. М. Литвинов на одном из островов возле Таллина с помощью петербургских рабочих и студентов, а также галлинских рабочих организовал рытье ям для оружия с этого парохода¹⁶. Но провокаторы сделали свое черное дело. «Джон Графтон» выгрузил часть оружия возле Кеми и Якобстада и ночью сел на мель. Капитан корабля решил взорвать судно. Лишь часть оружия успели увезти подоспевшие к месту крушения финские рыбаки и местные жители.

Большинство спасенных винтовок, как писал В. М. Смирнов, попало потом в руки боевой организации большевиков¹⁷.

Часть оружия с «Джона Графтона» паверпяка прошла потом через квартиру Шёберга, откуда его перевозили на себе в Петербург члены боевой организации.

Документы архива Шёберга, которые мне, к сожалению, не удалось разыскать, могли бы рассказать об этом подробнее.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Первая боевая организация большевиков 1905—1907 гг. М., 1934, стр. 53.

² Н. Е. Буренин. Памятные годы. Л., 1967, стр. 107.

³ Erkki Salomaa Viaporin kapina, Helsinki, 1965, s. 173.

⁴ S. K. Kilpi. Lenin ja suomalaiset, Helsinki, 1957, s. 35.

⁵ Adressbok och yrkeskalender för Helsingfors, 1908—1909, s. 532.

⁶ III съезд РСДРП. М., Госполитиздат, 1959, стр. 450—451.

⁷ Первая боевая организация большевиков 1905—1907 гг., стр. 80.

⁸ Финляндский государственный архив. ККК, Ес 16, № 1, донесение 650.

⁹ Там же, s. 16.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Finlands ofärdsår, 1899—1917. Stockholm, 1963, s. 134.

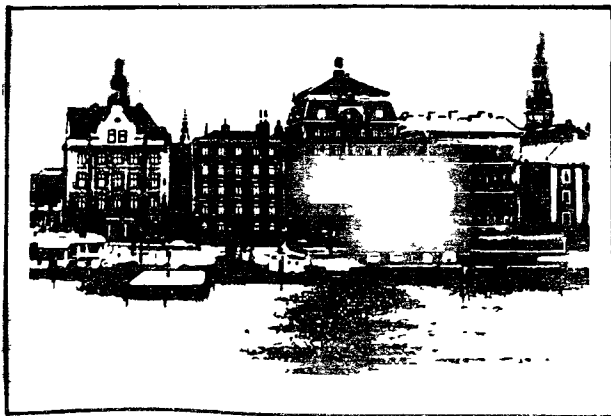
¹⁴ K. Zilliacus. Från ofärdsstid och oroliga år, Tammerfors, 1960, s. 145.

¹⁵ A. Törn gren. Från Finlands strid för rätt och frihet, Helsingfors, 1942, s. 185.

¹⁶ Первая боевая организация большевиков. 1905—1907 гг., стр. 111.

¹⁷ В. М. Смирнов. Из революционной истории Финляндии 1905, 1917, 1918 гг., стр. 19.

ВПЕРВЫЕ В СТОКГОЛЬМЕ

Впервые Ленин был в Стокгольме в ноябре 1905 года, по пути из первой эмиграции в революционную Россию. Пока мы очень мало знаем о его первом пребывании в шведской столице.

Весной 1905 года на III съезде партии он выступил с боевой программой борьбы за демократическую революцию в России. Нарастание революционных событий подтвердило правильность стратегии и тактики большевистской партии.

Ленин рвался из «постылой эмигрантской заграницы» в гущу борьбы. Стокгольм становится как бы промежуточным пунктом на пути к цели. Здесь Ленин пишет статью «Наши задачи и Совет рабочих депутатов», в которой дает оценку первым в мировой истории массовым политическим организациям, превращавшимся в органы новой, революционной власти.

Кто же помогал Владимиру Ильичу устроиться в шведской столице? С кем он встречался? Кто помог ему перебраться из Стокгольма в Финляндию, откуда была прямая дорога в Петербург? Здесь еще много неясного и о многом можно только догадываться.

Я решил прежде всего установить, в какое время дня и с каким поездом мог прибыть в Стокгольм Ленин. Пошел в железнодорожный музей, расположенный в одном из флигелей дожившего до наших дней здания вокзала «Сентрален». Сотрудник музея господин К. А. Альфрениус нашел расписание прибывавших в 1905 году в Стокгольм поездов. Из континентальной Европы в ноябре ежедневно прибывали два поезда: в 6-45 и 9-45 утра. Таким образом, Ленин прибыл в шведскую столицу утром.

Ноябрь — один из месяцев «темного периода» в Стокгольме. Над городом постоянно висят свинцовые тучи, и солнце совсем забывает о существовании жителей шведской столицы, даже не делая попыток пробиться к ним сквозь мглу и туман. На улицах в это время настолько темно, что в комнате весь день, за исключением, может быть, двух-трех часов в середине дня, приходится жечь электричество. Сутками не выключают световую рекламу на улицах. Дождь и сырой снег — вот чем потчует пешехода скандинавское небо осенью и зимой.

В одно такое промозглое ноябрьское утро на стокгольмский вокзал «Сентрален» и прибыл экспресс с юга, на котором впервые в шведскую столицу приехал В. И. Ленин. Я представляю себе, как он, выйдя на вокзальную площадь, осматривал дома на улице Васагатан и шел по мокрым камням, пересекая площадь.

Но куда он пошел? Кто встречал его? Где он жил? Очень трудно найти какие-нибудь следы пребывания Ленина в Стокгольме в ноябре 1905 года. В городском архиве есть папки анкет, заполнявшихся полицией на иностранцев, прибывавших в Швецию. Но полиция начала вести их только с 1906 года. Из архивов полиции и МИДа мне сообщили, что у них материалов о пребывании Ульянова-Ленина в это время в Стокгольме нет.

И это, возможно, так и есть. Ленин был мастером конспирации. Он мог ехать под чужой фамилией и с чужим паспортом. Ведь Владимир Ильич имел в годы подполья и эмиграции свыше ста различных псевдонимов!

Если он останавливался в частных квартирах, то в тех случаях, когда приезжий живет несколько дней, ни тогда, ни сейчас полиция прописки не требует. Если он жил в гостинице, то и там могло не остаться следов. Портые мог не внести никакой записи в книгу приезжих, удовлетворившись тем, что посмотрел паспорт прилично одетого иностранца.

В те годы в социал-демократической партии Швеции существовало левое крыло так называемых младосоциалистов, которое

возглавлял Хинке Бергегрен. Они выступали с резкой критикой оппортунистического руководства партии, призывая от реформистской деятельности переходить к более активным действиям. Правая пресса травила их, называла опасными преступниками, анархистами, и полиция не спускала с них глаз. Бергегрену не раз пришлось сидеть в тюрьме за свои убеждения.

Бергегреном «интересовались» и царские жандармы. Начальник финляндского жандармского управления Фрейберг разослал 30 января 1905 года циркулярное письмо всем своим подчиненным, в котором писал, что проживающий в Стокгольме «некий Хинке Бергегрен публично произносил дерзкие речи против государя императора и пытался подбивать простолюдинов к демонстрациям против русского консульства»¹.

Генерал предписывал «в случае появления вышеупомянутого лица» организовать за ним слежку и принять меры «дабы, в случае попытки с его стороны к агитации в Финляндии, ни одна из его прodelок или попыток не осталась бы не обнаруженной»².

Бергегрен и его друзья накануне и после революции 1905 года помогали нашей партии перевозить подпольную литературу через Швецию и Финляндию, доставали проездные документы для наших товарищей и переправляли их в Финляндию, заботились о проезжих в Стокгольме — словом, оказывали немало услуг.

Имя и адрес Бергегрена были известны в ЦК нашей партии. Это удалось установить по документам, обнаруженным в стокгольмском архиве рабочего движения. (О документах этих я расскажу подробно позднее.)

Вполне логично было предположить, что Ленина встречали в его первый приезд в Стокгольм Бергегрен и его друзья. Но они, вероятно, ликвидировали все письменные следы его пребывания в шведской столице. Во всяком случае, я не нашел каких-либо упоминаний об этом в переписке младосоциалистов, хранящейся в архиве рабочего движения.

В Стокгольме в эти годы жила еще одна довольно многочисленная группа людей, которая сотрудничала с русскими социал-демократами. Это деятели финляндского сопротивления царизму. Я уже говорил, что они не отказывались помогать в транспортировке литературы в Финляндию, помогали укрывать и провозить до Петербурга оружие и наших подпольщиков. Могли взять на себя заботу устроить с жильем, а затем помочь переправиться в Россию Ленину и эти люди.

Причем младосоциалисты и «активисты» иногда сотруднича-

ли друг с другом. Это отмечал в своем донесении генералу Фрейбергу тайный жандармский агент в Стокгольме. Он писал, что 27 апреля 1904 года на собрании рабочих шведской столицы выступил «некий Хинке Бергегрен», который находится в тесной связи с финляндскими эмигрантами³.

Просмотрев сохранившиеся в городской библиотеке Стокгольма мемуары «активистов», я нашел упоминание о том, что в ноябре 1905 года Владимир Ильич жил или, во всяком случае, бывал на стокгольмской квартире одного из них. Это подтверждают В. М. Смирнов в своей книге «Из революционной истории Финляндии 1905, 1917, 1918 гг.» и С.-К. Кильпи, автор книги «Ленин и финны»⁴.

Чтобы установить адрес этого дома, я пошел в городской архив шведской столицы. Здесь хранятся списки жителей Стокгольма за многие годы, начиная с XVII века. В адресной книге за 1906 год нахожу имя того «активиста». Он проживал по адресу: Карлаплан, 10⁵.

Почему я взял адресную книгу именно за 1906 год? Если учесть, что данные собирался заранее, то логично предположить, что данные в книге за 1906 год говорят о том, где человек жил в 1905 году, тем более в конце года. Исходя из этого, я полагаю, что дом, в котором жил или бывал Ленин, находился по адресу: площадь Карлаплан, 10.

В адресной книге есть адреса и других людей, с которыми Владимир Ильич мог встречаться. Хинке Бергегрен жил на улице Ванадисвеген, 15, четвертый этаж⁶. Карл Бёрессон проживал в том же доме, что и его друг Бергегрен, только этажом ниже⁷.

Находясь в Стокгольме, Владимир Ильич продолжал пристально следить за событиями в России. Он ежедневно читал прессу. А делать это он мог, вероятно, в читальном зале Королевской библиотеки. Книги посетителей за более позднее время свидетельствуют, что Ленин знал эту библиотеку и бывал в ней. Если пока еще не обнаружена подпись Владимира Ильича в книге за 1905 год, то это еще не означает, что он не посещал библиотеки за те дни, что прожил в Стокгольме. Известно, что Ленин, где бы ни был — в Женеве, Париже, Копенгагене, Лондоне, — обязательно шел в свободный вечер в библиотеку. Так почему он должен изменять своей привычке на этот раз?

В воспоминаниях Н. К. Крупской говорится:

«Было условлено, что в Стокгольм придет человек и привезет для Владимира Ильича документы на чужое имя, с которыми

он мог бы переехать через границу и поселиться в Питере. Человек, однако, не ехал и не ехал, и Ильичу приходилось сидеть и ждать у моря погоды, в то время, как в России революционные события принимали все более и более широкий размах»⁸.

Только очень серьезные обстоятельства могли вынудить Ленина задержаться в шведской столице. Мы знаем, что полицейская слежка в это время особенно усилилась. Надежда Константиновна вспоминала, что, когда она несколько позднее отправилась по тому же маршруту, что и Владимир Ильич, за ней в Стокгольме увязался шпиц, который сопровождал ее не только на пароходе, но и в поезде. Можно представить, с каким рвением полицейские ищейки выслеживали Владимира Ильича! Он должен был непременно дожидаться человека с надежными документами, каким бы сильным ни было его нетерпение.

Но кем был этот человек, откуда он мог приехать в Стокгольм? Вероятнее всего из Финляндии.

Я внимательно просмотрел книгу Сьюлви-Кюллики Кильпи «Ленин и финны». И вот что там сказано:

«Магистр Ула Кастрен специально отправился из Хельсинки в Стокгольм, чтобы встретить Ленина и позаботиться о том, чтобы он безопасно добрался до Хельсинки»⁹. В. М. Смирнов в своих воспоминаниях также пишет, что Ленина сопровождал из Стокгольма до Хельсинки Ула Кастрен, отправленный в Швецию «активистами» по просьбе Н. Е. Буренина. Это подтверждает и сам Н. Е. Буренин в своей книге «Памятные годы»¹⁰.

Таким образом, человеком, который должен был привезти документы в Стокгольм, был молодой финляндский «активист» Ула Кастрен. О том, что проезд Владимира Ильича тщательно готовился и Центральный Комитет нашей партии принимал в этом участие, говорит ссылка на Н. Е. Буренина. Он был тогда одним из членов боевой группы ЦК и имел постоянные связи как с заграницей, так и с Петербургом.

На чем выехал Ленин из Стокгольма, на поезде через Торнео или на пароходе в Финляндию? Полагаю, что Владимир Ильич воспользовался пароходом. И вот почему. Путь через Торнео до Хельсинки брал не менее двух суток, в то время как через Турку или Ханко можно было добраться до столицы Финляндии за сутки. А Владимир Ильич очень торопился в Россию. Логично предположить, что он выбрал второй путь, по которому, кстати, вскоре после него ехала Н. К. Крупская.

Второе. Путь через Торнео вряд ли был безопаснее: контроль

на границе к этому времени фактически взяли в свои руки жандармы, а в Турку и Ханко работали таможенники-финляндцы, не так придиравшиеся к документам приезжих.

И наконец, последнее: В. М. Смирнов писал, что В. И. Ленин приехал в Хельсинки поздно вечером. Я просмотрел старое железнодорожное расписание за 1905 год в газете «Хувудстадсбладет». Поезд из Торнео приходил в Хельсинки днем, а из Турку и Ханко — в 22.25.

В 1905 году, как я узнал из расписания, опубликованного в газете «Хувудстадсбладет» за 5 декабря 1905 года, пароходы из Стокгольма шли на Турку по понедельникам и пятницам, а на Ханко — по вторникам и субботам, прибывали в порт назначения на другой день. Ленин приехал в Финляндию 5(18) ноября 1905 года. Это была суббота. Значит, Владимир Ильич выехал в пятницу из Стокгольма пароходом на Турку.

Я решил тоже поехать в Турку, поискать, нет ли каких следов пребывания Владимира Ильича там.

В Турку жило немало известных «активистов». Я надеялся, что в архиве Абоской академии (так называют шведский университет в Турку) найду какие-нибудь материалы, связанные с Лениным. Библиотекарь Стиг Аппельгрэн, занимающийся в библиотеке архивом, порекомендовал просмотреть мемуары финских «активистов», выложил папки с документами и старые подшивки газет. В архиве библиотеки хранился большое количество брошюр, выпускавшихся «кагалом» в 1889—1905 годы. («Кагалом» называла себя организация деятелей пассивного, «законного» сопротивления царизму.) Были среди них и очень интересные, но не о том, что я искал. В пожелтевшей подшивке газеты «Обу унде-реттельсер» за 1924 год я нашел рассказ одного местного социал-демократа о пребывании Ленина в этом городе, но в нем речь шла о более позднем времени.

Удачнее был мой визит в правление паровой компании «Боре». Я спросил, какой пароход и в какое время вышел 4(17) ноября 1905 года из Стокгольма в Финляндию. На мой вопрос я получил совершенно точный ответ: 17 ноября по новому стилю из Стокгольма в 8 часов 30 минут вечера отошел пароход «Боре-II». Он прибыл в Турку на другой день между часом-двумя после обеда. Из Турку в ноябре, согласно расписанию, опубликованному в газете «Хувудстадсбладет» за 28 ноября 1905 года, ежедневно уходили два поезда: в 8.10 и 16.30. На первый поезд Владимир Ильич попасть не мог. Он мог выехать только в 16.30. Этот поезд прибывал в Хельсинки в 22.25. По всей ве-

роятности Ленин приехал в финскую столицу именно с этим поездом.

В Хельсинки я зашел в здание правления Общества дружбы «Финляндия — СССР». Здесь, кроме правления общества, размещаются редакции двух журналов на финском и шведском языках, в которых рассказывается о жизни советского народа. Мне было приятно поговорить с коллегами-журналистами. Естественно, я задал вопрос, печатают ли журналы материалы о Ленине. Редактор журнала «Контакт» Гарри Эдгрэн показал мне несколько номеров со статьями о пребывании Владимира Ильича в Финляндии. Здесь и интервью с людьми, знавшими Ленина, и репортажи с тех мест, где ему приходилось бывать, статьи о теоретическом наследии Ленина.

Во время разговора в комнату вошел коренастый, седой мужчина.

— А, как раз кстати пришел, — сказал, увидев его, Эдгрэн. — Вот тебе коллега по розыскам. Познакомься.

Мы познакомились. Это был писатель Атос Виртанен. Я видел его статьи в журнале «Контакт». Он рассказал, что собирает материал для книги о Ленине. Часть своего богатого архива ему передала Кильпи.

Секретарь общества Ээро Салми пригласил меня в свою комнату.

— Ты не видел справку о пребывании Ленина в Хельсинки, составленную обществом? — спросил он и вынул из стола несколько страниц, отпечатанных на машинке. В справке говорилось, что магистр Ула Кастрен разместил Ленина на ночь на квартире своего брата, профессора Гуннара Кастрена, на улице Виронкату, в том же доме, где у «активистов» помещался их главный штаб¹¹.

Салми рассказал мне, что общество заботится о ленинских местах в Финляндии, напоминает финнам, каким большим другом их страны был Ленин.

— Сохранился и дом на Виронкату. Ты непременно должен сходить посмотреть на него, — порекомендовал он мне под конец беседы.

Я отправился на Виронкату. Первым прибежищем Ильича в Финляндии служил старинный каменный дом, ничем не отличающийся от соседних.

Сколько раз еще пришлось Ленину после этого, скрываясь от царских жандармов и ищек Временного правительства, пользоваться гостеприимством финских друзей!

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Финляндский государственный архив. ККК., s 3, № 4, стр. 14.

² Там же.

³ Там же. Ес 14, № 4, стр. 139.

⁴ В. М. Смирнов. Из революционной истории Финляндии 1905, 1917, 1918 гг. JL, 1933, стр. 65.

⁵ S.-K. Kilpi. Lenin ja suomalaiset, Helsinki, 1957, s. 28—29.

⁶ Stockholms adress- kalender, 1906, s. 443.

⁷ Там же, стр. 163.

⁸ Там же, стр. 196.

⁹ Воспоминания о В. И. Ленине, т. 1. М., Политиздат, 1968, стр. 305.

¹⁰ S.-K. Kilpi. Lenin ja suomalaiset, s. 28.

¹¹ Н. Е. Буренин. Памятные годы. JL, 1967, стр. 83.

¹² Справка «Ленин в Хельсинки» (на финском языке) хранится в правлении Общества дружбы «Финляндия — Советский Союз», стр. 1.

АДРЕСАТ ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ

В одной из адресных книг ЦК РСДРП, которые вела Н. К. Крупская, есть адрес: «Г-жа Эллизиф Вессель, Киркенес — Сюдварангер, Норвегия. Сочувствующая норвежка, говорит по-русски...»¹

Почему адрес женщины из далекого северного городка попал в адресную книжку ЦК, которой пользовался Владимир Ильич? Один из друзей Вессель, писатель Альф Мартин Егер, написал о ней небольшую книжку². Это почти единственный источник, откуда можно получить сведения о замечательной женщине.

...Первое мая 1906 года. По улицам городка Киркенес движется демонстрация с красными знаменами. В колонне идут местные рабочие и рыбаки, шахтеры из соседней деревушки Бьёрневатн. Демонстранты осаживаются перед «Сульхеймом» — «Солнечным домом», в котором расположены больница и квартира местного врача Андреаса Весселя. С балкона дома выступают ораторы, говорят о борьбе за лучшую жизнь для трудящегося народа. Яркую, взволнованную речь произносит красивая женщина с большими, горящими глазами. Это жена доктора Весселя — Эллизиф.

Рабочие признали ее своей и избрали секретарем первой рабочей организации на севере Норвегии «Норденс клиппе» («Северная скала»). «Порядочные дамы» осуждали жену врача за то, что она слишком необычна, не похожа на них: вместо того чтобы уделять все время кухне и дому, она водит знакомство с мастерами, ездит с мужем в командировки в лапландские селения и заходит в чумы, не боясь грязи, болезней и насекомых, пишет стихи.

Супруги Вессель не интересовались мнением «порядочных дам». В их доме частым гостем был почтмейстер из Варде Адам Этеде-Ниссен, основатель первой организации рабочей партии на севере Норвегии. Приезжали левые социал-демократы из Осло и даже из Швеции. Вессели, муж и жена, писали в центральные газеты и журналы о положении рабочих и рыбаков, о нищете, забитости и бесправии населения Севера. Они прочно связали свою жизнь с рабочим движением.

В архиве рабочего движения в Осло нашлось несколько книг Эллизиф Вессель, отыскалась картонная папка с уцелевшими письмами. Первая книжечка ее стихов, изданная в 1903 году под названием «Зима и весна», посвящена описанию природы дикого севера. Стихи рассказывают о суровой красоте Финмаркена, о фьордах и снежных буранах, о мужественных и трудолюбивых людях, живущих в этом северном крае.

Второй сборник стихов вышел через год, и в нем поэтесса обратилась уже к социальным темам, стала пристальнее вглядываться в жизнь. В стихотворении: «Я примкнула к социалистам» она пишет, что раньше, не зная истины, блуждала в темном лесу, по бездорожью, и только теперь, наконец, увидела впереди зовущий проблеск света.

В 1904 году Эллизиф Вессель стала членом Норвежской рабочей партии. Она изучила немецкий и русский языки, чтобы читать в подлинниках и переводить на норвежский язык произведения Маркса, Энгельса, а позднее — Ленина. Она восхищалась стойкостью, мужеством русских революционеров, не жалевших в борьбе за освобождение народа своих жизней.

После поражения революции 1905—1907 годов в России гостеприимный дом Весселей стал убежищем для русских эмигрантов, бежавших от преследований царизма в Северную Норвегию. Эмигранты активно участвовали в политической жизни Финмаркена, шли в одних колоннах с норвежскими рабочими на демонстрации, рассказывали об опыте революции 1905 года.

Газета «Финмаркен» рассказывает, например, что 20 апре-

ля 1911 года в Варде было совместное собрание норвежских рабочих и русских эмигрантов. По совету русских товарищей местные рабочие основным требованием к Первому выставили установление 10-часового рабочего дня и добились победы³.

Так, с помощью русских революционеров делало свои первые шаги рабочее движение на севере Норвегии. Эллизиф Вессель не только помогала беглецам из царской России материально, обеспечивала им стол и крышу над головой, но и способствовала тому, чтобы они быстрее познакомились с проблемами норвежского рабочего движения, нередко служила им на первых порах в качестве переводчицы.

Эллизиф Вессель принимала деятельное участие в организации транспортировки большевистской литературы и в работе типографии «Финмаркен», где печатались русские брошюры и листовки. Об этом свидетельствует одно из ее писем Хокону Финстаду, родственнику Весселей, сохранившееся в архиве рабочего движения в Осло. 3 марта 1909 года она писала:

«Фишер просил меня помочь найти комиссионера (может быть, молодого купца или книготорговца) в Хаммерфесте для «Мурмана», а также для русских книг и брошюр. Если не найдется такого, который бы не боялся слова «социал-демократический», то и не говорите о содержании транспорта, но лучше, если бы он сам согласился заниматься транспортом социал-демократической литературы. Не могли бы Вы побыстрее разузнать это и сообщить? Напишите пару слов сразу же. Здесь все хорошо.

С сердечным приветом

Ваша Эллизиф Вессель⁴.

Не исключено, что Н. К. Крупской адрес Эллизиф Вессель стал известен от А. М. Коллонтай, которая жила в Норвегии и знала Вессель. Владимир Ильич встречался в Стокгольме с лидером шведских младосоциалистов Хинке Бергегреном. В собрании писем Бергегрена в архиве рабочего движения в Стокгольме есть более десятка писем Эгgede-Ниссена и Эллизиф Вессель. С ней переписывался и другой левый шведский социал-демократ Карл Бёрессон, с которым В. И. Ленин также был лично знаком. Могли адрес Вессель дать Ленину и Крупской и шведские ее друзья. А скорее всего, адрес Вессель был получен в ЦК от жившего в Варде под именем Фишера большевика Н. А. Шевелкина.

В годы первой мировой войны Вессель издавала журнал «Класс против класса», в котором печатались антимилитарист-

ские статьи, стихи, песни, переводы из ленинской газеты «Социал-демократ». Все пять вышедших в свет в 1914—1915 годах номеров журнала хранятся в архиве рабочего движения в Осло. В них много статей о России, о русских революционерах.

В журнале «Классекампфен» руководитель норвежского социал-демократического союза молодежи Улавсен писал, что переводами статей о русских революционерах Вессель снискала горячую благодарность и уважение молодых норвежцев. «Я отношу эту похвалу на счет моих дорогих русских товарищей», — отвечала Улавсену Вессель⁵.

Во втором номере журнала Вессель печатает собственный перевод русских рабочих песен «Вперед, вперед!», «Вы жертвою пали» и других. «Класс против класса» занимает в вопросе о войне ленинскую позицию. Вессель пишет, что II Интернационал умер, распавшись на шовинистические партии. Лишь большевики в Государственной думе спасли честь социал-демократии. Вессель перепечатывает из газеты «Социал-демократ» статью «Лозунг революционной социал-демократии», которая начинается словами:

«В военное время, которое мы сейчас переживаем, лозунгом каждого революционного социал-демократа должно быть требование превращения империалистической войны в войну гражданскую»⁶. В другой статье, перепечатанной из «Социал-демократа» — «Голос из-за границы о войне» — ставится вопрос о возвращении от опороченного звания партии «социал-демократической» к старому марксистскому — «коммунистической»⁷.

«Класс против класса» публикует статью Эгgede-Ниссена, в которой говорится, что «...только одна социал-демократическая партия полностью выдержала испытания, выпавшие на ее долю в трудное время. Это русская социал-демократическая партия. Как смогли это русские социал-демократы? Потому что они и в мирное время не боялись ничего, будучи верными до конца своим убеждениям. Их не могли испугать ни Сибирь, ни тюрьмы, ни смерть»⁸.

Немало статей Вессель и Эгgede-Ниссена было опубликовано в годы первой мировой войны в органе социал-демократического союза молодежи — журнале «Классекампфен» («Классовая борьба»). «Классекампфен» перепечатал в №№ 1—9 за 1916 год статью В. И. Ленина «Социализм и война»⁹. В одной из статей Вессель писала о большевиках-ленинцах:

«Счастлива страна, которая имеет таких волевых и целеуст-

ремленных людей, счастлива страна, которая имеет таких вождей!»¹⁰.

Эллизиф Вессель намеревалась издавать с осени 1915 года специальный журнал «Русские бладе» («Русская газета»), в котором печатались бы только переводы из русской революционной прессы. Этот журнал должен был информировать скандинавских рабочих о русском рабочем движении. К сожалению, эти планы Вессель провести в жизнь не удалось из-за отсутствия средств.

После победы Великой Октябрьской социалистической революции в России она писала в одной из своих статей, что была бы счастлива стать простой разносчицей газет в стране рабочих — Советском Союзе¹¹.

Автор книги о Вессель Альф Мартин Егер рассказывал, как он в 1928 году по пути в Финляндию заехал в Киркенес и зашел к Весселям. Дом был полон русских книг и репродукций картин русских художников. Из окоп дома открывался прекрасный вид на Киркенес, на лежащую недалеко границу «великой России, которая для Вессель была страной надежд»¹².

В 1920 году Эллизиф Вессель пишет большую статью, защищая от полицейских преследований в Норвегии советскую литературу. Она подчеркивает, что никакие запреты, никакие преследования не могут остановить победного шествия идей коммунизма. «Это учение, учение коммунизма, — заявляла Вессель, — знает сейчас девяносто процентов людей в Европе и открыто или тайно любит...»¹³

Она призывает всеми мерами помогать молодой Советской Республике:

«Сколько бы ни помогали мы нашим русским братьям, которые открыли дверь в будущее всего человечества, наша помощь будет мизерной по сравнению с той борьбой и испытаниями, какие выпали на долю наших русских товарищей в последние годы»¹⁴.

1940 год обрушил на Эллизиф Вессель сразу два удара. Умер муж. Не успела она оправиться от личного горя, как на Норвегию внезапно напали гитлеровцы. Эллизиф была эвакуирована из Киркенеса вместе с другими женщинами. В ее доме во время оккупации жили немцы. После капитуляции норвежской армии Вессель вернулась в родной Киркенес, но ее не пустили в дом. Она жила в одной из комнат для персонала больницы, главным врачом которой многие годы был ее муж. Квислинговцы, норвежские фашисты, знали о симпатиях Эллизиф Вессель к Совет-

скому Союзу. Однажды все ее книги, рукописи и письма были сложены в кучу во дворе дома и сожжены. Сама Вессель, старая больная женщина, была принудительно выселена из Киркенеса. Во время одной из бомбардировок погиб ее дом¹⁵.

«Когда осенью 1944 года русские освободили Киркенес, она была снова там, — писал А. М. Егер. — Я думаю, что она с радостью приветствовала своих русских товарищей»¹⁶.

Из предисловия к книге Егера видно, что и сама книга об Эллизиф Вессель оказалась жертвой немецких оккупантов. Она была написана накануне войны и лежала в одном из издательств. Летом 1941 года гестаповцы нашли рукопись в издательстве и сожгли. По счастью, у автора сохранился второй экземпляр, и книга вышла вскоре после того, как гитлеровская Германия была разгромлена, в 1946 году. А. М. Егер писал в предисловии:

«Едва ли кто-нибудь из борцов за рабочее дело у нас в стране принес столько личных жертв ради интересов рабочего класса, как Эллизиф Вессель. Некоторые говорят, что она не ездила в командировки с докладами, не участвовала в заседаниях конгрессов — это верно. Но из своего дома в Киркенесе она посылала в газеты и журналы горячие статьи, зовущие к борьбе стихии и этой работой занималась долго. Она имела много читателей среди классово-сознательных рабочих и, прежде всего, молодежи, вставшей под красное знамя»¹⁷.

Естественно, мне хотелось дополнить облик Эллизиф Вессель, сложившийся при чтении книг и писем, какими-то живыми черточками, рассказами людей, встречавшихся с ней. Я знал, что в Осло живет Юст Липпе, бывший генеральный секретарь Компартии Норвегии. Он был в Киркенесе, когда советские солдаты освободили этот город от немецких оккупантов.

Я был в Осло в феврале 1967 года, в дни мирового чемпионата по конькам. Днем я сидел на пресс-трибуне стадиона Бишлет, переживал за наших ребят, а вечерами писал в газету отчеты о соревнованиях. Сразу же после окончания чемпионата намеревался проехать по норвежским деревням. По утрам выкраивал час-два для архива рабочего движения. Словом, со временем у меня было туго. Но поговорить с Липпе было нужно. В воскресенье, перед началом соревнований, звоню ему на квартиру, почти не имея надежды застать его дома: в дни чемпионатов лихорадит все Осло, и не только Осло, а всю страну, раскупаются все билеты на стадион, а те, кому билетов не удастся достать, сидят у телевизоров.

Норвежцы влюблены в конькобежный спорт. Как-то после

одного из чемпионатов на Бишлете я поехал в командировку по стране. Приехал в сельскохозяйственную школу в Хваме. Директор школы Ханс Хусум, очень любезный человек и знающий специалист, устроил обед. Меня, как гостя, посадили рядом с супругой директора. И какой вопрос, думаете, она мне первым задала? О сельском хозяйстве? Ошибаетесь. Она спросила, как чувствует себя после падения на 500-метровке Антс Антсон. А потом с поразительным знанием дела начала перечислять имена всех наших конькобежцев, называя с точностью до десятой доли секунды их результаты на разных дистанциях, с осведомленностью опытного тренера указывая на сильные и слабые стороны наших ребят. Я, сидевший на трибуне стадиона и своими глазами видевший все перипетии борьбы на ледовом поле, хуже знал детали, чем она, в общем-то человек, далекий от спорта, живущий в провинции.

Вот почему, когда я набирал номер телефона Юста Липпе, у меня было мало надежды застать его дома. И вдруг мне отвечает мужской голос. Представляюсь, радуюсь, что застал дома. Липпе смеется:

— У меня телевизор. И тепло, и лучше видно.

Он рассказал мне:

— Было это в ноябре 1944 года, в день освобождения Киркенеса. Я шел по улице и увидел, что из старого, полуразвалившегося дома навстречу русским офицерам выбежала пожилая женщина. Она бросилась их обнимать, приговаривая:

— Наконец-то! Боже мой, наконец-то!

Я рассказал русским офицерам, какую роль Эллисиф Вессель играла в норвежском рабочем движении. Они были тронуты, крепко пожимали ей руки.

— Больше я ее не видел,— закончил мой собеседник.— Жила она в доме, который принадлежал больнице. Там жили и другие старики, оставшиеся без жилья. Дом ее сгорел. Немцы сожгли весь Киркенес. Город теперь почти целиком отстроен заново. Что касается архивов, они могли сохраниться разве только в Варде, он был меньше разрушен. Умерла Вессель вскоре после окончания войны.

По совету Юста Липпе я написал в библиотеку в Варде письмо с просьбой сообщить, нет ли в архиве библиотеки материалов, оставшихся после Вессель. Ответ пришел отрицательный. Сверре Нильсен из Варде также не сообщил ничего обнадеживающего. И только от старого коммуниста Готфрида Хельвульда, живущего в Киркенесе, я получил письмо о том, что группа то-

варищей ведет поиск документов о связях русских и норвежских социал-демократов на рубеже XX столетия. Поиск этот нелегкий, ибо немецкие оккупанты от многих городов не оставили камня на камне.

Память об Эллисиф Вессель живет в трудовой Норвегии, в особенности в ее родном крае, жителям которого освобождение от гитлеровской оккупации принесли наши воины.

Готфрид Хельвульд писал в статье, посвященной 100-летию со дня рождения Вессель:

«Эллисиф Вессель вошла в историю, как женщина, борющаяся за бедных против богатых, против несправедливости в обществе. Она была не из тех, кто причисляют себя к рабочему движению только на словах, она всегда имела свое собственное мнение и высоко держала знамя борьбы во времена, когда беззаконие было так велико»¹⁸.

Таким был адресат из адресной книжки ЦК.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ «Исторический архив», 1959, № 3, стр. 39

² Alf Martin Jager Ellisif Wessel, Flisa, 1946

³ «Finmarken», 30.06.1959, s. 8

⁴ Архив рабочего движения в Осло. Папка с письмами Эллисиф Вессель

⁵ «Klasse mot klasse», Tromsø, 1914, № 1, s. 26.

⁶ Там же, № 4, стр. 10.

⁷ Там же, стр. 18.

⁸ Там же, стр. 22.

⁹ «Klassekampen», 1916, №№ 1—9

¹⁰ Там же, 1912, № 25, стр. 389

¹¹ A. M. Jager Ellisif Wessel, s. 17.

¹² Там же

¹³ Ellisif Wessel. Omkring beslaggelsen av russernas kommunistiska skrifter i Vardo samt tidligere konfiskationer och politisk brutaliteter her i Norge i de senere aar Kirkenes, 1920, s. 1.

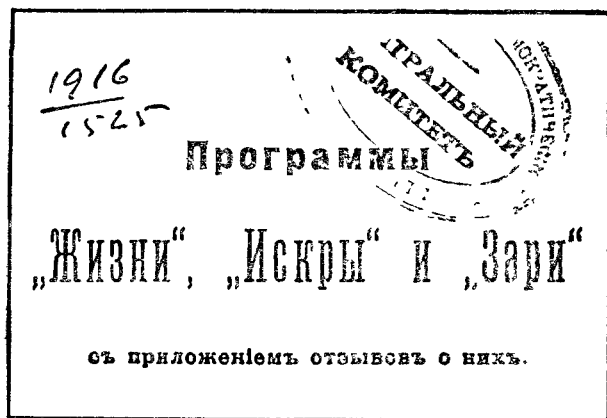
¹⁴ Там же.

¹⁵ «Finmarken», 13.09.1958, s. 11

¹⁶ A. M. Jager Ellisif Wessel, s. 23.

¹⁷ Там же, стр. 1.

¹⁸ «Friheten», 12.07.1966.

Над мощеной площадью в центре Хельсинки господствует белый собор. К нему ведут широкие каменные ступени. С боков площадь окаймляют похожие друг на друга желтоватые здания сената и университета. Финские архитекторы, возводя современные здания из стекла и бетона в самых различных районах города, решили оставить в неприкосновенности архитектурный ансамбль Сенатской площади, чем-то напоминающей уголок старого Петербурга.

Оживленная улица Снелльманинкату взбегает от Сенатской площади в гору. По левую руку, за маленькой желтой церковью — старинное здание с колоннами. В вестибюле тишина. Сюда не доносятся ни звонки трамвая, ни гул автомашин. В читальном зале, стены которого до потолка уставлены толстыми фолиантами, папками и книгами, постоянный полумрак. Это государственный архив Финляндии.

К моему столу на специальных тележках подвозят очередную кипу толстых картонных папок, набитых бумагами бывшей канцелярии генерал-губернатора Финляндии. В архиве хранятся

дела, начиная с 1809 года. Не выцвели на лощеной бумаге чернила, четко видна каждая завитушка, выведенная писарями много лет назад.

Я надеялся найти в жандармском архиве документы, которые поведали бы что-то новое о пребывании в Финляндии В. И. Ленина. Пересмотрел горы папок, нашел много интересного о транспортировке большевистской литературы и оружия, о политике царизма в Финляндии.

И вот на этот раз в очередной кипе дел канцелярии генерал-губернатора — папка в синей обложке: «О нелегальной литературе». На первой странице читаю: «Дело о прибывших из Любека в Швецию 130 ящиках нелегальной литературы, предназначенной для России»¹.

Первым в папке подшито письмо на официальном бланке Министерства иностранных дел России. 23 января 1906 года министр В. Н. Лансдорф писал генерал-губернатору Н. Н. Герарду:

«Императорский посланник в Стокгольме уведомил по телеграфу Министерство иностранных дел, что, согласно доставленным ему шведским правительством сведениям, в Швецию прибыли из Любека 130 больших ящиков, адресованных на имя одного из крайних шведских социалистов и содержащих брошюры и другие печатные издания... В случае, если сказанные издания не будут отправлены по часгам, шведское правительство не преминет сообщить императорской миссии в Стокгольме имя лица, которому они будут посланы»².

В Петербурге, как видно, придали большое значение сообщению из Стокгольма. В шпионские сети шел большой улов. Через несколько дней генерал-губернатор получил новую секретную депешу из столицы, на этот раз на бланке особого отдела департамента полиции Министерства внутренних дел. Речь шла о тех же ящиках.

Затем пришло письмо бывшего генерал-губернатора Финляндии князя И. В. Оболенского, в котором он писал:

«...В дополнение к письму от 23 января № 11 на основании полученного ныне извещения императорского посланника в Стокгольме сообщаю, что в упомянутых в том письме 130 ящиках оказались исключительно печатанные на русском языке протоколы разных заседаний заграничных социалистических собраний и несколько фотографических снимков известных своей деятельностью в противоправительственном направлении нигилистов»³.

То, что шведские власти сотрудничали с царской охранкой, — это не новость. Но почему таинственный груз так всколыхил царских чиновников, начиная от князей-дипломатов и кончая офицерами охраны? Кто этот «крайний шведский социалист», упоминаемый в письме министра? Что это за люди «известные своею деятельностью в противоправительственном направлении», которые послали ящики через Стокгольм в Россию?

Прошло несколько месяцев, прежде чем мне удалось напасть на след 130 ящиков, и уже не в Хельсинки, а в Стокгольме, в архиве рабочего движения. Я просматривал документы и письма лидера левых крыла шведской социал-демократии в первые годы XX века Хинке Бергегрена.

Среди бумаг мелькнуло письмо таможенного чиновника, написанное малоразборчивым почерком. Я сначала не обратил на него внимания и, только перекладывая в папке документы после их просмотра, взглянул еще раз на это письмо. В глаза бросилась цифра «130». Сто тридцать... Что сто тридцать?

С трудом разбираю почерк. Это напоминание Бергегрену из Стокгольмской таможни, что он должен уплатить таможенную пошлину за 130 ящиков книг. Датировано письмо февралем 1906 года. И только тогда я вспомнил о находке в финляндском государственном архиве. Время сходится, число ящиков одно и то же. Сомнений быть не может: именно Бергегрена окрестил Лансдорф «крайним шведским социалистом». Значит, ящики действительно прибыли в Стокгольм, и Бергегрен, вероятно, получил их. Какова же дальнейшая их судьба?

— Эти ящики долго лежали в подвале старого Народного дома. Однажды они были по ошибке сожжены, — ответил архивариус Пер Линд на мой вопрос.

— Как, при каких обстоятельствах?

— Одно парня заставили прибрать в подвале и сжечь лишнее. Он подмел все обрывки бумаги и сжег их. Потом заодно стал жечь русские книги. Он думал, что они никому не нужны.

Я не мог поверить, что какой-то неграмотный парень так просто расправился с книгами и бумагами. Неужели никто не остановил его?

Подтверждение, что именно Бергегрен был получателем груза, я нашел в книге английского историка Фатрелла «Подполье на Севере». Фатрелл несколько лет занимался изучением связей русских социал-демократов со шведскими и финскими. Упомянув в своей книге о 130 ящиках, полученных Бергегреном, Фатрелл пишет, что в них был очень ценный груз — часть архи-

ва и библиотеки русских социал-демократов в Женеве, в том числе книги и рукописи Ленина⁴. Фатрелл добавляет, что Ленин посылал специального человека забрать литературу в подвале стокгольмского Народного дома, но было уже поздно, ее сожгли.

Не о женевском ли архиве идет речь в одном из писем Владимира Ильича? Вот его текст:

«Многоуважаемый товарищ!

Подательница этого письма является нашим партийным товарищем. Очень прошу Вас оказать ей помощь советом и содействием. В особенности она имеет поручение разыскать в Стокгольме наши социал-демократические книги и документы и, в случае необходимости, переслать их дальше. Эти книги и т. д. находятся частью в подвале стокгольмского Народного дома (в деревянных ящиках), частью же, может быть, у товарищей Бёрессона или Бьёрка (Bokhandel Björck & BörjeBon, Drottninggatan, 62).

Надеюсь, что с Вашей помощью подательница этого письма окажется в состоянии выполнить данное ей поручение, которое я считаю весьма важным.

С наилучшими приветами
Н. Ленин⁵.

В примечании к этому письму, опубликованному в 47-м томе Полного собрания сочинений В. И. Ленина говорится, что написано оно Владимиром Ильичем в Куоккала (Финляндия) в начале октября 1907 года⁶. Подательницей письма была А. И. Ульянова-Елизарова, сестра Владимира Ильича, находившаяся в октябре 1907 года за границей. В декабре 1905 года, после отъезда Ленина в Россию, комиссия в составе Е. Д. Стасовой, И. П. Ладыжникова и Р. П. Абрамова послала в Стокгольм на имя лидера социал-демократической партии Швеции Брантинга библиотеку и архив большевистской партии, находившиеся до этого в Женеве⁷.

Однако, судя по приведенным выше документам, архивом в Стокгольме занимался не Брантинг, а Бергегрен. Брантинг, используя свое руководящее положение в партии, вполне мог перепоручить это другому человеку.

Но если судьба архива, хранившегося в подвале Народного дома, столь трагична, нельзя ли предпринять поиски, руководствуясь фразой в письме Ленина: «...может быть, у товарищей Бёрессона или Бьёрка»?

Для начала следовало проверить, не сохранились ли здания

по тем адресам, которые были указаны в письме В. И. Ленина. Старый Народный дом был снесен в 50-х годах, и теперь на его месте стоит новое здание. Так отпал один из адресов. Иду на улицу Дроттнинггата, где находились контора и склад книготорговой фирмы «Бьёрк и Бёрьессон». Дом номер 62 где-то должен быть поблизости от современного стокгольмского «Сити», торгового центра шведской столицы.

Слева над площадью Хёторьет нависают высотные коробки — здания из стекла и бетона. Вот известный пятиэтажный универсам «Пуб». Дом номер 62 должен быть где-то здесь. Дохожу до угла — и вдруг нумерация пропадает. На углу возвышается новое здание, в нижнем этаже которого расположились магазины, а в верхних — конторы. Может быть, на месте этого дома и было то здание, которое я ищу? У витрины магазина по продаже и сдаче в прокат пианино возятся трое мужчин, вешают какую-то новую рекламу. Подхожу:

— Это номер 62?

— Нет, 62 рядом. Магазин готового платья.

Это один из подъездов нового дома. Значит, дом 62 стоял именно на этом месте и был снесен...

Однажды совершенно случайно, поднимаясь на лифте в дом номер пять на улице Кюнгсгата, я увидел надпись на двери: «Антикварная книжная торговля Бьёрк и Бёрьессон». Зайти? Нет, лучше для начала послать письмо. Придешь, попадешь на какого-нибудь третьестепенного клерка, будешь ему рассказывать о нелегальной литературе, о тайной транспортировке, а он ничего не поймет и на всякий случай скажет «нет». А бумажка — она пройдет к начальству.

Так оно и получилось. На мое письмо ответил один из директоров фирмы господин Перссон. Он сообщил, что на фирме произвели проверку по старым книгам, смотрели в складах, но никаких следов транспортировки русской подпольной литературы не обнаружили.

Жаль, но что делать?

На всякий случай я зашел в магазин сам, попросил показать мне русский отдел. На полках стояло лишь несколько десятков советских книг, а также книги на русском языке, выпущенные эмигрантскими издательствами за границей...

Один из владельцев книготорговой фирмы «Бьёрк и Бёрьессон» Карл Бёрьессон был близким другом Бергегрена и в течение ряда лет занимался транспортировкой подпольной русской социал-демократической литературы через Швецию и Финлян-

дию. Его знал Владимир Ильич. Об этом свидетельствует еще одно письмо Ленина, хранившееся в архиве рабочего движения в Стокгольме в письмах Бергегрену:

«28.XII.07

Глубокоуважаемый товарищ!

С господином Бёрьессоном я договорился. Но, к сожалению, он не может обеспечить для нас получение всех писем и пакетов. Извините меня, пожалуйста, что поэтому я обращаюсь к Вам еще раз с просьбой подыскать для нас *еще одного* члена партии, который мог бы *еженедельно* получать в Стокгольме посылки с письмами и книгами и пересылать дальше (в Финляндию и обратно в Женеву).

Во вторник я собираюсь ехать в Берлин.

С наилучшими приветами

Ваш И. Фрей.

Malmstens Hotell

Mastersamuelsgatan 63.

P. S. Я приду к Вам в понедельник в 4 часа дня. Если для Вас это неудобно, позвоните, пожалуйста, по телефону в Отель Мальмстен»⁸.

В архиве Бергегрена много писем Бёрьессона. Из них видно, что Бёрьессон в 1899—1900 годах жил в Гельсингфорсе, работал в книготорговой фирме Линдстедта и занимался уже тогда тайным транспортом литературы, посланной из Стокгольма. В одном из писем он сообщает адрес своей знакомой в Гельсингфорсе и просит направлять пакеты туда, «чтобы не вызывать слишком больших подозрений, что я получаю так много писем и газет»⁹. В Гельсингфорсе он установил связи с русскими и финскими социал-демократами. Впоследствии, переехав в Стокгольм, он использовал адреса своих гельсингфорских друзей для пересылки искровой литературы.

На имя Бёрьессона я натолкнулся и при просмотре архива начальника Финляндского жандармского управления в Хельсинки. Генерал-губернатору Бобрикову докладывали, что 6 мая 1901 года на пароходе «Ойхонна» в Гельсингфорс прибыл пассажир, в багаже у которого оказались «печатные произведения на русском языке самого предосудительного содержания»¹⁰.

Пассажир, назвавший себя каменщиком Пааво Леппяненем, приехал из Стокгольма. Там он встретил на пристани «книгопродавца Бёрьессона». «Названный Бёрьессон... просил его зайти при первой возможности в его книжную лавку, помещен-

ную в доме № 62 на Королевской улице». Леппянен «отправился в означенную лавку, где вышеназванный Бёрессон предложил ему возвратиться при первом случае в Финляндию и взять с собой несколько книг на русском языке для передачи тому лицу, которому Бёрессон телеграммой поручит с этой целью явиться на квартиру Леппянена»¹¹.

На запрос начальника жандармского управления Фрейберга из полиции Стокгольма пришла телеграмма:

«Управляющий Бёрессон не знает Леппянена, но посылал шведские книги Линдстеду. Стендаль»¹².

Как я говорил уже выше, Бёрессон в 1899—1900 годах работал в Гельсингфорсе в книготорговой фирме Линдстедта, и там могли подтвердить, что имеют с Бёрессоном чисто коммерческие отношения.

К рапорту о задержании Леппянена приложен список изъятых у него литературы. В списке одиннадцать наименований, в том числе журнал «Рабочее дело»* с первого по восьмой номер. Вся литература вышла в 1899—1901 годах в издательстве русских социал-демократов в Женеве. Отдельным оттиском из номера 4—5 «Рабочего дела» был опубликован «Протест российских социал-демократов», написанный Лениным в ссылке и принятый в августе 1899 года на собрании политических ссыльных в селе Ермаковском¹³.

Снова берусь за архив Бергегрена. Среди писем вижу несколько, написанных одинаковым почерком. Разбираю их в хронологическом порядке. Первое письмо написано 29 декабря 1905 года из Женевы. В левом углу штамп Центрального Комитета РСДРП, фамилия «Ульянов» и женевский адрес Ленина. В нижнем левом углу стоит круглая печать Центрального Комитета. Подпись под письмом «Член Центрального Комитета Е. Соловьева». Судя по штампу и печати, автором был человек, близкий Ленину. В письме, написанном на немецком языке, содержится просьба к Бергегрену; подателей письма Павлова и Гаврилова переправить в Финляндию и помочь найти там товарищей Виктора или Паульсона.

Партийную кличку «Виктор Петрович» носил в те годы один из членов боевой технической группы ЦК Н. Е. Буренин¹⁴. Под фамилией Паульсон был известен большевик В. М. Смирнов, живший в Хельсинки¹⁵. Его квартира была подпольной явкой

* «Рабочее дело» — журнал «экономистов», непериодический орган «Союза русских социал-демократов за границей». Выходил в Женеве с апреля 1899 по февраль 1902 года.

большевиков. Здесь в 1905—1907 годах несколько раз останавливался В. И. Ленин.

В. М. Смирнов и Н. Е. Буренин познакомились с Бергегреном, когда летом 1905 года приезжали в Стокгольм. Буренин ехал в Женеву, где встречался с В. И. Лениным. Он оставил Владимиру Ильичу адреса своих стокгольмских и финляндских знакомых¹⁶. Смирнов так пишет о связях с Бергегреном в своей книге:

«Год спустя он оказался нам чрезвычайно полезным в связи с организацией нашего партсъезда в Стокгольме. В 1906 году я направлял к нему многих наших деятелей, которые проезжали через Швецию на Запад»¹⁷.

Затем идут три письма, написанные тем же почерком из Хельсинки 23, 26 и 29 марта 1906 года. В них говорится о пересылке ящиков с литературой из Стокгольма в Або (Турку) и Хельсинки.

Вот текст первого письма:

«Хельсинки, 1906. 23.III.

Дорогой товарищ!

Я только что получил письмо от Виктора, который просит написать Вам относительно русской литературы. Еще хочу напомнить Вам имя «Иван Петрович». Мы немного знаем друг друга, благодаря корреспонденции из Женевы. Сейчас я хотел бы Вас попросить переслать нам ящики с литературой №№ 8, 62 и 127. Их нужно переправлять через фирму «Нюман и Шульц» на имя Крогнуса и К^о для Арвида Неовиуса. Если Вы сможете это сделать, я прошу Вас сразу дать знать фрекен Ольге Курениус, Андресгата, 30, Гельсингфорс. Что касается всей остальной литературы, об этом я сообщу Вам подробно в ближайшие дни.

Господ Нюмана и Шульца Вы хорошо знаете по Стокгольму, дом Крогнуса находится здесь. Если у Вас будут затруднения с отправкой литературы тем путем, который я указал, я прошу Вас написать мне на тот же адрес фрекен Курениус, и я сразу же постараюсь устроить все по-другому.

С сердечным приветом
Е. Соловьев»¹⁸.

«Виктора» мы уже знаем — это Н. Е. Буренин. Имя «Иван Петрович» я встречал в документах и газетах, хранящихся в архиве рабочего движения. Так, один из друзей Бергегрена Аксель Хольмстрём писал в газете «Сосиал-демократен», что в

январе 1906 года в Стокгольм проездом в Россию прибыл русский политэмигрант с женой, называвший себя Иваном Петровичем. Он вел переговоры с Бергегреном и Хольмстрёмом об организации помощи русским эмигрантам¹⁹.

Среди документов Бергегрена сохранились три письма, написанные из России женским почерком по-немецки. Лишь из последнего я узнал, что писала их жена «Ивана Петровича», назвавшая себя Елизаветой. Она рассказывала о работе подпольщиков, о выпуске листовок и организации демонстрации, закончившейся стычкой с казаками, а затем — о смерти и похоронах мужа. И только после этого жена «Ивана Петровича» нашла возможным назвать Бергегрену настоящее имя мужа: Борис Лунц, сын московского врача²⁰.

Памяти «Ивана Петровича» Бергегрен посвятил в одном из номеров журнала «Бранд» («Пожар») специальную статью²¹.

Итак, «Иван Петрович» реально существовал. Этот человек был известен в ЦК нашей партии, его знали и младосоциалисты в Швеции.

Указание на прежнюю корреспонденцию из Женевы подтверждает, что «Е. Соловьева» и «Е. Соловьев» — одно и то же лицо. Причем, судя по почерку, автором была Е. Соловьева.

Арвид Неовиус был финским «активистом» и, как вспоминал потом В. М. Смирнов, помогал нашей партии вместе с сестрой Дагмарой в транспортировке литературы, оказывал и другие услуги²². В частности, через Неовиуса шла переписка Петербургского комитета с В. И. Лениным. Его адрес дала в письме в Женеву еще 4 февраля 1905 года Е. Д. Стасова, о чем она пишет в книге своих воспоминаний «Страпыцы жизни и борьбы».

О связях Неовиуса с русскими социал-демократами знали и царские жандармы. Так, в одном из донесений начальника жандармского управления Фрейберга за 1904 год говорится, что Арвид Неовиус и его сестра часто встречаются с русскими революционерами. В мае 1904 года, как стало известно из агентурных сведений, на квартире Неовиуса состоялось совещание «активистов» с представителями русских подпольщиков²³. За Неовиусом была установлена слежка. В книгах наблюдения филеров он числился под кличкой «Седой»²⁴.

В январе 1905 года Фрейберг дает предписание об аресте Неовиуса²⁵. Но он тогда был в пределах недосягаемости для жандармов, в Стокгольме. Эдвард Крюгус, имя которого называется в письме Е. Соловьевой, был губернатором, но к этому

времени его сместили, так как подозревали в сочувствии к «активистам». За ним также была установлена слежка²⁶.

Таким образом, Е. Соловьева дает Бергегрену для пересылки ящиков с литературой гельсингфоргские адреса «активистов», знакомых В. М. Смирнова и Н. Е. Буренина.

Но что это за ящики с литературой? Я решил проверить, не осталось ли каких следов их транспортировки в туристской фирме «Нюман и Шульц», которая до сих пор существует в Стокгольме, сотрудничает с «Интуристом», организуя поездки шведских граждан в нашу страну.

Отправляюсь в контору фирмы, расположенную на шумной набережной Шепсбрунн, от которой и сейчас отплывают корабли в Финляндию. Обращаюсь к одному из руководителей фирмы Арне Юханссону с просьбой проверить, не осталось ли каких-нибудь документов в архиве фирмы о транспортировке в начале 1906 года 130 деревянных ящиков с литературой в Финляндию. Господин Юханссон сказал, что не слышал, чтобы его фирма сотрудничала с большевиками, но постарается это разузнать.

Через некоторое время я получил официальное письмо: искали, спрашивали сотрудников, работавших в те годы, но, к сожалению, ничего не обнаружили.

В письме, написанном 29 марта 1906 года из Гельсингфорса, Соловьева просит Бергегрена пересылать ящики в Турку на имя О. В. Сортано. Это имя я обнаружил в книге одного из руководителей Компартии Финляндии Эркки Саломая о Свеаборгском восстании, вышедшей в Хельсинки в 1965 году. Саломая пишет о купце Сортано из городка Наантали, возле Турку, который помогал В. М. Смирнову укрывать бежавших от расправы участников восстания²⁷. Вероятно, Сортано из письма Соловьевой и купец Сортано из Наантали — один и тот же человек.

В адресной книге города Турку за 1906—1907 годы я нашел адрес купца О. В. Сортано. Он проживал по улице Хандтверкергата, 20 (Улице кустарей) и имел контору на Русскоцерковной²⁸. К этому же времени относится случай, о котором я узнал из книги «Первая боевая организация большевиков. 1905—1907 гг.»: в апреле 1906 года жандармы арестовали члена боевой группы Петербургского комитета Н. П. Сагредо* («Андрея Андреевича»). При аресте жандармы нашли у него записную

* Отсидев три года в тюрьме, Н. П. Сагредо эмигрировал за границу. После революции был профессором медицины в одном из советских высших учебных заведений. Умер в 1923 году.

книжку с явками и адресами. Некоторые записи касались связей в Финляндии и Швеции:

«О явках для делег... На имя Смирнова прислать 1000 р у Кости.. Через Алапе устроить явку в Тюми.. Стокгольм, Бокхандели, Хамнгатан, 33а; Зельмы Або Русскоцерк. ул., 30, квт. Петерсон для Зельмы»²⁹.

Смысл записей представляется приблизительно так. Сагредо знал явки для делегатов IV съезда. В. М. Смирнов должен был получить на нужды партии в Финляндии (может быть, в том числе на расходы по транспортировке этих 130 ящиков?) 1000 рублей. Через финского социал демократа Севери Алапе надо устроить явку кому-то в редакции газеты «Тюмнес». Собщался адрес книжного магазина. Кстати, именно на улице Хамнгатан располагался филиал книготорговой фирмы «Бьерк и Бергесон» в Стокгольме. И наконец, адрес, по которому можно было найти в Або (Турку) Зельму. Я проверил по адресной книге в Турку в 1906 году на Русскоцерковной улице, в доме номер 30 действительно проживал П. В Петерсон. Он был отставным морским капитаном, содержателем дешевого дома для приезжих³⁰.

Вероятно, Зельма ночевал в гостинице Петерсона, дожидаясь каких-то сведений из столицы, от боевой группы Петербургского комитета большевиков

Но кто этот человек — Зельма? Такую подпольную кличку носила Е. Д. Стасова. Так не она ли это вела переписку с Бергегреном, подписываясь то Соловьевым, то Соловьевой?

У меня пропали сомнения, когда я сопоставил все факты. Женевский архив было поручено переправить Е. Д. Стасовой. Ящики с архивом в декабре 1905 года были отправлены из Женевы в Стокгольм. В феврале 1906 года Бергегрен получил уведомление о 130 ящиках с литературой. В марте из Хельсинки Бергегрену идут письма с просьбой отправлять ящики в строгой очередности, видимо, с учетом ценности материалов, содержащихся в них. Среди ящиков один под номером 127. Вполне логично предположить, что автором писем была Зельма, она же Елена Дмитриевна Стасова.

Через В. М. Смирнова и Н. Е. Буренина, которых она лично знала раньше по Петербургу, Елена Дмитриевна установила связи с финляндскими «активистами», нашла надежные адреса, подобрала явки в Турку и Хельсинки. Эти явки и адреса были известны в Петербургском комитете, как это явствует из отобранной жандармами записной книжки Н. П. Сагредо.

В архиве Бергегрена нашлось еще одно письмо, написанное, как я полагаю, тоже Е. Д. Стасовой. Оно датировано 26 декабря, вероятно, того же 1906 года. Письмо пришло уже из Петербурга. В нем сообщается, что автор благополучно добрался до Петербурга и содержится просьба прилагаемый паспорт отправить в Женеву. (Адрес указан.) Далее в письме говорится:

«Скажите Хольмстрему, что когда поступит литература, пусть посылает в Гельсингфорс, или держит у себя, как удобнее. Пожалуйста, поговорите со своими знакомыми и сходите на пристань, откуда отплывают корабли в Або и Ганге, найдите людей, на которых можно положиться, чтобы они брали с собой каждый раз по несколько килограммов транспорта...»³¹

По всей вероятности, речь здесь шла об обычной партийной литературе. О ящиках с архивом в письме ничего не говорится. Они к этому времени уже были переправлены в Финляндию.

Но все ли удалось отправить? Как видно, нет. Иначе откуда этот разговор о сожженных русских книгах? Много лет с тех пор прошло, однако ведь могло что то и сохраниться. Но где? Нет ли каких-нибудь старых русских брошюр в архиве рабочего движения? Я спросил об этом у Пера Линда. Он, как всегда, молча пропал в подвале. Через полчаса на мой стол подадут целую стопку брошюр в выгоревших светло-зеленых переплетах. Вот «Очерк петербургского рабочего движения 90-х годов. По личным воспоминаниям». Издание социал-демократической организации «Жизнь». Лондон, 1902 год.

Автор укрылся под псевдонимом «Петербургец»**. В брошюре обстоятельно рассказывается об истории возникновения первых рабочих кружков и деятельности Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса».

В предисловии автор призывает к созданию крепкой, единой рабочей партии, показывая на опыте рабочего движения Петербурга, какой вред наносит раскол. Первый период он называет периодом кружковщины. Рабочими кружками руководили нардовольцы. Главные надежды они возлагали на героев-одиночек, готовя их к организации дворцового переворота. Но в 1893 году появились революционеры, выступавшие за широкую пропаганду и агитацию среди рабочих. Сам автор вел рабочий кружок с 1894 года.

* Группа «Жизнь» с апреля 1902 года издавала в Лондоне журнал с таким же наименованием, а также отпечатала несколько отдельных изданий

** К. М. Тахтарев.

Второй период «Петербуржец» характеризует, как время преобладания социал-демократии. Он рассказывает об одном рабочем по фамилии Орлов, подчеркивая, что это фамилия — вымышленная, который сыграл большую роль к осени 1895 года в объединении рабочих кружков столицы. Вероятно, имелись в виду И. В. Бабушкин или В. А. Шелгунов.

Подробно рассказывается в брошюре о «беспорядках» на Семянниковском заводе в 1894 году. Забастовка закончилась полной победой рабочих. «За удравшими в город страха ради конторщиками была послана полиция. Изловленные и окруженные казаками, данными для прикрытия, в трех санях конторщики были немедленно доставлены на завод. Жандармские офицеры в ту же ночь выдавали рабочим давно требуемую плату»³².

Далее автор пишет:

«На скорую руку была изготовлена агитационная брошюра в виде тетради с изложением положения рабочих на Семянниковском заводе. Прочитанная на собрании нескольких рабочих, она была перепечатана с помощью гектографа и распространена по заводу»...³³

Начало третьего, агитационного периода автор относит к весне и лету 1895 года, когда рабочие сами стали выражать неудовлетворенность кружковщиной и требовали перехода к более активным действиям против хозяев. В брошюре так оценивается роль «стариков», как называли тогда группу революционеров во главе с Лениным:

«Во главе всех, и по талантам, и по числу, и по влиянию среди рабочих надо поставить группу так называемых «стариков», или «старых социал-демократов», или «литераторов» по терминологии других, из которой развился «Петербургский Союз борьбы»³⁴.

Подробно рассказывается в брошюре о положении рабочих на фабрике Торнтон, о листовках, произведших огромное впечатление на рабочих, об аресте в декабре 1895 — январе 1896 годов большого числа руководителей и членов «Союза», о провале народовольческой типографии на Лахте, где в числе других материалов «безвозвратно пропала готовая к печати брошюра «Объяснение законов о стачках», переданная для набора от «Союза». Автором этой брошюры был В. И. Ленин.

«Петербуржец» высоко оценивает роль «Союза», рассказывает о его строении и организации работы.

В качестве приложения к брошюре даны тексты листовок,

выпущенных «Союзом борьбы», часть которых, как известно, написана В. И. Лениным.

Смотрю другие книги. Брошюра «Программы «Жизни», «Искры» и «Зари», выпущенная в Женеве перед II съездом РСДРП. Петр Алексеев. «Речь на суде». (Женева, 1903 год). К. Маркс. «Гражданская война во Франции». А вот и ленинская работа: Н. Ленин. «Заявление и документы о разрыве центральных учреждений с партией» (Женева, 1905 год).

Всего в стокгольмском архиве нашлось около трех десятков брошюр и журналов, изданных в 1902—1905 годах социал-демократами в Женеве и Лондоне. С волнением я брал в руки эти маленькие книжечки, отпечатаанные на тонкой бумаге, в невидных светло-зеленых обложках. Ведь за их чтение при царизме люди шли в тюрьмы и ссылки. Царское правительство боялось их как огня.

На обложках некоторых брошюр или на первой странице стоит круглая печать «Центральный Комитет Российской социал-демократической партии». На одной из брошюр (В. А. Поссе. «Какова должна быть программа русских пролетариев?». Женева, 1904 год) — две печати: «Бюро партии социал-демократов-большевиков» и красная печать «Российская социал-демократическая рабочая партия. Женевский идейный кружок «Вперед». Но если эти брошюры переправлялись в Россию для распространения в нелегальных организациях, то зачем нужны на ней печати? Несомненно, печати указывают на то, что книги эти когда-то были в библиотеке социал-демократов в Женеве.

Эту мысль подтверждает и другое обстоятельство. На двух брошюрах в нижнем углу обложки сохранилась едва заметная подпись простым карандашом: Ouljanoff. И какой-то номер: 26/805.

Я стал перебирать еще раз все брошюры, внимательно читая каждую строчку. И вот на странице 501 книги Г. А. Куклина «Материалы к изучению революционного движения в России» нахожу:

Главный склад:
Экспедиция РСДРП
Geneve (Suisse)
rue de la Colline, 3
M-r V. Ouljanoff.

На одной из последних страниц брошюры Ленина «Заявление и документы о разрыве центральных учреждений с партией»

есть объявление, что в Женеве с января 1905 года издается газета социал-демократической партии «Вперед». Адрес редакции:

V. Ouljanoff, rue de la Colline,
3, Geneve.

Значит, это именно Ульянов-Ленин! А цифры на обложках, по всей вероятности, были инвентарными номерами библиотеки.

— И теперь вы будете утверждать, что это брошюры не из женевского архива? — спросил я Пера Линда, показывая ему печати Центрального Комитета на обложках.

— Да, — сказал он. — Брошюры попали в архив после смерти Хинке Бергегрена в 1936 году, это я знаю точно. Раньше их в архиве не было. Ну, а откуда взял их Бергегрен — я не знаю.

Я не стал спорить. Вполне возможно, что в архив рабочего движения они поступили от Бергегрена и от других шведских социал-демократов. Но разве не могли быть они одновременно из женевского архива?

Не исключено, что часть книг из ящиков, стоявших в подвале Народного дома, могла разойтись по рукам. Так что, по моему убеждению, брошюры, которые я читал в архиве рабочего движения, прибыли в Стокгольм в начале 1906 года в тех самых ящиках, которые так взбудоражили шведские и российские власти.

В январе 1968 года шведские газеты сообщили, что в одном из подвалов Народного дома на Барнхюсгата в Стокгольме, где размещается правление Центрального объединения профсоюзов, управляющий Хенри Норрман и машинист Г. Лагерше обнаружили 13 ящиков с архивами германской социал-демократической партии, посланных в 1939 году в Швецию и считавшихся потерянными.

Я немедленно связался с Хенри Норрманом, спросил, не встречал ли он в подвалах русских книг и документов. Ведь нынешний Народный дом, в подвале которого он обнаружил немецкий архив, стоит на том же месте, что и старый. А в подвалах старого Народного дома хранилась большевистская литература, ожидающая отправки в Россию.

Увы, Норрман заявил, что он не встречал русских брошюр и книг...

Но, кто знает, — может быть, в подвалах и на чердаках старых стокгольмских зданий и лежат еще среди пожелтевших неразобранных и никому не нужных бумаг остатки женевского архива!

ПРИМЕЧАНИЯ:

Финляндский государственный архив. КKK, Fb 276

² Там же, стр. 2

³ Там же, стр. 4

⁴ M. Futrell. Underjordiskt i Norden, Stockholm, 1963, s. 45.

⁵ В. И. Ленин Полн. собр. соч., т. 47, стр. 114

⁶ Там же

⁷ Там же, стр. 341

⁸ Там же, стр. 117.

⁹ Архив рабочего движения в Стокгольме. Письма Бергегрену.

¹⁰ Финляндский государственный архив. КKK, Fb 77.

¹¹ Там же, стр. 3.

¹² Там же

¹³ В. И. Ленин Полн. собр. соч., т. 4, стр. 548.

¹⁴ Н. Е. Буренин Памятные годы Л., 1967, стр. 38, 225.

¹⁵ В. Смирнов. Из революционной истории Финляндии 1905, 1917, 1918 гг. Л., 1934, стр. 23—24.

¹⁶ Н. Е. Буренин Памятные годы, стр. 290.

¹⁷ В. Смирнов. Из революционной истории Финляндии 1905, 1917, 1918 гг., стр. 36

¹⁸ Архив рабочего движения в Стокгольме. Письма Бергегрену.

¹⁹ "Socialdemokraten", 23 04 1936

²⁰ Архив рабочего движения в Стокгольме. Письма Бергегрену.

²¹ "Brand", 1906, № 6

²² В. Смирнов. Из революционной истории Финляндии 1905, 1917, 1918 гг., стр. 30.

²³ Финляндский государственный архив S 2, № 8, донесение № 1857.

²⁴ Там же, S 4, VII.

²⁵ Там же, S 2, № 1

²⁶ Там же, S 4, № 86.

²⁷ E. Saloma a. Viaporin kapina Helsirki, 1965, s. 174.

²⁸ Åbo stads adress kalender 1906—1907, s. 221.

²⁹ Первая боевая организация большевиков 1905—1907 гг. М., 1934, стр. 193, 194, 196

³⁰ Åbo stads adress kalender, 1906—1907, s. 200.

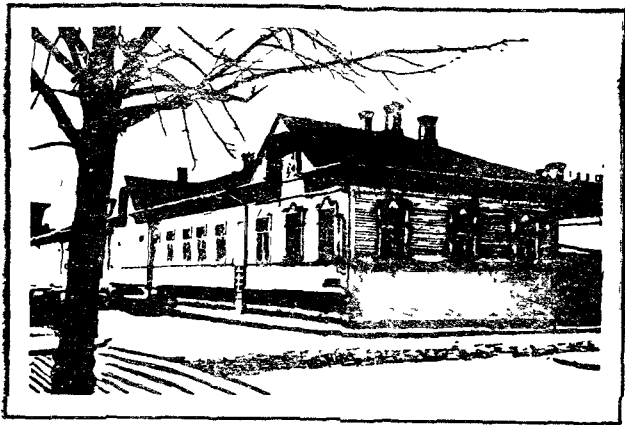
³¹ Архив рабочего движения в Стокгольме. Письма Бергегрену.

³² Петербуржец. Очерк петербургского рабочего движения 90-х годов. По личным воспоминаниям. Лондон, 1902, стр. 13

³³ Там же, стр. 14

³⁴ Там же, стр. 17.

В РАБОЧЕМ ТАМПЕРЕ

Иногда спрашивают: почему конференция РСДРП носит название Таммерфорской, если город, в котором она состоялась, зовется Тампере? Дело в том, что в Финляндии все города имеют два названия: финское и шведское. По традиции эти названия сохранились до сих пор. Гельсингфорс финны называют Хельсинки, Або — Турку, Таммерфорс — Тампере.

В жандармских донесениях, которые я просматривал в финляндском государственном архиве, употреблялись шведские названия, как и в других официальных документах того времени. В 1900 году в одном из донесений начальник жандармского управления Фрейберг так характеризовал Тампере:

«Таммерфорс — город, полный фабричного, крайне беспокойного рабочего люда, постоянно волнуемого разными наезжими агитаторами, а потому крайне разнузданного и дерзкого»¹.

Через два года генерал-губернатору Бобрикову вновь докладывали о рабочих этого города. В донесении говорилось, что «таммерфорские фабричные в последнее время завязали сношения с русскими революционерами». Русские и финские рабочие

договаривались о совместной борьбе. «Около недели тому назад таммерфорские рабочие общества получили уведомление из С.-Петербурга, что в феврале месяце в С.-Петербурге и во многих других городах России будут устроены уличные беспорядки»².

И наконец, в 1905 году — донесение о грандиозной первомайской демонстрации в Таммерфорсе. Вечером в рабочем обществе состоялось собрание рабочих, на котором в числе других ораторов выступил редактор рабочей газеты Юрье Мякелин. По докладам агентов, он призывал к союзу с русскими рабочими, ибо требование у финских и русских рабочих одно: «Долой самодержавие!»³

Тампере уже тогда был одним из крупнейших пролетарских центров Финляндии. Когда в декабре 1905 года к финляндским товарищам обратились с просьбой порекомендовать место, где можно было бы спокойно, без риска провести очередной съезд РСДРП, секретарь социал-демократической партии Финляндии Юрье Сирола без колебаний назвал Тампере. В этом городе было большое, вместительное здание Рабочего дома с актовым и зрительными залами, с учебными классами и лекционными помещениями. На сцене Рабочего дома часто ставились спектакли, в этом же здании размещался так называемый рабочий институт, в его залах постоянно шли лекции, собрания, заседания, а в вестибюле всегда толпился народ. В такой обстановке заседания съезда могли бы не вызвать больших подозрений.

Тампере не был гарнизонным городом, поэтому жандармов здесь было меньше, чем в городах, в которых стояли воинские части.

Из-за начавшейся забастовки железнодорожников, московского вооруженного восстания и развернувшихся революционных событий в других районах страны многие делегаты приехать не смогли. В Тампере прибыл 41 делегат от 26 организаций. Все были большевиками. Посоветовавшись, решили провести конференцию. Она и получила название Первой Таммерфорской конференции РСДРП.

Конференция проходила в течение недели, с 12 по 17 декабря по старому стилю, в зале рабочего института, занятия которого на время конференции были перенесены в другое место. Председателем конференции был избран Ленин. Он выступал с докладами о текущем моменте и по аграрному вопросу. Во время дискуссии пришло известие, что в Москве началось вооруженное восстание. Конференцию решили закончить и пе-

медленно разъехаться по местам, чтобы принять непосредственное участие в руководстве борьбой рабочего класса и донести решения конференции, советы Ленина до самых широких масс.

Н. К. Крупская писала в своих воспоминаниях:

«В середине декабря состоялась Таммерфорсская конференция. Как жаль, что не сохранились протоколы этой конференции! С каким подъемом она прошла! Это был самый разгар революции, каждый товарищ был охвачен величайшим энтузиазмом, все готовы к бою. В перерывах учились стрелять. Раз вечером мы были на финском массовом собрании, происходившем при свете факелов, и торжественность этого собрания соответствовала целиком настроению делегатов»⁴.

В ноябре 1906 года в Тампере состоялась еще одна конференция РСДРП — «Первая Всероссийская». В ней принимали участие и меньшевики. В. И. Ленин выступал с докладом по вопросу об избирательной кампании во II Государственную думу, вынес «особое мнение» о тактике РСДРП в думской кампании, выступал по другим вопросам. Финские исследователи утверждают, что вторая конференция проходила в том же помещении⁵.

Теперь в Рабочем доме Тампере — Туавентало, в комнатах, в которых проходили конференции, организован музей В. И. Ленина, где собраны материалы, связанные с пребыванием Владимира Ильича в Финляндии. Директор музея А. Лааксо опубликовал в газете «Кансан уутисет» в декабре 1965 года в связи с 60-летием Первой Таммерфорсской конференции статью, в которой привел некоторые новые сведения о подготовке и проведении конференции. В частности, он пишет, ссылаясь на рассказы очевидцев, что рабочие Тампере организовали охрану делегатов от возможных провокаций полиции. Во всех дворах домов, примыкавших к Рабочему дому, в дни работы конференции дежурили конные пикеты финских рабочих, готовые в любой момент отвезти гостей в безопасное место⁶.

Свято хранят рабочие Тампере память о пребывании в их городе В. И. Ленина. Экспонаты музея рассказывают о давних и тесных узах дружбы, которые связывали Владимира Ильича с финскими рабочими. Здесь фотографии мест, где он бывал в Финляндии, документы, главное место среди которых занимает постановление Совета Народных Комиссаров от 18 декабря 1917 года о признании независимости Финляндской Республики, подписанное Лениным.

Ежегодно тысячи людей прибывают в Тампере специально, чтобы посетить музей. На одном из столов здесь лежат простые

подарки, оставленные посетителями, книги о Ленине на разных языках мира, открытки, значки... Делегация рабочих города Карл-Маркс-Штадта из ГДР привезла в далекий Тампере барельеф Маркса. В одном из русских ставеньков с хохломской росписью я обнаружил записку, написанную на листке из блокнота. Простые слова, идущие от сердца: «Вдали от родины мы словно вступили на ее землю. Советские туристы».

Где жил в дни работы Первой Таммерфорсской конференции Ленин?

Лааксо сообщает, что, когда под рождество в Тампере начали прибывать делегаты, их размещали в гостинице Розенталя на улице Кауппакату, в гостинице Бауэра (теперь на этом месте стоит гостиница «Эймаус»), а также — «Пеллерн» на улице Раутатиенкату⁷.

Сюльви-Кюллики Кильпи считает, что Ленин останавливался в недорогой гостинице на улице Раутатиенкату⁸. А. Лааксо в своей статье придерживается той же точки зрения. Дом сохранился до наших дней. Это одноэтажное деревянное здание. Оно находится на углу улиц Раутатиенкату и Кюттялянкату, неподалеку от железнодорожного вокзала.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Финляндский государственный архив ККК, Ес 2. № 8, донесение за 3 октября 1900 года.

² Там же. Ес 8. № 2, стр. 510

³ Там же. Ес 16, № 1, донесение № 1301.

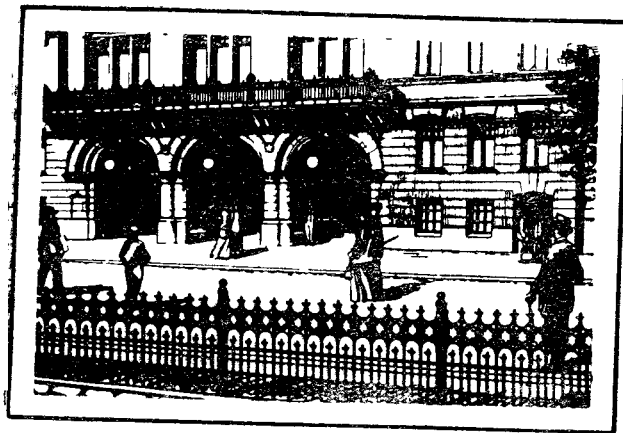
⁴ «Воспоминания о В. И. Ленине», т. I. М., Госполитиздат, 1968, стр. 311.

⁵ S. - K. Kilpi. Lenin ja suomalaiset, s. 48.

⁶ "Kansan Uutiset", 28. 12. 1965

⁷ Там же

⁸ S. - K. Kilpi. Lenin ja suomalaiset, s. 39.

В апреле 1906 года в Стокгольме было намечено провести очередной IV съезд РСДРП. Финский социал-демократ Ээро Хаапалайнен в рукописи, которая хранится в одном из архивов Петрозаводска, рассказывает, как он сопровождал 90 делегатов съезда на корабле из Ханко в Стокгольм. По пути корабль сел на мель. Хаапалайнен боялся, как бы полиция не прибыла на пароход. Многим пассажирам пришлось бы расстаться со свободой. Хаапалайнен просил капитана, чтобы сначала пассажиров пересадили на другое судно и только тогда обратились за помощью к властям. Хаапалайнен писал, что не помнит, был ли на пароходе Ленин. В Стокгольме, по словам Хаапалайнена, делегаты съезда были размещены в шведских рабочих семьях¹.

Ленина не было на судне, севшем на мель. Он прибыл в Стокгольм раньше. М. Н. Лядов, бывший на том корабле, писал: «В Стокгольме нас встретили раньше прибывшие товарищи, в том числе и Ильич»².

В Хельсинки недавно были опубликованы мемуары старого члена социал-демократической партии Линды Таннер. Она пи-

шет, что однажды по поручению Смирнова вместе с другой женщиной провожала Ленина в поезде до Турку. Женщины, как было условлено, ни словом не обмолвились с Лениным, лишь следили, чтобы с ним по дороге ничего не случилось.

Ленин читал газету «Хувудстадсбладет» и даже не подозревал, что находится под наблюдением. Он сошел с поезда на одной из маленьких станций, не доезжая до Турку, куда за ним была прислана лошадь. Вальтер Борг позаботился о том, чтобы провести пассажира на судно, миновав жандармский пост. Ленин вошел на борт стокгольмского корабля на мысе Канавиниеми следом за одним банкиром из Турку и его женой. Создалось впечатление, как будто он был в их обществе, а этих людей капитан парохода знал хорошо³.

Линда Таннер не помнит точно года, когда это было, но случай, о котором рассказывает она, не мог произойти весной 1907 года, ибо тогда Владимир Ильич ехал не один. (Об этом есть свидетельство Лядова.) Совершенно другими были обстоятельства переправки Ленина в Швецию и в декабре 1907 года. Остается предположить, что воспоминания Линды Таннер относятся именно к апрелю 1906 года.

Среди финских студентов, помогавших русским революционерам, В. М. Смирнов называл имя студентки Линды Антилы, в замужестве Таннер⁴. Так что он знал ее и такое поручение ей вполне мог дать. То, что Ленин был знаком с Вальтером Боргом, коммерсантом и социал-демократом из Турку, впоследствии коммунистом, подтверждают многие, в том числе Н. К. Крупская, называющая его товарищем Борго⁵.

Вальтер Борг в то время был известным человеком в Турку. Он доставал билеты русским товарищам, устраивал их на ночлег, организовывал их посадку на пароход так, чтобы миновать жандармов. Многих русских революционеров спас в те годы Вальтер Борг. В декабре 1907 года именно он организовал переправку Ленина через шхеры возле Турку. Но об этом будет рассказано в специальной главе.

Что касается сведений о севшем на мель пароходе, то они подтвердились. Просматривая в хельсинкской университетской библиотеке газету «Хувудстадсбладет» за 1906 год, в номере за 22 апреля я обнаружил сообщение, что пароход «Ойхонна», вышедший из Ханко в половине одиннадцатого ночи 20 апреля, сел на мель неподалеку от Ханко. В порту Ханко в час ночи обнаружили свеговые сигналы с моря и сразу заподозрили, что случилось несчастье с «Ойхонной». Из Ханко было послано

спасательное судно «Солид». В два часа ночи, прибыв к месту крушения, капитан «Солида» обнаружил, что «Ойхонна» прочно сидит на мели. Пассажиры отказались пересест на спасательное судно, ибо опасности, что «Ойхонна» потонет, не было. Только в 8 часов 40 минут утра 21 апреля пассажиры с «Ойхонны» были доставлены пароходом «Муртайя» в порт Ханко. В этот же день они на пароходе «Велламо» в половине пятого вечера выбыли в Стокгольм⁶.

Такое же сообщение я нашел в вышедшей в Ханко газете «Хангё»⁷. 22 апреля «Хангё» сообщала, что на борту «Ойхонны» было всего 105 пассажиров⁸. Ээро Хаапалайнен писал, что из них 90 были делегатами съезда. Среди них — Лядов, Луначарский, Фрунзе, Ворошилов, Бубнов и другие⁹. Позднее, изучая анкеты полицейских опросов пассажиров, прибывших из Финляндии в Стокгольм, я установил, что на пароходе «Велламо» 22 апреля прибыли в шведскую столицу 63 делегата¹⁰. Вероятно, остальные или прибыли на других пароходах после несчастья с «Ойхонной», или избежали полицейского опроса.

Полицейские досье хранятся в городском архиве Стокгольма. Много времени я потратил на то, чтобы просмотреть все анкеты, пытаюсь разгадать, какая из них была заведена на В. И. Ленина. Папка за 1906 год должна содержать 400 анкет. Так во всяком случае написано на ее обложке. Открываю папку. Начинаются анкеты с номера шестого. Анкет с номера первого по пятый нет. Видимо, утеряны. Могли ли быть среди них анкеты, заведенные на делегатов съезда, и в частности на Ленина? Вряд ли. Анкета номер 6 заполнена на какого-то Альфреда Разума, прибывшего на пароходе «Боре-II» 5 марта 1906 года. Первые пять анкет заполнялись еще раньше. Едва ли делегаты съезда приехали за месяц до начала съезда.

Отсутствуют в папке также анкеты с номерами 52—70. Вот среди них уже могли быть анкеты делегатов съезда.

Листаю дальше. Номер 134. Павлинов Николай, комиссионер, родился в 1880 году в Екатеринославской губернии. Приметы: небольшого роста, темные волосы, шрам под левым глазом. Прибыл в Стокгольм 19 апреля на пароходе «Боре-II». На анкете в правом углу красными чернилами поставлена цифра «1». Кто-то считал делегатов съезда. На анкете 279-й вижу надпись по-шведски черными чернилами: «Внимание! Номера 277—278 в предыдущей папке относятся к съезду».

Я решил переписать все анкеты. Записи в некоторых из них сделаны полицейскими так небрежно, что трудно разобрать.

Пришлось просить помощи. Два вечера сидел со мной в архиве над анкетами Ингвар Мальмквист, работавший переводчиком в редакции АПН в Стокгольме. Вдвоем мы разбирали полицейские каракули. Наконец я мог сделать подсчеты. Делегатов на съезде, как известно, было 156. Анкет с красным номером в углу — 142. Таким образом, на 14 человек анкеты или не были заведены или исчезли. Если, конечно, считать, что анкеты, помеченные полицией, действительно были заведены на делегатов съезда.

Съезд открылся 23 апреля по новому стилю и продолжал свою работу до 8 мая. Первым 15 апреля на съезд прибыл, судя по анкете, на пароходе из Турку С. М. Красовский. На другой день оттуда же еще трое, а 19 апреля — сразу 39 человек, 21 апреля из Ханко — один, 22 апреля на «Велламо» из Ханко — 63, 22 апреля на «Боре-I» — 17, 26 апреля — 6, 30 апреля — 2. Всего на пароходах прибыло 132 человека, поездами — 8 и двое — не указано, на чем и когда.

Есть ли среди анкет ленинская? Я очень внимательно просмотрел всю папку. Не зная, какое имя он мог сообщить полиции, я обращал главное внимание на приметы.

Анкета № 135 (2). Шульц Вильгельм. Родился в 1882 году в Риге. Среднего роста, русые волосы. Молод, кроме того, Ленин был лысоват, полицейский обязательно отметил бы это.

№ 137 (4). Максим Бунин, журналист, 1880 года рождения, уроженец Екатеринославской губернии, среднего роста, темно-коричневые волосы, такие же усы и острая бородка. Одет в серый костюм, черное пальто и черную шляпу. Ленин? Вероятно, нет. Молод, да и особых примет нет.

Смотрю дальше. Ничего похожего не нахожу. Вот анкета на Ивана Коренева, банковского бухгалтера из Калуги, уроженца Казанской губернии. Лысый, глаза карие. Но большие усы.

Петров Иван Федорович, публицист. Среднего роста, крепкого сложения, глаза карие, волосы темноватые, нос прямой, темная бородка, усы, лысоват. Приметы как будто подходят. И шведские газеты писали об этой анкете, как о протоколе допроса Ленина в 1906 году в Стокгольме¹¹. Но, как потом выяснилось, досье это было заведено на реально существовавшего делегата Петрова¹².

Анкета 243 (115). Плеханов Георгий, писатель. Прибыл 25 апреля из Женевы. Остановился в гостинице «Континенталь».

30 апреля на пароходе «Боре-I» прибыли двое: Бубнов Андрей Сергеевич и журналист Павел Тучапский. Оба останови-

лись в гостинице «Рюдберг». Я вспомнил, что имя Тучапского называла в своих воспоминаниях Н. К. Крупская. Нахожу в книге это место. Крупская пишет, что она на съезд запоздала, ехала с Тучапским и Клавдией Тимофеевной Свердловой¹³. А полицейские в этот день заполнили анкеты лишь на Бубнова и Тучапского. Среди анкет делегатов есть анкеты на трех женщин: Лидию Леви, Елену Вольф и Марню Фингер. Все они прибыли 23 апреля и остановились в гостинице «Франкфурт», на Финской набережной. Вряд ли под одним из этих имен скрывалась Н. К. Крупская. Кроме того, ведь она пишет, что ехала с Тучапским, а Тучапский прибыл 30 апреля.

На анкете Тучапского кончается нумерация красными чернилами. Я просмотрел на всякий случай и остальные анкеты, вплоть до 400-й. Это были анкеты на людей, которые не могли быть делегатами съезда.

Таким образом, анкеты В. И. Ленина я не нашел. По всей вероятности, он сошел на берег, не заполнив никакой анкеты, предъявив паспорт какой-нибудь западной державы. Могла быть его анкета среди тех, которых не хватает в архиве. Я спрашивал директора архива доктора Стафа, куда могли деться недостающие анкеты, но он не знал. Они исчезли давно. Не исключено, конечно, что я все-таки держал в руках анкету, заполненную на Ленина. В таком случае он должен был так изменить внешность, что стал совершенно неузнаваемым.

В числе делегатов съезда были: Фрунзе, Ворошилов, Лядов, Скворцов-Степанов, Луначарский, Калинин, Ярославский, Красин, Воровский и другие. К сожалению, какие анкеты были на них заполнены, трудно установить. Опытные подпольщики, они сообщили о себе явно вымышленные сведения, и сейчас, не зная, какими именами они себя называли, трудно найти их досье.

Где жил во время съезда Владимир Ильич? Хаапалайнен писал, что делегаты были размещены на квартирах стокгольмских рабочих. Если верить записям в анкетах (а полицейские, вероятно, проверяли правильность сведений в гостиницах), то большинство делегатов жили все-таки в гостиницах. Я выяснил, в какой гостинице кто жил. Оказалось, что из 142 делегатов 125 остановились в гостиницах, 10 жили на частных квартирах и у семи адрес не указан. Наибольшее количество делегатов — 29 человек — жили в гостинице «Бло бандет». Большинство из них приехало 19 апреля на пароходе «Боре-II» и имело кавказские фамилии. В «Континентале» остановились Плеханов, Мар-

тов и другие, прибывшие поездами из европейских городов. В «Бристоле» проживали 13 делегатов.

Известный шведский историк-коммунист Кнут Бекстрём, автор двухтомной «Истории рабочего движения в Швеции», переведенной недавно у нас на русский язык, написал в 1960 году брошюру «Ленин и современность». Он сообщил в ней, между прочим, что Ленин прибыл в Стокгольм на IV съезд 20 апреля и жил «вместе с другими делегатами» в гостинице «Клара Ларссон» на площади Энгельбректсплан¹⁴. Как только мне в руки попала эта брошюра, я немедленно договорился с Бекстрёмом по телефону о встрече и поехал в здание на Кюнгсгата, где были расположены ЦК КПШ и редакция газеты «Ню даг».

На мой вопрос, на чем основано утверждение, что Ленин прибыл в Стокгольм именно 20 апреля и жил именно в этой гостинице, Бекстрём ответил, что он не помнит, где об этом читал. По адресной книге за 1906 год я нашел, что гостиница «Клара Ларссон» располагалась по адресу Биргеряргсгата, 23. Сейчас в этом доме — другая гостиница «Кюнг Карл». Видимо, это здание и имелось в виду. Современная «Клара Ларссон» находится рядом, в доме номер 29.

Полицейские досье, заведенные на делегатов, были единственными документами, при помощи которых я мог проверить утверждение Бекстрёма. 19 апреля приехали 39 делегатов на «Боре-II». 20-го на поезде из континентальной Европы — двое. Ничего общего с Лениным. 21 апреля приехал пароходом из Ханко Семен Алексеев-Сабуров, адвокат. Родился в Сольвычегодске 1 октября 1870 года. Может быть, это и был Ленин? Но в приметах сказано, что у этого человека были серо-голубые глаза.

Теперь по поводу гостиницы. Ни один из 125, остановившихся в гостиницах, как свидетельствуют анкеты, не жил в «Клара Ларссон». Можно предположить, что в ней жил кто-нибудь из тех семи, которые не сообщили своих адресов. Еще раз проверю приметы всех семи. Ни один из них не походит на Ленина.

Один из делегатов съезда М. Лядов писал впоследствии:

«Ильич заготовил нам помещение в одной или двух просторных гостиницах, чтобы жить всем вместе и чтобы можно было там устраивать фракционные заседания»¹⁵.

Лядов приехал на «Велламо» 22 апреля. Из делегатов, приехавших на этом пароходе, 12 человек остановились в «Бристоле». Я внимательно посмотрел анкеты всех двенадцати. Ни одного, внешне похожего на Ленина, не нашел.

Таким образом, вопрос о том, где останавливался Владимир Ильич в Стокгольме в 1906 году, ждет еще разрешения.

Значительную помощь в технической организации съезда оказали шведские социал-демократы. В архиве рабочего движения я просматривал подшивку газеты «Сосиал-демократен» за 1906 год. С большой симпатией и сочувствием писала она о борьбе рабочего класса и крестьянства России против царизма. В каждом номере печатались материалы под рубрикой «Революционное движение в России». Весной 1906 года, когда революционная волна спадала, по всей стране свирепствовали карательные экспедиции. В номере за 27 марта 1906 года опубликована статья «Ужасные сцены в прибалтийских провинциях».

«Вот несколько статистических сведений, которые с помощью голых, простых цифр рассказывают читателям несколько правдивых картин о методах проводимой в прибалтийских провинциях так называемой «работы по усмирению...»

В прессе мы собрали следующий материал:

1. В прибалтийских провинциях в течение 2 месяцев, с 13 декабря 1905 года по 13 февраля 1906 года, 18 человек повешено, в том числе два учителя. За это время расстреляны 621 человек, 320 убито во время столкновений войск с населением. Среди расстрелянных 11 учителей, 4 писателя, 2 студента, аптекарь и т. д. Урожай богатый — погублено 959 жизней!

2. Из этих же источников. 251 человек подвергнут порке плетьюми, среди них 2 женщины. Сожжены 97 крестьянских хуторов, 2 местных самоуправления... В городах разрушено 22 здания...

Бесчеловечность и разрушения видны повсюду. Людей вешают и расстреливают без всякого следствия и суда, по приказу офицера, часто по указке лифляндских баронов или унтер-офицеров и жандармов»¹⁶.

В этом же номере «Сосиал-демократен» публикует заметку об ужасных условиях содержания арестованных в российских тюрьмах, а также сообщает, что перед выборами в Государственную думу жандармы проводят массовые аресты. Только в Москве в тюрьмы брошено 842 человека.

Такие материалы «Сосиал-демократен» печатает из номера в номер. За несколько дней до открытия в Стокгольме IV съезда РСДРП, газета публикует сообщение о новом займе русского царя во Франции, взятом на подавление революции, а также информацию из Петербурга о пышном бале, устроенном министром внутренних дел Дурново. В то время как по всей Рос-

сии свистели казачьи нагайки и лилась кровь, петербургская знать веселилась, танцевала в зимнем саду, освещенном разноцветными лампочками. Газета пишет, что подобные балы устраивались во Франции, в Версальском дворце накануне революционного штурма Бастилии¹⁷.

В день открытия съезда газета не обмолвилась ни словом об этом событии. Съезд проходил конспиративно. Старое здание Народного дома было местом ежедневных заседаний, совещаний и собраний. Нередко проводили здесь свои вечера и русские эмигранты, которых к этому времени в Стокгольме было уже много. Газета «Сосиал-демократен» публиковала, например, такие объявления:

«Для русских эмигрантов социал-демократический молодежный клуб Нормальма организует митинг с 8 часов 15 минут вечера в зале «С» Народного дома. Тема: современные русские писатели Горький, Андреев и Вересаев. Песни русских эмигрантов»¹⁸.

В большом потоке эмигрантов из России прибытие делегатов съезда не так бросалось в глаза. Устройство благотворительных вечеров, концертов и собраний эмигрантов в Народном доме способствовало тому, что заседания съезда в одном из залов Народного дома не могли вызвать особых подозрений полиции.

Через тридцать лет в той же газете «Сосиал-демократен» один из шведских младосоциалистов Аксель Хольмстрём писал:

«Мы созвали несколько наших самых энергичных молодых социалистов и создали комитет помощи эмигрантам, в котором Хинке Бергегрен был все время движущей силой. В феврале свыше 200 русских эмигрантов прибыло в Стокгольм. Многие из них задерживались на короткое время, некоторые продолжали в тот же день путь в Западную Европу... Максим Горький тоже уехал ночным поездом на юг.

Рабочая коммуна Стокгольма выделила в помощь русским эмигрантам 500 крон. Мы собрали по подписке свыше 7 тысяч. Для того чтобы решить жилищный вопрос, сняли два дома возле Фридхем»¹⁹.

Среди бумаг Хинке Бергегрена в архиве рабочего движения сохранились две общих тетради с серыми карговыми переплетами. На обложках рукой Бергегрена написано «Комитет русских эмигрантов. 18 февраля — 26 мая 1906 года». Бергегрен скрупулезно записывал малейшие расходы: на оплату гостиницы, на кофе, на одежду и т. д.

В одной из тетрадей 24 апреля сделана запись: «Кофе для

тех, что на Уппландсгата — 13-20». Народный дом примыкал к Уппландсгата. Возможно, речь шла о делегатах съезда. Младосоциалисты писали, что они готовили кофе и бутерброды для делегатов и подавали в фойе, оказывали помощь тем, у кого не было денег на гостиницу и обратный проезд. Не исключено, что часть расходов, записанных в тетрадях с серыми обложками, приходилась и на обслуживание делегатов съезда.

С 5 мая Бергегрен начинает выдавать деньги на проезд в Або (Турку). Какие эмигранты возвращались в Финляндию в то время? Вероятно, это ехали домой делегаты съезда.

Кнут Бекстрём в уже упоминавшейся мною брошюре «Ленин и современность» пишет, что в Петербурге отправкой делегатов руководила Н. К. Крупская, в Хельсинки их встречала Е. Д. Стасова, а в Турку организовывал отправку на пароходах В. Богомолов²⁰. Как я уже говорил, в архиве Бергегрена хранится несколько писем Е. Д. Стасовой. 29 марта 1906 года она писала Бергегрену из Хельсинки, что в ближайшие дни напишет ему относительно съезда. К сожалению, письма о съезде в архиве нет. Но уже это упоминание говорит о том, что Е. Д. Стасова договаривалась с Бергегреном о помощи в подготовке и проведении съезда.

Вот что пишет об этом Аксель Хольмстрём:

«Однажды один из русских руководителей спросил Хинке и меня, не могли ли бы мы помочь организовать проведение тайного русского съезда в Стокгольме. Мы согласились»²¹.

Хольмстрём сообщает, что съезд открылся 23 апреля в зале «D». Зал этот оказался маловат, и на другой день заседания были перенесены в более вместительный зал «B». Здесь съезд и проходил все остальные дни. Заседания, по его словам, начинались в 9 часов утра и заканчивались около 6 часов вечера.

Владимир Ильич принимал самое активное участие в работе съезда. Он был избран в президиум, участвовал в комиссии по выработке проекта устава РСДРП. Н. К. Крупская пишет, что Владимир Ильич, она и еще несколько делегатов устроили однажды прогулку на лоно природы²². Любимым местом загородных прогулок жителей Стокгольма в те годы был парк Хага.

На одном из заседаний съезда было принято приветственное письмо шведской социал-демократической партии. Оно было подписано председательствовавшими на заседании Лениным и Даном. Этот документ с подписью Владимира Ильича хранится сейчас в архиве рабочего движения в Стокгольме.

8 мая по новому стилю съезд закончил работу. На другой

день газета «Сосиал-демократен» поместила небольшую заметку под заголовком «IV съезд русских социал-демократов», в которой говорилось:

«Форвертс»* сообщает: состоялся IV съезд русской социал-демократической партии. Он проводился за границей, и его заседания проходили закрыто. Мы не можем сообщить что-либо подробнее, только скажем, что представители социал-демократических союзов Польши и Латвии, а также социал-демократической партии Литвы участвовали в его работе. Прежде всего пытались достигнуть единства, что считается самым важным для социал-демократических партий России.

Где-то в Швейцарии²³.

Появление этой заметки было продиктовано не только желанием дать информацию о съезде. Главное, мне кажется, в том, что она была подписана «Где-то в Швейцарии» и отводила подозрения от Стокгольма, чтобы облегчить делегатам возвращение в Россию.

И только через месяц, 9 июня, «Сосиал-демократен» публикует большую статью Брантинга о съезде. В ней сообщалось, что съезд проходил не где-нибудь, а в Стокгольме, в Народном доме. Это известие вызвало настоящую газетную бурю. «Если бы бомба вдруг разорвалась в газетном квартале Стокгольма, то и то шуму было бы меньше, чем сейчас, когда буржуазные газеты узнали, что русский социал-демократический съезд сошел со ступеней в нашем городе месяц тому назад», — писала через день в передовой статье газета «Сосиал-демократен»²⁴.

Особую прыть проявили репортеры правой газеты «Вортланд». Они побежали к министрам и спрашивали: «Вы слышали?» Министр Юлин был «в высшей степени удивлен»²⁵, но обещал выяснить, «кто мог позволить». Хуже пришлось министру иностранных дел Тролле. Газеты обвинили его в том, что он «открыл границу русским революционерам». Министр заявил репортерам, что «помнит что-то» о полицейских рапортах по поводу большого числа «интеллигентных эмигрантов»²⁶.

«Афтонбладет» и «Стокгольмска дагбладет» выражали беспокойство по поводу последствий «этого скандала». Полицию критиковали за то, что она «прохлопала ушами»²⁷. Газете «Сосиал-демократен» не одной пришлось принимать на себя огонь критики. Две статьи съезду посвятил в своем журнале «Бранд» («Пожар») Бергегрен²⁸. Он писал, что Брантингу лучше было

* Газета немецкой социал-демократической партии.

бы молчать, ибо он не принимал участия в съезде, только два раза появился на заседаниях для произнесения приветственных речей. Настоящие «виновники» — это младосоциалисты, а не Брантинг с его буржуазной натурой²⁹.

Документы, которые мне довелось просмотреть в архиве Министерства иностранных дел Швеции, свидетельствуют о том, что тогдашнему министру Тролле пришлось приложить немало усилий, чтобы по дипломатическим каналам замять дело и уладить отношения с царским правительством.

Заведующий архивом шведского МИДа Вильгельм Карлгрен показал мне папку «Русские и финские эмигранты в Швеции. 1906 год». Я попросил его еще раз посмотреть фонды, не найдется ли материалов, связанных с пребыванием русских революционеров в Швеции. Он обещал посмотреть. И тут как раз мне попалась книга шведского автора Томаса Хаммара «Сверие от свенскарна» («Швеция — для шведов»)³⁰, в которой давалась история иммиграции и эмиграции страны. Автор рассказывал о IV съезде, ссылаясь на документы архива МИДа, которые были мне не знакомы. Снова пишу письмо Карлгрену, прошу показать документы, на которые ссылается Хаммар. Вскоре я получаю приглашение прийти в архив.

Карлгрен любезно встречает меня, проводит в комнату библиотекаря фрау Даль и сдает ей на руки. Она помогала заказывать нужные папки, копии и т. д.

Не все документы, просмотренные тогда в архиве, касались 1906 года. Часть из них относилась к более позднему периоду, часть имела косвенное отношение к моей теме. Одна из папок сразу привлекла внимание. Просмотрев ее, я понял, почему так нервничал министр Тролле и почему так резко реагировала на сообщение о съезде официальная шведская пресса. На серой обложке заголовок: «Меры по предотвращению заговоров анархистов после анархистской конференции в Риме 1888—1889 годов». Первый документ — письмо шведского посла в Петербурге министру иностранных дел от 14 марта 1904 года. Посол сообщает, что он в этот день подписал в Петербурге протокол о совместных мерах борьбы с анархизмом. Копия протокола в шведский МИД будет доставлена русским посольством в Стокгольме³¹.

Затем идут секретные письма русского посла, копия протокола, подписанного в Петербурге, в котором, между прочим, говорится, что будут созданы специальные бюро по борьбе с «анархизмом». В Швеции такое бюро будет возглавлять полицмейстер Стокгольма³². Ярлык «анархизма» приклеивался каждо-

му, кто выступал против царского самодержавия или иного «законного строя».

С инициативой подписания такого тайного антиреволюционного пакта выступили 22 мая 1903 года два самых реакционных правительства Европы — кайзеровской Германии и царской России³³. Судя по подшитым в папке документам, в апреле — мае 1904 года шла оживленная переписка по поводу этого пакта. Обменивались нотами, договаривались об «административных мерах к анархистам» и т. д. Вся переписка шла под грифом «секретно». Пакт подписали правительства Германии, Австро-Венгрии, России, Швеции и Норвегии, Дании, Турции, Румынии, Сербии и Болгарии. Затем к нему присоединились Люксембург, Португалия и Испания. Европейские правительства договорились о совместной борьбе против революционеров, заключив новый священный союз.

Правда, тайный пакт недолго оставался тайным. Сведения о нем просочились в печать, о чем с прискорбием сообщал Тролле шведский посол в России³⁴. Газета «Сосиал-демократен» писала, что шведское правительство, подписав пакт о выдаче политических беженцев, даже не известило об этом парламенты Швеции и Норвегии³⁵. Норвежская газета «Ню тид» заявляла с возмущением: «Русский борец за свободу, бежавший из тюрьмы, из Сибири или от смертного приговора, таким образом, полицией другой страны, в том числе Норвегии, может быть схвачен и выдан в руки русских палачей»³⁶.

Договор, однако, оставался в силе. Шведское правительство, обеспокоенное усилившимся в начале 1906 года потоком эмигрантов из России, принимает экстренные меры. 2 марта 1906 года министр Тролле поднял вопрос о проникновении в Швецию «опасных преступников». Министр Шутте получил задание специально заняться этим. Он вызвал к себе губернатора Стокгольмской губернии Пауля Исберга и полицмейстера Стокгольма Теодора Хинтце и потребовал ответа, что они намерены предпринять, чтобы исполнить обязательства, возложенные на шведские власти договором о борьбе с анархизмом. Стокгольмский полицмейстер заявил, что большинство русских эмигрантов — настоящие преступники, очень опасные люди. Он предложил издать специальный закон, который давал бы право высылать нежелательных иностранцев³⁷.

С марта 1906 года все русские эмигранты встречались на пристани полицией и препровождались под конвоем в участок, где их допрашивали и заполняли специальную анкету. Город-

ской прокурор Ларс Стендаль, который подписал большинство анкет, лежащих еще и сейчас в городском архиве, предупреждал каждого, что его вышлют из Швеции, если он будет заниматься политической деятельностью.

5 марта 1906 года посол в Петербурге Врангель в тайном доносении предупреждал шведское правительство, что в ближайшее время в Швецию прибудет большое количество русских политических эмигрантов. Он просил, чтобы шведские газеты поменьше выражали симпатий этим людям, так как «российские власти больше на это закрывать глаза не будут»³⁸.

Шведские власти выдавали русской жандармерии имена политэмигрантов, прибывших в Стокгольм. Об этом свидетельствуют документы. На первой странице папки «Русские и финские эмигранты в Швеции» имеется список 24 эмигрантов³⁹. На углу списка виза: «Сведения — Петербург, консульство в Риге». Министр Тролле сообщает в письме послу в Петербург биографические данные восьми эмигрантов и просит выяснить правильность сведений⁴⁰. Одновременно шведскому консулу в Риге поручает проверить достоверность сведений, данных другой группой эмигрантов⁴¹.

Как видно из ответов посла и консула, они «выясняли» у местных русских властей, то есть попросту передали списки в жандармерию. Тролле немедленно поставил в известность о результатах проверки стокгольмского полицмейстера, подчеркнув, что такие-то эмигранты совсем не те, за кого себя выдают⁴².

Шведская полиция имела прямые связи с царской охранкой. Переписывались, минуя дипломатов. Это доказывает письмо временного поверенного в делах России барона Сталь-Гольштейна министру Тролле, в котором он пишет, что шведская полиция запрашивает сведения о русских эмигрантах прямо из полиции тех русских городов, в которых проживали эмигранты⁴³.

В апреле 1906 года был опубликован циркуляр короля Швеции об обязательной регистрации прибывших в Швецию русских подданных⁴⁴.

После всех этих мер шведское правительство и его министр иностранных дел Тролле чувствовали себя неловко перед царскими властями, когда стало известно о том, что в Стокгольме состоялся съезд одной из самых революционных партий. Временный поверенный в делах России Сталь-Гольштейн нанес визит министру Тролле и потребовал объяснений⁴⁵. Посол из Петербурга прислал министру вырезку из газеты «Санкт-Петербургер цайтунг», выходившей в Петербурге на немецком язы-

ке, которая, сообщая о съезде русских революционеров в Стокгольме, делает упрек: «Как могло не заметить этого шведское правительство?»⁴⁶

Министр Тролле после опубликования заметки о съезде в «Сосиал-демократен», отправляет шифрованную депешу послу в Петербурге. В архиве сохранился ее черновик, написанный рукой Тролле. В углу пометка: «Относительно русского социал-демократического съезда в Стокгольме. Посольству в Санкт-Петербурге». В депеше говорится:

«Как видно из прилагаемой вырезки из газеты «Сосиал-демократен» от 9 числа сего месяца, в конце апреля — начале мая в Стокгольме состоялся съезд русских социал-демократов.

...То, что съезд не вызвал особого внимания, объясняется тем, что его участники прибыли отдельными группами, в то время как в течение всей зимы русские эмигранты в большом количестве прибывали в нашу страну. Далее. Заседания съезда носили характер частных переговоров на русском языке и поэтому не могли контролироваться полицейскими властями.

Я посчитал своим долгом сообщить Вам вышеизложенное, чтобы Вы во время разговора с русским министром иностранных дел могли изложить нашу точку зрения на вышеупомянутый съезд»⁴⁷

Отправив это извинение царскому правительству, Тролле через три дня, 14 июня, пишет циркулярное письмо всем послам по поводу съезда, в котором повторяет те же «оправдания»: делегаты прибыли в массе эмигрантов и не были сразу опознаны, вели переговоры по-русски, и полиция не могла предположить, что идет съезд социал-демократов⁴⁸.

Между тем шведская полиция знала о съезде и была заранее предупреждена, что он будет проводиться в Стокгольме. Об этом рассказывал Бергегрену и Стрёму бывший городской прокурор Стендаль, выйдя на пенсию⁴⁹. Вероятно, шведское правительство сначала действительно не придавало значения полицейским рапортам о заседаниях съезда, а когда спохватилось — было уже поздно.

— Через два дня после окончания съезда я получил приказ арестовать делегатов, — добавил Стендаль⁵⁰.

Бергегрен впоследствии рассказывал Стрёму:

«Тайный съезд русских социал-демократов... охранялся молодыми социалистами... Официально партия называлась российской социал-демократической, но фактически она была разделена на большевиков и меньшевиков. Они собрались на съезд, что-

бы объединиться, но после съезда еще дальше разошлись друг от друга. Я был на стороне большевиков, а Брантинг, естественно — меньшевиков, они же были близкими идейными родственниками»⁵¹.

Как известно, на съезде преобладали меньшевики. Воспользовавшись своим численным превосходством, они навязали съезду предложенные ими решения. В руководящих органах партии большинство мест заняли меньшевики. Большевики во главе с В. И. Лениным вели на съезде непримиримую борьбу против оппортунизма меньшевиков, за четкую революционную линию, за идейно выдержанную марксистскую партию.

Съезд носит название «Объединительного» и формально он объединил в единую партию большевиков и меньшевиков. Фактически же он показал, что существуют две партии: революционная — ленинская и реформистская — меньшевики.

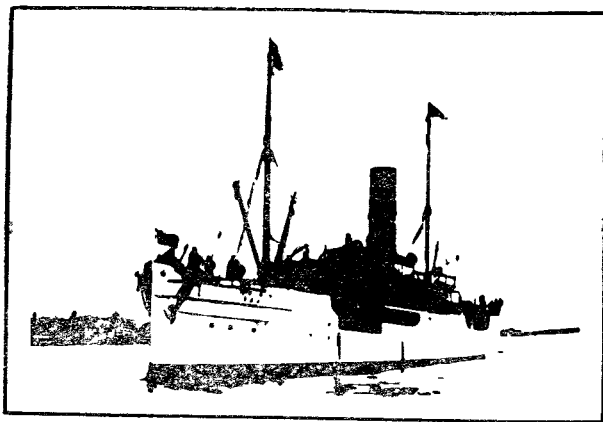
В. И. Ленин не был обескуражен «поражением» на съезде. В своем «Докладе об Объединительном съезде РСДРП» он писал, что съезд имел положительное значение:

«Крупным практическим делом съезда является намеченное (частью уже осуществленное) слияние с национальными с.-д. партиями. Это слияние укрепляет Российскую социал-демократическую рабочую партию. Оно поможет вытравить последние следы кружковщины. Оно внесет свежую струю в работу партии. Оно в громадной степени усилит мощь пролетариата всех народов России»⁵².

ПРИМЕЧАНИЯ:

- ¹ S.-K. Kilpi. Lenin ja suomalaiset, Helsinki, 1957, s. 46.
- ² М. Ля до в. Из жизни партии в 1903—1907 годах. М., Госполитиздат, 1956, стр. 162.
- ³ "Hufvudstadsbladet", 24. 01. 1964.
- ⁴ В. Смирнов. Из революционной истории Финляндии 1905, 1917, 1918 гг. Л., 1933, стр. 51.
- ⁵ Воспоминания о В. И. Ленине, т. 1. М., Госполитиздат, 1968, стр. 325.
- ⁶ "Hufvudstadsbladet", 22. 04. 1906.
- ⁷ "Hangö", 21. 04. 1906.
- ⁸ Там же, 22. 04. 1906.
- ⁹ М. Ля до в. Из жизни партии в 1903—1907 годах, стр. 159—160.
- ¹⁰ Стокгольмский городской архив.
- ¹¹ ÖA. Kriminalavdelningen. Utl. exp. Dossjerer 1906.
- ¹² "Dagens nyheter", 18. 06. 1964.
- ¹³ И. Мокрецов. Рассекреченное досье. — «Огонек», 1965, № 8, стр. 24.

- ¹³ Воспоминания о В. И. Ленине, т. 1, стр. 315.
- ¹⁴ K. B ä k s t r ö m. Lenin och nytiden. Stockholm, 1960, s. 43.
- ¹⁵ М. Ля до в. Из жизни партии в 1903—1907 годах, стр. 162.
- ¹⁶ "Socialdemokraten", 27. 03. 1906.
- ¹⁷ Там же, 10. 04. 1906.
- ¹⁸ Там же, 3. 04. 1906.
- ¹⁹ Там же, 23. 04. 1936.
- ²⁰ K. B ä k s t r ö m. Lenin och nytiden, s. 43.
- ²¹ "Socialdemokraten", 23. 04. 1936.
- ²² Воспоминания о В. И. Ленине, т. I, стр. 316.
- ²³ "Socialdemokraten", 9. 05. 1906.
- ²⁴ Там же, 11. 06. 1906.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ "Brand", 1906, № 6; s. 8—9, № 7, s. 8—9.
- ²⁹ Там же, 1906, № 7, стр. 9.
- ³⁰ T o m a s H a m m a r. Sverige åt svenskarna, Stockholm, 1964.
- ³¹ Архив МИДа Швеции. 55-G-6, s. 107.
- ³² Там же, стр. 108.
- ³³ Там же, стр. 112.
- ³⁴ Там же, стр. 118.
- ³⁵ "Socialdemokraten", 24. 05. 1904.
- ³⁶ "Ny tid", 27. 05. 1904.
- ³⁷ T. H a m m a r. Sverige åt svenskarna, s. 98.
- ³⁸ Архив МИДа Швеции. 54-A-7, стр. 3.
- ³⁹ Там же, стр. 1.
- ⁴⁰ Там же, стр. 5.
- ⁴¹ Там же, стр. 6—7.
- ⁴² Там же, стр. 16—19, 23—24, 27, 29.
- ⁴³ Там же, стр. 30.
- ⁴⁴ "Posttidningen", 28. 04. 1906.
- ⁴⁵ Архив МИДа Швеции. 54-A-7.
- ⁴⁶ St.-Peterburger Zeitung, 7. 06. 1906.
- ⁴⁷ Архив МИДа Швеции. 54-A-7. Письмо министра Э. Тролле от 11. 06. 1906.
- ⁴⁸ Там же, 54-A-7.
- ⁴⁹ Fredrik Ström Min ungdoms strider. Stockholm, 1940, s. 160.
- ⁵⁰ Там же, стр. 163.
- ⁵¹ Там же, стр. 162.
- ⁵² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 13, стр. 60.

В апреле Копенгаген одевается в зелень. В знаменитом парке «Тиволи», существующем уже многие десятки лет, в конце апреля — самые горячие дни. Идут последние приготовления. 1 мая по традиции в полночное небо взвьется многоцветный фейерверк, возвестив всем и каждому в городе, что «Тиволи», наконец, открыт, а его многочисленные аттракционы ждут посетителей. Сдвинув пивные кружки с любимым пивом «Тюборг», копенгагенцы провозгласят «Скольш!» за любимый «Тиволи», как это делали их отцы и деды.

Рядом с «Тиволи» на улице Вестербро выходит такое же старое, как парк, здание вокзала, с законченной стеклянной крышей, с постоянно мигающими над входом неоновыми часами. Я брожу по залу ожидания. Сквозь мутные стекла потолка пробиваются лучи весеннего солнца. В зале — обычная вокзальная суета. Кто-то сидит на скамейке, ожидая поезда, кто-то спешит с чемоданами к перрону, то и дело через зал проходят пассажиры с прибывших поездов.

Так здесь было, наверно, и в то далекое утро, когда в кон-

це апреля 1907 года через зал, сойдя со стокгольмского поезда, прошел В. И. Ленин. Это было утром. Согласно сохранившемуся в стокгольмском железнодорожном музее старому расписанию поездов, в апреле 1907 года поезд из Швеции прибывал к копенгагенскому вокзалу в 10 часов 35 минут утра.

Ленин прошел с перрона по лестнице в зал ожидания. Возможно, остановился у буфета выпить чашку кофе и просмотреть свежую газету. Но куда он пошел затем: к главному выходу на Вестербро или к боковому, который ведет к «Тиволи»? Кто его встречал? Ответа на эти вопросы пока нет. Этот первый приезд Владимира Ильича в датскую столицу вообще пока изучен плохо.

Предполагая, что датская полиция тогда должна была следить за вождем большевиков, я еще из Стокгольма написал письмо в Министерство юстиции Дании с просьбой сообщить, нет ли в архиве полиции каких-нибудь документов о пребывании Ульянова-Ленина в Копенгагене в конце апреля — начале мая 1907 года. Получил ответ на официальном бланке министерства. В нем говорилось, что «при просмотре архивов копенгагенской полиции и списков проживавших в Копенгагене никаких сведений о пребывании Ленина не обнаружено»¹. Таким образом, эта ниточка оборвалась.

Решил начать с архива рабочего движения, расположенного на площади Брантинга. Это довольно далеко от вокзала. Выхожу на Вестербро, сворачиваю на бульвар Андерсена, затем прохожу мимо Ботанического сада. На улице Стокгольмской, которая ведет к архиву, с одной стороны над тротуаром свисают зеленые ветки деревьев парка. Вот и архив. Это небольшое желтое здание. Передо мной выкладывают толстые папки газетных вырезок о пребывании Ленина в Копенгагене. Я перелистываю их и убеждаюсь, что все эти статьи — о втором приезде Владимира Ильича в датскую столицу, в 1910 году.

Архивариус советует мне пройти в университетскую библиотеку, посмотреть подшивки датских газет за 1907 год. В архиве таких подшивок нет.

Мрачное здание на улице Фиолстрит с решетками на маленьких окнах и старинной дубовой дверью мало похоже на библиотеку. В читальном зале получаю толстые, тяжелые подшивки газет. Берусь за «Соснал-демократен», орган датской социал-демократической партии. В 1907 году газета издавалась необычным форматом. Страницы были много длиннее, чем в современных газетах. Поэтому каждый номер приходится сначала

разворачивать, а прочитав, снова складывать и переворачивать. Дело подвигается медленно, но тут уж ничего не поделаешь.

Газета часто печатает «Письма из России», в которых рассказывается о борьбе русских революционеров, о зверствах царских карателей. Вот наконец апрельские номера. Смотрю внимательно каждую заметку. В номере за 16 апреля бросается в глаза редакционная статья «Социал-демократический съезд в России»². В ней говорится, что в эти дни «где-то в том или ином месте» проходит очередной съезд российских социал-демократов. Газета приводит повестку дня съезда, рассказывает об истории нашей партии, упоминает, что настоящий съезд — пятый, что четвертый проходил в Стокгольме и на нем состоялось лишь формальное объединение большевиков и меньшевиков, а на нынешнем съезде революционные социал-демократические силы должны по-настоящему объединиться перед лицом грядущей революции.

Статья написана очень информированным человеком, по всей вероятности русским социал-демократом. Но почему она была опубликована так рано? Ведь делегаты съезда еще только собирались ехать на съезд. И проводить его было намечено не «где-то в том или ином месте», а в Копенгагене. Может быть, публикуя эту заметку почти за три недели до прибытия в Копенгаген делегатов, руководство датской социал-демократии хотело дезинформировать полицию, отвлечь ее внимание от Копенгагена?

Заметка могла и насторожить. Почему она опубликована именно в копенгагенской газете? Откуда у редакции такие точные сведения о повестке дня? Эти вопросы мог задать себе любой агент царской охраны, прочитав заметку. А в Европе, в том числе и в Дании, такие агенты были.

Царские власти узнали о готовящемся в Копенгагене съезде заранее и без этой заметки. В 1907 году в военную организацию большевиков, действовавшую в Финляндии, проник провокатор. Он выдал охране немало революционеров и тайн³. Был агент охраны, как потом оказалось, и в Заграничном бюро ЦК РСДРП. Так что сведения о готовящемся съезде в Копенгагене в третье отделение поступали из первых рук.

Смотрю подшивку дальше. 6 мая, в понедельник, газета со ссылкой на субботний номер буржуазной «Берлингске тиденде» сообщает, что из Ханко (Финляндия) в Копенгаген выбыл пароход с делегатами русского социал-демократического съезда на борту.

Но не лучше ли обратиться к первоисточнику? В подшивке «Берлингске тиденде» нахожу номер за 4 мая. Вот она, эта заметка. В ней сообщается, что делегаты едут в Копенгаген на борту парохода «Астреа».

Несколько раз после этого я бывал в Копенгагене, искал следы проезда В. И. Ленина и других делегатов через Финляндию и Швецию в этих странах. Перебрав все свои записи, я пытался представить себе, как развивались события.

После IV съезда разногласия между большевиками и меньшевиками еще более обострились. Центральный Комитет, большинство мест в котором захватили меньшевики, дезорганизовал всю работу. Поэтому было решено создать в начале мая 1907 года новый съезд. Предварительным местом его проведения избрали Копенгаген. ЦК должен был договориться через датских социал-демократов о разрешении на съезд в Копенгагене, а также решить все организационные вопросы, вплоть до аренды помещений для заседаний и расквартирования делегатов.

В конце апреля в Финляндию начали прибывать делегаты из разных концов России. Финские социал-демократы и «активисты» снабжали их паспортами, устраивали на временные квартиры. Делегаты выезжали небольшими группами в Швецию, чтобы оттуда добраться поездом до датской столицы. Шведская газета «Сосиал-демократен» писала при этом, что шведская полиция не только была хорошо осведомлена о прибытии делегатов, но и получила подкрепление в виде двух детективов русской охраны, которые встречали пассажиров в стокгольмском порту и допрашивали их⁴.

2 мая из Ханко выбыл в Копенгаген пароход «Астреа», на котором находилось около ста делегатов. Просматривая газету «Хангё» за 1907 год, я нашел сообщение, что пароход «Астреа» вышел из Ханко 2 мая в 6 часов вечера, имея на борту 105 «классных» пассажиров и 201 эмигранта с дешевыми, «бортовыми» билетами⁵. Побывал я и в самом городе Ханко. В городском музее нашла фотографию парохода «Астреа», небольшого судна с длинной черной трубой.

В. И. Ленин жил весной 1907 года в местечке Куоккала (теперь Ильичево). Направляясь на съезд, он поездом выехал в Турку и во второй половине апреля прибыл в Стокгольм. М. Н. Лядов, ехавший из Турку вместе с Владимиром Ильичем, рассказывал потом:

«Мы долго пробродили по улицам Стокгольма в ожидании поезда, который должен был отвезти нас в Копенгаген. Помню,

Ильича очень поразило, когда наш поезд весь целиком был вдвинут на большой паром, и нас, таким образом, перевезли через пролив*. Вообще Ильича восхищала вся дорога, по которой мы ехали, и тот образцовый порядок, который повсюду царил»⁶.

Пароходы из Турку приходили в Стокгольм рано утром, а поезд на Копенгаген шел вечером, в половине девятого. Так что у В. И. Ленина и М. Н. Лядова был целый день на знакомство со Стокгольмом, хотя они оба, как мы знаем, в нем были не новички: Ленин приехал в шведскую столицу уже в третий раз, Лядов был в Стокгольме год назад, на IV съезде партии.

Что видели Ленин и Лядов, бродя по Стокгольму? На набережной Шепсбрун, куда и сейчас пристают финские пароходы, рядами стояли конные извозчики, ожидая пассажиров. По набережной Страндвеген, которая и сегодня является любимым местом прогулок жителей Стокгольма, шли жепщины в длинных, до земли платьях, мужчины в темных костюмах и котелках. На центральной площади города Хёторьет («Сенная площадь») с незапамятных времен обосновался рынок. Площадь была забита телегами крестьян, приехавших в город продавать мясо, молоко, яйца, картофель. Здесь было шумно, тесно. На мостовой тут и там валялись клоки сена, оправдывая своим присутствием название площади, сохранившееся и поныне.

Не попытаться ли найти следы пребывания Ленина в Стокгольме в апреле 1907 года в городском архиве? Может быть, на этот раз сохранилась анкета-досье, заведенная полицией?

Пошел в городской архив, заказал папку полицейских анкет иностранцев за 1907 год. Сорок шесть человек зарегистрированы в апреле. И ни один из них по приметам на Владимира Ильича не похож. Значит, он, наверно, опять избежал опроса, предъявив «надежный» иностранный паспорт. В конце апреля Ленин был уже в Копенгагене и наверняка утром 5 мая встречал в копенгагенском порту пароход «Астреа».

Датская газета «Сосиал-демократен» писала 7 мая о прибытии делегатов съезда: «Наши власти были осведомлены о готовящемся съезде заранее... Русские агенты следили за этим кочующим штабом и узнали, что он направляется в Копенгаген. Они сообщали об «опасности» полиции Копенгагена и Мальмё. Вчера утром господин Альберти** передал через

* Первый раз, в ноябре 1905 года В. И. Ленин переехал пролив Эресунд, вероятно, ночью, и не видел парома.

** Министр юстиции Дании.

начальника полиции русским, чтобы они немедленно покинули Данию, иначе будут арестованы и высланы в Россию. Русские обратились к одному из руководителей датских социал-демократов Кнудсену. Тот пошел к начальнику полиции, а потом к министру юстиции и попросил, чтобы время пребывания русских в Дании было продлено»⁷.

А вот что писала информированная «Берлингске тиденде»: «В течение субботы и воскресенья в город прибыло около 200 делегатов. Они разместились поблизости от порта, по гостиным торгового квартала. Когда полиция узнала о их прибытии, полицейский директор дал приказ, чтобы они покинули город до 12 часов ночи, иначе будут высланы на родину. После этого делегаты поехали в Мальмё, где они хотят, вероятно, собрать всех, кто еще в пути»⁸.

Вступил в действие «священный пакт» о борьбе европейских правительств против революционеров. Датское правительство, стараясь выслужиться перед царизмом, не разрешило проводить съезд в Дании. Делегатам ничего не оставалось делать после угрозы копенгагенского полицмейстера, как перебраться через пролив в шведский город Мальмё. Но и здесь делегаты не были в безопасности. В архиве шведского министерства иностранных дел сохранилась телеграмма шведского посла в Дании Хаммаршельда от 6 мая 1907 года, в которой он предостерегал министра:

«Утренние газеты сообщают: двумстам русским социалистам предложено вчера покинуть Данию до полночи. Они выехали в Мальмё»⁹.

М. Н. Лядов вспомнил потом, что В. И. Ленин собрал фракцию большевиков. «Ильич ругательски ругал меньшевистский ЦК за то, что тот не мог предварительно через датских эсдеков получить гарантию в том, что нас не тронут»¹⁰. Далее Лядов рассказывал, что меньшевики предложили попросту разъехаться по домам, но большевики запротестовали и решили связаться со шведами, нельзя ли перенести съезд в Швецию. Вечером сообщили, что можно переночевать в Мальмё. Для ночлега делегатам предоставят Народный дом. Вечером погрузились на пароход и отплыли в Мальмё.

Поздно ночью в Мальмё делегатов встретили представители местной социал-демократической организации. Делегаты выстроились по их указанию и пошли к зданию Народного дома через весь город. Площадь перед Народным домом была оцеплена полицией.

Полицмейстер заявил, что получил категорическое указание министерства внутренних дел не допускать съезда в Мальмё, поэтому он не может впустить делегатов в Народный дом. Часть товарищей улеглась спать прямо на улице. Тогда полицмейстер распорядился, чтобы хозяева гостиниц разместили всех. Сам Лядов ночевал в каком-то кабаке на бильярде¹¹.

Полицмейстер города Мальмё Хорлеман имел от правительства строжайшую инструкцию ни в коем случае не допускать повторения «инцидента» 1906 года, когда русским социал-демократам удалось тайно провести съезд в Стокгольме. Поэтому он запретил русским социал-демократам даже собираться группами более восьми человек, чтобы они, не дай бог, не начали совещание, за которое ему, полицмейстеру, нагорит.

Полицейские разводили делегатов группами по гостиницам города. Расквартирование длилось почти до утра. Ждавшие очереди временно разместились на площади Стурторьет. Некоторые улеглись тут же, возле памятника королю Карлу X, подложив под головы свои чемоданы и узелки.

Не раз я сидел на скамейке на Стурторьет в Мальме и под шум фонтана пытался себе представить, как где-то вот здесь, возле позеленевшей статуи всадника-короля, или, может быть, вон там, у строгого здания старинной городской ратуши, сидел Владимир Ильич, а вокруг него собралась группа делегатов. Решали, что делать, шутили над «демократическими» порядками Дании и Швеции, критиковали беспомощный меньшевистский ЦК и тут кому-то, может быть самому Владимиру Ильичу, пришла мысль о Норвегии. Эта страна в 1905 году расторгла унию со Швецией, объявила о своей независимости. Норвежская рабочая партия имела влияние в правительстве. Может быть, норвежское правительство проявит самостоятельность в вопросе о съезде российской социал-демократической партии и не последует примеру Швеции? Стоит попытаться!

На другое утро, 6 мая из Мальмё была послана телеграмма в Осло руководству норвежской социал-демократической партии за подписью Ленина.

Будучи в Осло в начале 1967 года, я пытался найти эту телеграмму в архиве рабочего движения, но мне сказали, что она, к сожалению, уничтожена вместе с другими документами в годы гитлеровской оккупации.

О том, что произошло в норвежской столице после получения ленинской телеграммы, пишет в своей книге «Жизнь в борьбе» Адам Эгед-Ниссен. Он рассказывает, как датский министр юстиции Альберт запретил от имени правительства проведение съезда в Дании и как шведские власти тоже потребовали, чтобы делегаты покинули территорию Швеции. Что было делать русским социал-демократам?

«Они телеграфировали тогда в Осло, надеясь, что новая, свободная Норвегия должна разрешить легальной российской политической партии провести съезд,— пишет Эгед-Ниссен.— Телеграмма была от Ленина и пришла председателю норвежской рабочей партии Оскару Ниссену. Вместе со мной, как депутатом стортинга, он обратился к министру иностранных дел Левланду. Тот ответил, что, по его мнению, никаких препятствий для этого нет, но лучше посоветоваться с министром юстиции Ботнером. Тот тоже сказал, что не знает никакого параграфа закона, который запрещал бы проведение подобного съезда в Норвегии. Решили в 5 часов вечера собрать заседание правительства и обсудить этот вопрос. Мы предварительно телеграфировали русским о наших переговорах и первых обнадеживающих высказываниях членов правительства. Тем более были понятны наши боль и негодование, когда мы после заседания правительства получили сообщение, что в просьбе отказано. «Обе же наших соседних страны отказали» — такую убогую причину выставило правительство»¹².

Эгед-Ниссен возвратил правительству в знак протеста медаль, полученную им в память отделения от Швеции в день 7 июня 1905 года. В письме он писал:

«Норвежскому правительству. Позиция правительства во время арестов русской литературы в Варде была попранием свободы. Но поведение правительства вчера, отказавшего русским социал-демократам провести здесь съезд, было ещё большим попранием прав человека. Норвежское правительство беззастенчиво участвует в преследовании русских борцов за свободу. Мы выйдем, таким образом, все глубже и глубже в болото зависимости. 7 июня 1905 года, дата, которая должна была быть шагом к укреплению свободы, стала началом убожества и зависимости. Я не желаю поэтому иметь какой-либо памяги о 7 июня и посылаю обратно полученную в свое время медаль»¹³.

Через несколько дней в Осло состоялся большой митинг протеста рабочих, на котором Эгед-Ниссен рассказал о позор-

ной роли норвежского правительства, не разрешившего провести съезд в стране.

С протестами выступили и трудящиеся Швеции. Социал-демократическая печать с гневом писала о сговоре шведского правительства с царизмом, о грубейшем нарушении правительством элементарных прав и свобод человека в угоду российскому самодержавию. В газете «Арбетаребладет» выступил со статьей против действий правительства видный деятель шведской социал-демократической партии Монссон¹⁴.

Между тем в Мальмё делегаты съезда, узнав, что путь в Норвегию тоже закрыт, решили перенести съезд в Лондон. В 6 часов вечера на пароме «Эресунд» выехали снова в Копенгаген, чтобы оттуда проехать поездом в Ютландию, к лондонскому пароходу. Через полтора часа делегаты были в Копенгагене¹⁵. Датская полиция вновь предупредила, что срок пребывания в стране кончается в полдень 7 мая. Основная масса делегатов ехала поездом через Данию. Газета «Сосиал-демократен» сообщает, что русские выехали из Копенгагена 6—7 мая, направляясь в город Эсбьерг в западной Ютландии¹⁶.

Правая печать Дании организовала в эти дни на своих страницах травлю русских социал-демократов, призывая правительство к «решительным мерам» и угрожая «неприятностями с официальной Россией». По-другому отнесся к пребыванию в стране русских революционеров трудовой народ Дании. Поезда, в которых ехали делегаты съезда, на станциях встречали многочисленные делегации рабочих. В Коллинге рабочие пришли к поезду с красными знаменами и лозунгами международной пролетарской солидарности¹⁷. Тепло встретили русских социал-демократов трудящиеся портового города Эсбьерг.

8 мая в половине шестого вечера около 180 делегатов отплыло из Эсбьерга в Лондон. На набережной собралось несколько тысяч рабочих. Звучали русские революционные песни. Вот трап убран. Пароход развернулся и взял курс на Англию. Долго еще махали на прощанье оставшиеся на берегу. Трудовая Дания провожала своих товарищей.

В правительствах скандинавских «демократий» потирали руки, ожидая благодарности российского самодержавия. И оно не заставило себя ждать. В архиве шведского МИДа сохранилась телеграмма царского министра иностранных дел, посланная из Петербурга 28 апреля (11 мая) 1907 года:

«Быстрые и энергичные меры королевского правительства Швеции, предпринятые в ответ на попытку русских социали-

стов собраться в Мальмё, встречены императорским правительством с искренней признательностью. Припишем нашу благодарность.

Иэвольский»¹⁸.

Вероятно, подобные телеграммы были получены также в Копенгагене и Осло.

В. И. Ленин вместе с другими делегатами пересек пролив вечером 6 мая на пароме «Эресунд» и прибыл в Копенгаген. Но он не поехал поездом на Эсбьерг, его не было на пароходе, увезшем в Лондон большинство делегатов. Очевидцы рассказывали, что Владимир Ильич выехал из Копенгагена в Берлин, и уже оттуда через несколько дней добрался до Лондона.

Царская охранка тщательно следила за каждым шагом В. И. Ленина. В Финляндии во всех портах дежурили жандармские офицеры, получившие строгий приказ арестовать при первом появлении В. И. Ленина и других делегатов съезда. Но не вышло. Финские друзья так сумели организовать проверку паспортов прибывших на одном из пароходов делегатов, что ни один из них не попал в руки жандармов¹⁹.

Благополучно возвратился в Куоккала и Владимир Ильич.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Письмо Министерства юстиции Дании № 2526 от 16.05.1906.

² "Socialdemokraten", 16. 04. 1907.

³ Erkki Salomaa. Viaporin kapina, Helsinki, 1965, s. 41.

⁴ "Socialdemokraten", 8. 05. 1907.

⁵ "Hängö", 4. 05. 1907.

⁶ М. Лядов. Из жизни партии в 1903—1907 годах. М., Госполитиздат, 1956, стр. 202.

⁷ "Socialdemokraten", 7.05.1907.

⁸ "Berlingske tidende", 6. 05. 1907.

⁹ Архив МИДа Швеции. 55-G-10, s. 2.

¹⁰ М. Лядов. Из жизни партии в 1903—1907 годах, стр. 203.

¹¹ Там же, стр. 204—206.

¹² A. Egede-Nissen. Ett liv i strid, Oslo, 1945, s. 107—108.

¹³ Там же, стр. 108.

¹⁴ "Arbetarebladet", 8. 05. 1907.

¹⁵ "Socialdemokraten", 7. 05. 1907.

¹⁶ Там же, 8.05.1907.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Архив МИДа Швеции. 55-G-10, s. 1.

¹⁹ General Bruno Jalanders minnen. Tammerfors, 1932, s. 135.

ПО СЛЕДАМ «ДОКТОРА МЮЛЛЕРА»

Широко известен трагический эпизод из жизни Владимира Ильича, когда он, спасаясь от царских ищек, в декабре 1907 года пробирался по только что замерзшим проливам между островами возле финского города Турку, стремясь попасть на пароход, который доставил бы его в Стокгольм. В одном месте лед обломился, и Ленин чуть не утонул. «Эх, как глупо приходится погибать», — подумал в тот миг Владимир Ильич¹. В материалах о пребывании Владимира Ильича на островах немало противоречий в деталях описания маршрута, разночтений в названиях островов и фамилиях его проводников.

А почему бы не пройти тем путем, которым прошел Ленин и на месте не уточнить все подробности?

Первый раз я прошел по ленинскому маршруту в январе 1966 года, а затем — еще дважды. Каждый раз находил что-то новое, уточнял какую-нибудь ранее не замеченную деталь.

Но сначала — о политической обстановке того времени, когда на крестьянских хуторах возле Турку жил Ленин.

После поражения революции 1905 года наступила пора

жестокой реакции. Царское правительство усилило репрессии, направляя главные удары против профессиональных революционеров. Большевики-подпольщики работали с огромным риском. В 1906—1907 годах и Финляндия уже стала небезопасным местом. Летом 1907 года в Куоккала были арестованы и выданы царским властям учащиеся большевистской школы подрывников².

Затем аресты следовали один за другим. А Владимир Ильич жил в это время в Куоккала, и не просто жил, а руководил партией, проводил совещания, редактировал издававшуюся в Выборге газету «Пролетарий» — словом, вел жизнь профессионального революционера. К осени 1907 года над ним нависла серьезная опасность ареста, и он переехал в другое место, в пригород Хельсинки Оулункюля (Огльбю), где поселился в пансионе «Гердобакка», который принадлежал двум сестрам Винстен.

«Ильича товарищи отправили в глубь Финляндии, он жил в то время в Огльбю (небольшая станция около Гельсингфорса) у каких-то двух сестер финнок, — вспоминала Н. К. Крупская. — Чужим чувствовал он себя в изумительно чистой и холодной, по-фински уютной, с кружевными занавесочками комнате, где все стояло на своем месте, где за стеною все время шел смех, игра на рояле и болтовня на финском языке. Ильич писал целыми днями свою работу по аграрному вопросу, тщательно обдумывая опыт пережитой революции. Часами ходил из угла в угол на цыпочках, чтобы не беспокоить хозяек»³.

Финский писатель В. Арти жил позднее в этом пансионе и рассказывал, что хозяйки, барышни Винстен, сообщили ему, как позднее по фотографиям они признали в своем жилье 1907 года Ленина. Он разговаривал с ними на немецком языке и носил немецкую фамилию, несмотря на то, что когда его рекомендовали в пансионат, то говорили, что он скрывается от русских жандармов. Гость был спокойным человеком, он большую часть времени проводил у себя в комнате и что-то писал. Хозяйки почти не видели его, встречались с ним только во время еды, но и тогда он говорил мало⁴.

Но Ленин не был так спокоен, как это казалось его хозяйкам. Он заметил, что за пансионатом установлена слежка. Филеры не спускали с дома глаз. Нужно было немедленно уходить. Владимир Ильич решил уехать за границу.

Шпики ходили за ним по пятам. В. М. Смирнов рассказывал, что однажды, в декабре 1907 года, незадолго до отъезда из

Финляндии Ленин проводил на квартире Смирнова важное совещание. После того как все уже разошлись, на квартиру появился какой-то подозрительный субъект и пытался пройти в комнату, где проходило совещание. Смирнову с трудом удалось его выпроводить⁵.

«Я помню еще отчетливо то тяжелое чувство, которое я испытывал, когда В. И. в конце 1907 г. сообщил мне, что он вынужден перенести печатание «Пролетария» из Финляндии, и в частности Выборга, за границу и снова эмигрировать из России. В связи с предстоявшим тогда отъездом В. И. я обратился по телефону на условном, «эзоповском» языке к тов. Боргу в Або,— писал В. М. Смирнов.— Он в декабре 1907 г. организовал конспиративный отъезд Владимира Ильича в Швецию»⁶.

Ленин сел в поезд на Турку. На вокзале в этом портовом городе его должны были встретить сыновья Вальтера Борга. Им сообщили приметы пассажира: он должен быть одетым в пальто с каракулевым воротником, в руках иметь маленький коричневый чемодан и газету «Хувудстадсбладет».

Борг вместе с другим социал-демократом Сантери Нуортева разработал подробный план переправки Владимира Ильича в Швецию. Ввиду того что в порту Турку контроль за посадкой пассажиров практически взяли в свои руки жандармы, решено было не рисковать и пойти по пути, которым пользовались «активисты» для переправки за границу своих людей: через острова Парайнен (Паргас), лежащие возле Турку. В качестве проводника было решено привлечь молодого социал-демократа Людвиг Линдстрёма, который хорошо знал людей на тайном пути «активистов».

Борг был в хороших отношениях с пароходной компанией «Боре» и капитанами пароходов. Ему удалось договориться, что они возьмут пассажира на борт на обычном месте. И капитану, и экипажу корабля было не впервой останавливаться ночью у островов и брать на борт пассажиров.

Все было готово. Но ночью сыновья Борга вернулись со станции без гостя. Среди приехавших пассажиров они не видели мужчины в пальто с каракулевым воротником, с коричневым чемоданом и газетой в руках. Что-то случилось. Но что?

Поздно ночью в окно дома Борга раздался стук. Борг открыл дверь и увидел Ленина. Он сильно замерз. Жена Борга Ида Ояла заставила гостя, как он ни отказывался, выпить рюмку коньяку и поставила на плиту молоко. «Горячее молоко хорошо

против простуды». Затем хозяйка настояла, чтобы гость растер замерзшие руки и ноги спиртом. Тем временем Борг позвонил Нуортева, и тот вскоре пришел.

Ленин рассказал, почему он не приехал поездом в Турку. В поезде он заметил за собой слежку. Те же филеры, что крутились возле дачи в Оулункюля. На станции Карис Ленин вышел в буфет. Шпики не отставали от него ни на шаг. Один сел за соседний столик, другой сторожил у двери. Ясно, что они знали, за кем следят, и получили строгий наказ не спускать с него глаз. Видимо, в Турку Ленина должны были арестовать.

Нужно было оторваться от «хвоста». И Ленин решил спрыгнуть с поезда у последней станции перед Турку. Так и сделал. Вышел в тамбур и ждал, когда тронется поезд, затем прыгнул. Попал в сугроб, ноги и руки были целы. Подождал, пока красный огонек последнего вагона не скрылся вдали. С поезда больше никто не спрыгнул. Значит, шпики не решились рисковать жизнью и остались в вагоне. То-то, наверное, был им нагоний, когда они приехали в Турку!

Ленин пошел пешком со станции в город. В Турку едва нашел дом, в котором жил Борг. Теперь он хотел немедленно ехать дальше. Шпики, следившие за ним, поднимут тревогу. Возможно, уже сейчас по улицам шныряют патрули. Возможны обыски и облавы. Зачем подводить друзей? Лучше убраться побыстрее в более безопасное место. Как ни уговаривали его Борг и Нуортева переночевать и отдохнуть, Ленин был непреклонен. Надо немедленно ехать дальше!

Разбудили Людвиг Линдстрёма. Тот тоже пытался отговорить Ленина ехать в темь и холод на острова, где свищет пронзительный ветер, но напрасно:

— Если вы не сможете провести меня тем путем, каким думали, то я отправлюсь пешком на север и где-нибудь около Раума переберусь через Ботнический залив,— заявил Ленин Линдстрёму⁷. Тот возразил, что залив в районе Раума еще не затянулся льдом. Тогда Ленин сказал, что дойдет пешком хоть до Торнео. Ему приходилось совершать длительные пешие переходы⁸.

Линдстрём пошел к знакомому хозяину постоянного двора, разбудил его и объяснил, что нужна немедленно лошадь, чтобы отвезти в местечко Паргас немца, доктора Мюллера, который прибыл для исследований месторождений известняка. Доктор очень спешит, ибо должен вернуться в Турку к пароходу на следующий день.

Вскоре лошадь была готова. Ленин в сопровождении Линдстрёма и возницы выехал на телеге из Турку, надеясь завтра попасть на стокгольмский пароход...

Перелистывая гельсингфоргскую газету «Хувудстадсбладет», я увидел в номере за 9 февраля 1908 года отчет о заседании Государственной думы. Октябрист Л. В. Половцев говорил на этом заседании, что «Финляндия стала местом сбора русских революционеров», и приводил свежий пример, когда посланный в Финляндию агент, «чтобы выследить и схватить чрезвычайно опасного революционера», остался ни с чем, так как финны предупредили этого революционера, и он скрылся. Не о Ленине ли шла речь?

Естественно, прежде всего я поехал в Оулункюля искать дачу сестер Винстен. Долго мы кружили по пригородам Хельсинки, пока нашли то, что искали. Наконец, мой провожатый, урожденный хельсинец, указал в сторону:

— Это здесь! Меня сюда водила Сьюльви-Кюллики Кильпи.

Мы поднялись по замшелой лестнице на высокий холм, нависший над шоссе. На нем кучкой берез скромно загордилась от большой дороги ничем не приметная старенькая дача с мансардой, с высоким крыльцом на подгнивших, покосившихся столбах. Возле крыльца по-домашнему сохло на веревке белье, за углом малыш под наблюдением мамы катил свою коляску.

— Дача «Гердобакка», где жил Ленин,— тихо сказал мой спутник.

Я осмотрелся вокруг. Полуразвалившиеся ступени лестницы, по которым мы поднялись от дороги, кажется, не ремонтировались с тех лет. Да и дача, как видно, не перестраивалась.

Шестьдесят лет тому назад, здесь, вероятно, было тихо и спокойно. А ныне разросшийся город захватил в свою орбиту и этот идиллический уголок. Внизу по шоссе непрерывным потоком несутся машины. Воздух стал уже не дачный, а обычный городской, густо насыщенный бензином и пылью.

Мы вошли по скрипящим ступенькам на крыльцо, прошли по комнатам, которые нам открыла гостеприимная хозяйка. Думая, что мы хотим переселиться на дачу, она предупредила:

— Сносить скоро будут это здание. Современные жилые дома будут на холме стоять.

Жаль, что здание будет снесено. Мы сфотографировали на память дачу, попрощались с хозяйкой и поехали к станции Карис. Она расположена на полпути по дороге от Хельсинки в Ханко.

Небольшой поселок прилепился на горке. Внизу, у перекинутого над путями пешеходного моста стоит одноэтажное здание железнодорожного вокзала Карис. Это деревянный дом, обшитый тесом. Заложу в комнату дежурного по станции:

— Вы не скажете, когда было построено здание вокзала?

Дежурный начал сразу же звонить куда-то по телефону. Потом повернулся и ответил:

— В 1902-м.

Значит, именно в это здание заходил декабрьским вечером 1907 года Ленин!

Ступени из красного финского гранита ведут в буфет. Большой зал, вдоль которого идут два ряда столиков. Длинная стойка вдоль стены. Вполне вероятно, что где-то здесь, за одним из столов пил кофе Ленин. Отсюда через окно хорошо виден перрон. У двери, вон там, за тем столиком, наверно, сидел сыщик, следивший за Лениным.

К станции подходит поезд из Хельсинки. Короткая остановка — и он трогается. Мимо окон бегут вагоны дачного типа. Через три часа поезд будет в Турку.

Отправляюсь в Турку и я.

Широко раскинулся он на холмах, оживленный и многоязыкий, как все портовые города. Гавань связывает его с внешним миром, железная дорога и отличные шоссе — со страной. По дороге в порт вы увидите старинный замок, свидетельство того, что Турку — один из старейших в ряду городов Финляндии, долгое время был столицей страны. В центре и на окраинах растут новые дома.

В редакции коммунистической газеты «Ууси пайве», где коллеги-журналисты обещали помощь, меня приветливо встречает давний знакомый, секретарь редакции, старый коммунист Вильо Лейно. Он говорит по-русски.

— Сейчас должен подойти секретарь отделения Общества дружбы «Финляндия — Советский Союз» Юрма Валтакари, — сказал он мне, пожимая руку. — Вместе и обсудим план поездки.

Вскоре пришел Валтакари. Это был пожилой, энергичный человек. Он сразу же начал куда-то звонить, предупреждая о прибытии советского журналиста, договариваясь о встречах. Затем спросил меня:

— Вы знаете, что здесь живет сын Линдстрёма? Хотите с ним поговорить?

Конечно, я хотел встретиться с Линдстрёмом! Университет-

ская улица в центре города. Бросающаяся в глаза неоновая реклама страховой компании «Сампо».

— Линдстрём? — переспрашивает вахтер. — Я ему скажу, он сейчас выйдет.

Мы усаживаемся в коридоре на скамейку. К нам подходит худощавый седой старик. Это Лоренс Линдстрём, сын того Линдстрёма, служащий компании «Сампо». Он охотно согласился рассказать, что знал. К сожалению, многого он сообщить не мог. В ту ночь, когда его отец был разбужен, чтобы сопровождать Ленина, ему было всего четыре года, и он мирно спал. Только потом отец рассказывал ему, какой гость был у них.

Отец его, Людвиг Линдстрём, умер в декабре 1953 года в возрасте 73 лет. После него, по словам сына, остались какие-то бумаги, но разобрать их у него никак не доходят руки. Линдстрём-отец писал, что Ленин присылал ему после поездки по шхерам два письма из-за границы. Может быть, эти письма лежат в неразобранном архиве?

— Я слышал, что Ленин писал отцу, — говорит Линдстрём, — но писем этих я не видел.

Он обещал разобрать отцовский архив и сообщить, если найдет что-нибудь интересное. Позднее я дважды письмами напоминал ему о его обещании. Но Линдстрёму пока так и не удалось обнаружить в переписке отца что-либо, непосредственно связанное с Лениным.

— Ленин прыгнул с поезда у станции Литтойнен. Это километров десять от города. Оттуда начнем и мы, — сказал Юрма Валтакари.

Асфальтированная дорога ведет от Турку на восток. Долго тянутся одноэтажные домики пригорода, а затем начинается редкий сосновый бор.

— Вот здесь шел Ленин, — рассказывает Валтакари, — только асфальта тогда не было, пришлось ему шагать по замерзшей колее и по льду. Не было тогда и предместьев. Лес прямо подступал к городу. Идти темной ночью одному десять километров по незнакомой лесной дороге — далеко не каждый способен на такое...

Из-за леса показывается небольшое деревянное здание железнодорожной станции. На стене дощечка «Литтойнен». В пустом зале ожидания стоит несколько деревянных скамеек.

— Когда было построено здание станции? — спрашивает Юрма Валтакари через окошечко у девушки-железнодорожницы, сидящей в служебной комнате.

Оказалось, что вокзал построен в 1898 году. С тех пор его, правда, несколько раз ремонтировали, но здание сохранилось.

Мы прошли на перрон. В какой-нибудь сотне метров от этого самого домика, полузанесенного снегом, спрыгнул морозной декабрьской ночью с подножки вагона Владимир Ильич! Кругом — ни души, не видно никаких строений. Сразу за вокзалом начинается лес.

Сосновый лес подступает к железной дороге и с другой стороны. Как мог ориентироваться Владимир Ильич здесь ночью? Единственным человеком, у кого он мог спросить дорогу в Турку, был дежурный по станции. Но вряд ли он стал бы рисковать и обращаться к официальному лицу. Может быть, на его счастье на полустанке Литтойнен сошел кто-нибудь и указал Ленину, как найти дорогу?

Мы приехали сюда ясным, морозным январским днем. Станция и лес утопали в снегу. От вокзала я не мог разглядеть на другой стороне железнодорожных путей дорогу, ведущую в Турку. Ее скрывали деревья и сугробы. Если Владимиру Ильичу никто не показал ночью дорогу, то ему пришлось искать ее на ощупь, ежесекундно проваливаясь по пояс в снег. Прав Юрма Валтакари: не каждый способен на такое...

Куда Ленин пришел этой ночью, оставив позади Литтойнен и темную лесную дорогу? Где жил Вальтер Борг в 1907 году в Турку? Я пытался выяснить это, расспрашивая старожилов в городе, но никто не помнил. Тогда решил обратиться в городскую библиотеку, спросил, нет ли адресной книги жителей Турку за 1906 или 1907 год. После часа поисков в подвалах мне принесли несколько книжечек. Это были адресные книги Турку за ряд лет.

В книжечке за 1906—1907 годы нахожу: «Борг В., юрист, Пуутархакату (Тредсгордсгатан), дом 12. Телефон 608»⁹. В 1908 году он, уже торговый агент, живет по тому же адресу¹⁰. Значит, именно по телефону 608 звонил Смирнов в Турку в декабре 1907 года, предупреждая инсказательно Борга о прибытии Ленина, именно этот адрес имел Владимир Ильич, когда ночью разыскивал в Турку нужный дом. Сюда пришел он замерзший и усталый.

В адресной книге за 1906—1907 годы не оказалось фамилии Людвиг Линдстрёма. В 1908 году он проживал на Арсенинка-ту, 22¹¹. Это далеко от вокзала, в другом конце города, за рекой Аурой. Адреса Нуортева я совсем не нашел. Возможно, что он постоянно жил в это время в Хельсинки.

Что касается Линдстрёма, то он писал в 1924 году в газете «Обу ундереттельсер», что Ленин сначала пришел к нему на улицу Пуолалагатан¹². Такая улица есть, она расположена действительно недалеко от вокзала и дома, в котором жил Борг. Но большинство очевидцев рассказывают, что Ленин пришел к Боргу. Заходили ли они потом к Линдстрёму или вызвали его по телефону — неизвестно. Линдстрём утверждает, что Ленина встречал он один и совсем не называет имен Борга и Нуортева. Но об этом я расскажу более подробно потом. А сейчас главное — адрес Борга установлен, нужно посмотреть, цел ли этот дом.

Честно говоря, я не надеялся, что дом сохранился. Я слышал, что его сожгли в 1918 году шюцкоровцы-белофинны. Кроме того, в Турку идет большое строительство. Старые дома сносят, на их месте строят современные, многоэтажные. Но все же решил проверить.

Иду по улице Тредсгордсгатан. Справа современные домины этажей в двенадцать, занимающие по потквартала. «Ну, — думаю, — снесли дом Борга». Нет, слева островок старых зданий. На сером двухэтажном доме табличка «12». Дом с башенкой, с вычурной лепкой вокруг окон. Если верить рассказам, что Ленин бросал в окно снежком, то значит, Борг жил на втором этаже, ибо до окон первого этажа легко можно дотянуться рукой.

Рядом под номером 12 стоит еще один старый дом, крытый тесом, одноэтажный. Для того чтобы постучать в его окно, достаточно протянуть руку. Так что, полагаю, дом, в котором жил Вальтер Борг, — первый, на углу, каменный. Вероятнее всего, именно здесь останавливался в этот раз на несколько часов Владимир Ильич. Отсюда началась его поездка через шхеры Парайнен, во время которой он чуть не погиб.

Итак, Линдстрёму удалось найти лошадь и кучера, и они с Лениным выехали под утро из города. Мы с Валтакари и Вильо Лейно решили поехать по той же дороге на Паргас. Снег серебрился под лучами январского солнца, мороз пощипывал щеки. Холод был, наверно, такой же, как и в ту декабрьскую ночь.

В качестве путевого проводника мы имели с собой номер журнала Общества финляндско-советской дружбы «Контакт», в котором были опубликованы воспоминания Линдстрёма о его поездке с

Лениным по шхерам. Линдстрём живо и обстоятельно рассказывает о малейших деталях пути:

«Ночью было очень холодно. Уже после полудня термометр показывал 16 градусов, а к вечеру мороз еще усилился. В начале декабря выпало много снега, и был уже прекрасный санный путь, однако за последние дни оттепель с дождем уничтожила зимнюю дорогу, местами обнажилась земля, а когда мороз ударил снова, оставшая часть дороги покрылась скользким льдом. В этих условиях телега была единственным пригодным экипажем. В ночной тишине мы прогрохотали через город и выехали на дорогу, ведущую в Паргас. Без особых приключений, если не считать постоянно грозившей нам опасности перевернуться на обледеневшей дороге в канаву, мы прибыли в Кустёсунд. Мне удалось разбудить паромщика, который жил на другой стороне пролива. Несколько удивленный тем, что мы прибыли так поздно, а вернее так рано, он перевез нас, и мы продолжили наш путь. Когда мы прибыли к широкому проливу между Кустё и Паргасом, то увидели, что пролив далеко, насколько хватало глаз, был покрыт гладким льдом. Так как конечным пунктом первого этапа нашей поездки я выбрал постоянный двор, который находился на самом берегу острова Кирьяла, повозку я отпустил обратно в Турку.

Постоялый двор на Кирьяла содержал тогда владелец Норргордской усадьбы в селе Кирьяла, крестьянин... Его звали Фредрикссон, и у него были два взрослых сына: Карл и Вильгельм, которые спасли многих политических беженцев от когтей русской жандармерии.

Обыкновенно паромщиков будили из Кустё звоном колокола, который висел на столбе у крутого спуска к воде. Я потянул за веревку, и звон разнесся далеко над спящими берегами. Никакого ответа. Я потянул за веревку еще раз и звонил долго, пока наконец не услышал в ответ громкое: «Алло, кто там?» Я крикнул свое имя... Карл ответил, что мы должны подождать на берегу, куда они придут, чтобы перевести нас. Через несколько минут мы увидели братьев, которые шли по льду, все время проверяя его прочность шестами. Когда они подошли и мы поздоровались, они повернулись и пошли на другой берег. Мы шли гуськом. Время от времени чувствовалось, как лед трещит и прогибается под нами, но мы без каких-либо происшествий снова ступили на твердую землю.

На постоялом дворе нас встретил дядя Фредрикссон, бодрствующий и одетый, несмотря на необычное время. Я предста-

вил моего спутника... Фредрикссон сказал Ленину: «Дорогой друг, здесь ты можешь спать спокойно».

...На постоялом дворе в зимнее время была только одна отапливаемая комната. В ней мы и улеглись.

Я предполагал на другой день продолжить нашу поездку. Ее детали я хотел обсудить с моим хорошим другом Карлом Янсоном, который заведовал торговым кооперативом в Паргас Мальмё. По плану Ленина нужно было перевезти на остров Лилль Мелё — один из самых западных населенных островов Паргаса, который отделяется от следующего островка Нагу длинным узким проливом Эрфьёрд. В Нагу у меня тоже был хороший товарищ, Чарлз Вилльберг, живший на хуторе в Проствике. Он участвовал в подобных перевозках раньше и, наверное, перевез бы Ленина с острова Лилль Мелё на трассу Турку — Стокгольм, которая проходит севернее Нагу.

Но когда я после завтрака сказал дяде Фредрикссону, что нужно ехать дальше, он решительно запротестовал. Для чего торопиться с поездкой? Гостю нужен покой и отдых, прежде чем он окажется в новых переделках. Кроме того, скоро должен пойти снег (это он заметил по своим суставам и по воде, которая еще продолжала ломать лед в проливе), и тогда мы сможем ехать на санях, вместо того чтобы ехать на телеге в мороз по скользкой дороге.

Ленин согласился со стариком и решил переждать в Кирьяла.

...В течение трех дней, что мы вместе провели на острове, у меня сложилось представление о Владимире Ленине, что он, несмотря на его строгую серьезность и страстный революционный энтузиазм, был сердечным и приветливым человеком, относившимся с большой симпатией к своим ближним. Я имел возможность наблюдать его искреннюю сердечность, когда он встречал маленьких детей»¹³.

Мы выехали из Турку не на телеге, а на редакционном «Москвиче». От трассы Турку — Хельсинки через восемь километров направо сворачивает асфальтированная дорога на Паргас. Вот и пролив Кистёсунд, через который Ленин и Линдстрём переправлялись на пароме. Мы проскакиваем его по мосту. Еще несколько минут езды, и с крутого поворота открывается вид на остров Кирьяла. Никакого столба, никакого колокола. Над проливом, который Владимир Ильич и Линдстрём в сопровождении братьев Фредрикссон переходили по льду, висит легкий мост. На другой стороне пролива, на горе, виднеются два

дома. Это и есть Норргорден, где шестьдесят лет тому назад был постоялый двор.

По дороге, круто выходящей вверх между сугробами, подъезжаем к домам. Один из них старый, бревенчатый, потемневший от времени, другой — новенький, обшитый крашеным тесом. Услышав шум подъехавшей машины, из дверей старого дома выглянула женщина.

— Анны Кронберг здесь нет? — спросил ее Валтакари. Женщина сказала, что Анна Кронберг живет в другом доме и указала в сторону синееющего вдаль соснового леса. По занесенной снегом тропинке мы гуськом пробрались к небольшой избушке. Постучали. Дверь открыла старушка в вязаном платке. Она, как видно, хлопотала по хозяйству и не ждала гостей. На кухне, весело треща дровами, топилась печь. Хозяйка пригласила нас в комнату, присела сама. Чтобы не отнимать времени, мы сразу приступили к делу, попросили рассказать, что она помнит о пребывании здесь в 1907 году Ленина. Старушка сразу оживилась.

— Я была тогда еще девочкой, — начала она свой рассказ. — Сейчас мне 75 лет, а в 1907 году было, никак, семнадцать. Я служила на постоялом дворе, убирала, готовила проезжим обеды и чай. Помню, как той ночью приехали постояльцы. Один из них, как мне сказывали, был немец, доктор Мюллер. Заняли они с Линдстрёмом маленькую комнатку и прожили два или три дня. Я им носила чай, готовила пищу. Тот, которого называли доктором Мюллером, был очень приветливым, любезным человеком. Как сейчас помню его улыбку, небольшие усы. Потом его увезли на лошади в Паргас, и больше я о нем ничего не слышала. Только много лет спустя из статьи Линдстрёма я узнала, что поила чаем самого Ленина.

— Ну, а как потом сложилась ваша судьба?

— Потом я вышла замуж за сына Фредрикссона, Карла. Один из моих сыновей, Пер Кронберг, сейчас владеет Норргорденом. Мужа и брата его, Вильгельма, которые тогда встречали Ленина, нет в живых.

— Извините, а почему вы Кронберг? Ведь ваш муж носил фамилию отца и был тоже Фредрикссон?

— Мой муж сменил фамилию, когда был матросом. Был в Дании, увидел красивый замок, вошел и решил сменить фамилию в честь его.

Она положила на стол старинный альбом. На первой странице, видимо еще Карлом, прикреплена фотография замка Кронберг в городе Хельсинё, знаменитого тем, что согласно

легендам в нем произошла трагедия, вдохновившая Шекспира на создание «Гамлета».

Но почему Карл сменил фамилию отца — ответить трудно. Может, преследовали его за помощь революционерам, и он хотел запутать судей и полицейских?

В альбоме хранятся фотографии сослуживцев Карла по флоту, храбрых матросов в бескозырках. Балтийский флот в революционные годы был пропитан бунтарским духом. Роман-тиком и революционером был и крестьянский сын Карл Фредрикссон-Кронберг.

Анна Кронберг разрешила мне скопировать из ее альбома фотографию тестя — Фредрикссона, который был в 1907 году хозяином Норргордена.

Мы вернулись назад, к двум домам основной усадьбы. Нам навстречу вышел хозяин, Пер Кронберг, 42-летний мужчина. Он, оказывается, не только работает на ферме (в Норргордене 20 гектаров пашни), но и ведет общественную работу в кооперативе, пишет статьи в местные сельскохозяйственные газеты. В его кабинете полки набиты книгами. Он подал мне старенькую записную книжку. Это оказался метеорологический дневник его деда. Фредрикссон пунктуально записывал каждый день температуру, осадки, погоду. Я нашел его записи за декабрь 1907 года, пытался по погоде определить, когда же был здесь Ленин. Как известно, Ленин выехал из Кирьяла, когда пошел снег. К сожалению, установить, какой это был день, я не смог.

Пер Кронберг является членом левого, «кекконеновского» крыла партии центра, которое придерживается дружественной к Советскому Союзу линии Паасикиви — Кекконена. В 1967 году он, внук крестьянина, у которого шестьдесят лет тому назад жил Ленин, был избран председателем островного отделения Общества дружбы «Финляндия — Советский Союз». Здание, которое было постоянным двором, он хочет превратить в музей, и одна комната в нем будет называться «Комнатой Ленина».

В Норргорден теперь приезжает много гостей, чтобы посетить ленинские места, и все они находят здесь радушный прием. В книге посетителей, заведенной хозяином, много теплых записей по-фински, по-шведски, по-немецки, по-английски, на самых разных языках. Есть и на русском.

Пер Кронберг познакомил нас с женой и с дочерью-ученицей. Затем мы прошли в старое здание постоялого двора, которое используется сейчас под разные хозяйственные нужды.

Из темного коридора сразу попадаешь в большую комнату

с некрашеным полом и низким потолком. Справа от двери много места занимает большая кирпичная печь с плитой. На ней готовили для постояльцев пищу и чай. Вдоль всей стены протянулась длинная толстая скамья, похожая на те, какие можно было видеть в старых русских крестьянских избах. На ней спали проезжие крестьяне. В углу висит старинный посудный шкаф.

Дверь из общей «людской» комнаты ведет в маленькую спальню. Здесь останавливались постояльцы «почище». В ней три дня жил Владимир Ильич. Обстановка в комнате, кажется, осталась с того времени. В углу круглая печка-голландка, у стены примостилась жесткая кровать, у окна — стол. В простенке висит старинный телефон, над ним — часы-ходики с гирей.

— Линдстрём пишет, что зимой топили только эту маленькую комнатку. Это правда?

Кронберг отрицательно качает головой:

— А как же большая комната? Здесь ведь тоже жили и готовили пищу.

Хозяин рассказал, что дом построен в 1858 году и пока серьезной перееделке не подвергался. Часть старой мебели, в том числе кровать, на которой, вероятно, спал Ленин, он передал в этнографический музей в местечке Шюттала. А остальное осталось пока так, как было.

Мы поблагодарили хозяев Норргордена и тронулись в путь. Смотрю, что пишет Линдстрём дальше:

«Только на третий день начался снегопад, предсказанный дядей Фредрикссоном. Начавшись утром, он усилился, и к полудню вся земля была уже покрыта снегом. Мы решили, что тронемся в путь в сумерках. Сердечно попрощались с нашим приветливым хозяином и вместе с его сыном Карлом, сидящим на козлах, отправились в Паргас.

Когда мы подъехали к крыльцу кооперативного магазина, было уже темно. Кооперативный магазин в Паргасе размещался в двух комнатах, одна из которых была и складом, и конторой, и жильем заведующего. Когда мы вошли в комнату, Янсон приветствовал нас. Я представил Ленина. Мы с Лениным сели на кровать, которая, после того как хозяин сел на стул у письменного стола, оставалась единственным местом, где можно было сидеть. Стали обсуждать план поездки до следующего пункта и обдумывать, где бы нанять лошадь в этот же вечер. Вдруг открылась дверь, и в дверь вошел местный полицейский Р. Он был в гражданской одежде. Янсон и я хорошо были с ним

знакомы. Он в сущности был сердечным, добродушным человеком...

Я позвал его в коридор и вкратце обрисовал ситуацию: «Я как раз думал позволить тебе, чтобы ты помог достать лошадь сегодня вечером для поездки в Лилль Мелё. Я не знаю, кто бы это смог лучше сделать», — сказал я ему.

Р. согласился помочь и сразу же пригласил нас к себе на чай. Ленин, узнав, с кем имеет дело, сказал, что в России полицейские и дворники считаются самыми верными и усердными слугами царизма. В Финляндии же полиция поддерживает революционеров. Народ, у которого даже полиция борется против насилия, не может быть поработанным.

Вскоре Р. прибыл с лошадью. Мы держали военный совет и пришли к выводу, что самым благоразумным будет, если Янсон и Р. проводят Ленина до Лилль Мелё, а я останусь. Мы быстро попрощались, и Ленин со своими провожатыми отправился в путь до Лилль Мелё¹⁴.

...Наш «Москвич» несется по заснеженной лесной дороге в Паргас. По этой дороге Ленин проехал из Кирьяла на санях. Вот и город, небольшой, в большинстве своем с одноэтажными домами.

Паргас (финны называют его Парайнен) является административным центром островного района. Здесь расположена кооперативная торговая кооперация «Андельсхандельн», которая на островах имеет свои магазины, склады и даже небольшие заводы. Неподалеку от города есть залежи известняков, а на их базе — завод по производству извести и минеральных удобрений.

Кооперативный магазин расположен в старом деревянном доме. Заходим. На полках разложены товары, продавец выжидающе смотрит, что нам нужно. Мы спрашиваем заведующего. Выходит заведующий, он же председатель кооператива, Рагнер Андерссон, высокий седой мужчина. Он просит нас зайти во внутреннюю комнату, в которой некогда жил его предшественник Янсон. Сейчас здесь склад товаров.

— Вот здесь стояла кровать, на которой сидел Ленин, когда вошел полицейский Вальтер Руде, — рассказывает Андерссон.

— А откуда вы знаете, что это был Руде? — спрашиваю я. — Линдстрём, правда, обозначил фамилию полицейского буквой «Р», но некоторые считают, что полицейского звали Виктор Карлссон.

— Я был маленьким тогда, но помню, что Карлссон не пользовался уважением. Он был, что называется, верным букве за-

кона. Руде — другое дело. Он нередко помогал революционерам.

О том, что Ленину помогал именно Вальтер Руде, мне уже говорили Анна Кронберг, 72-летний крестьянин Сванстрём из хутора Эстербю, а также Юрма Валтакари, уроженец здешних мест.

Мы покидаем Паргас. Я опять берусь за журнал со статьей Линдстрёма. Что он дальше пишет? Читаю:

«Под утро Янсон и Р. вернулись. Прогулка на санях прошла без приключений. «Доктора Мюллера» очень гостеприимно встретили на одном из хуторов в Лилль Мелё... Утром я позвонил в Проствик помещику Вилльбергу, который обещал мне отвезти Ленина из Лилль Мелё к стокгольмскому пароходу. Сам я с оказией отправился в Турку.

Для меня, таким образом, приключение окончилось, но оно не окончилось для Ленина. На следующий день мне позвонил Вилльберг и сообщил неприятную новость, что ветер взломал лед на Эрфьёрде и что ни на лодке, ни пешком невозможно попасть в Лилль Мелё до тех пор, пока идет лед... Дни шли. Наступило рождество. В этот день мне позвонил Вилльберг и сказал, что ледоход понемногу прекращается. Он надеется, что вскоре можно попытаться переплыть проливы на лодке... Уже на следующий день Вилльбергу удалось пробраться на лодке между льдами и в тот же самый вечер Ленин благополучно поднялся на борт стокгольмского парохода. Его одиссея через шхеры благополучно завершилась.

Из Копенгагена Ленин прислал мне большое письмо, в котором, между прочим, описал свое пребывание в Лилль Мелё, а несколько позже я получил другое, с Капри. На этом моя связь с Ленинным оборвалась...»¹⁵

Я не знал тогда, что рассказ Линдстрёма о последнем этапе пути Ленина по островам и о роли помещика Вилльберга, мягко говоря, не точен. Лишь позднее мне удалось установить истину. Но об этом — дальше.

Надо ехать на остров Лилль Мелё. Валтакари говорит, что он знает хутор, в котором жил Ленин. Он расположен у самого пролива Эрфьёрд. Снова узкая лесная дорога. Навстречу то и дело попадают лесовозы. Вскоре справа от дороги на высоком холме показался крашеный охрой дом. Это хутор Вестергорден. Поднимаемся мимо скотного двора к жилому дому. Дверь открывает молодой человек.

— Стен Бергман, — знакомится он с нами. Стен живет здесь

с женой Эрдис и тремя маленькими детьми. У него шестнадцать гектаров пашни и около ста гектаров леса. На ферме шесть коров и два теленка.

Как рассказал Стен, его дом был построен в 1861—1863 годах. Позднее подвергался небольшому ремонту. В 1907 году, когда в Вестергордене несколько дней провел Ленин, хозяином был его дядя Гидеон Сёдерхольм.

Стен отлучился из большой комнаты на минутку и принес портреты Сёдерхольма и его жены, принимавших в декабре 1907 года «доктора Мюллера». Затем он провел нас в комнатку, где жил Ленин. Она очень светлая, солнечная. Из окон далеко-далеко видны леса. Сейчас в этой комнате живут дети. Стен хранит старую кровать, оставшуюся, по его словам, с того времени. Он утверждает, что это именно та кровать, на которой спал Ленин.

Мы начали расспрашивать, каким путем мог попасть Владимир Ильич на стокгольмский пароход.

— Это отец лучше знает,— сказал Стен и, подойдя к микрофону на стене, крикнул: — Ты не спишь? Зайди к нам!

Отец, оказывается, живет в другом доме, в «доме стариков». Между домами установлен простейший телефон. Мы этот «дом стариков» снизу не заметили. Вероятно, он был скрыт горой.

Вошел крепкий старик с живыми серыми глазами. Это Улаф Бергман. Ему 82 года. В то время, когда Ленин был здесь, Улаф находился в плавании. Он старый моряк. Сам родом с соседнего хутора. Его сестра вышла замуж за Сёдерхольма. После смерти Сёдерхольма и его жены хутор перешел по наследству ему, а потом сыну, Стену.

— Как Ленин мог пройти к пароходу? Одну минуточку,— и старый Бергман скрылся в дверях. Вскоре он вернулся со старой картой островов Парайнен.

— Сёдерхольм и сестра мне рассказывали, как они принимали и провожали Ленина. Правда, тогда они не знали, кто он был. Лишь потом это им стало известно. Ленин обычно сидел в своей комнатке, что-то писал. Природа у нас здесь чудесная, воздух чистый. Он выходил на улицу и смотрел на пролив. Ленина застало здесь рождество. Его угощали по обычаю «шинкой», окороком.

Улаф Бергман развернул карту на столе:

— А что касается пути к пароходу, то это было так. Наш остров от соседнего острова Нагу отделяет пролив. Его Ленин перешел по льду. Лед был очень плохой. Ленина провожали с

шестами Гидеон Сёдерхольм и мой отец Сванте Бергман. Третий крестьянин по имени Вальстенс служил во флоте и немного знал английский язык. Время от времени он перекидывался с Лениным английскими фразами, предостерегая его.

На берегу острова Лилль Нагу, в местечке Проствик Ленина встретили. На сапях перевезли Ленина на другой остров Стур Нагу (Большой Нагу). Севернее его есть крошечный островок Кааслуото. Вблизи его и сейчас проходит трасса кораблей, которые ежедневно идут из Турку в Стокгольм. В то время, я это хорошо помню, именно здесь пароход «Боре» останавливался, чтобы подобрать пассажиров. Не знаю, как добрались до этого островка Ленин и его провожатые, пешком по льду или на лодке, но сестра на пароход они могли только здесь.

Мы прикинули по карте. Путь от Вестергордена до Кааслуото около шестнадцати километров. Если учесть, что была ночь, тонкий лед и полыньи, то можно себе представить, каким нелегким и опасным был путь. Я не стал говорить Улафу, что его рассказ немного не совпадает с тем, что писал Линдстрем. Тот говорил, что из Лилль Меле Ленин переправился на Нагу в лодке, Улаф — по льду. Но в сущности это уж не так важно. Кто-то мог перепутать. Ведь столько лет прошло.

Самое главное — это то, что финские крестьяне не боялись рисковать своей жизнью ради спасения другого человека. Они уж потом узнали, что это был вождь русских большевиков и большой человек, будущий глава Советского правительства. В Финляндии все от мала до велика знают, что независимость Финляндии в декабре 1917 года была предоставлена по инициативе Ленина. Не случайно память о его пребывании до сих пор благоговейно хранят в островных хуторах сыновья и внуки тех крестьян, которые, рискуя жизнью, помогали Ленину.

Потом я пытался установить, на каком поезде прибыл Владимир Ильич в Турку и на каком пароходе, какого числа он выехал в Стокгольм. Выяснить это у очевидцев невозможно, так как никто не мог запомнить точных дат. Однажды, будучи в Хельсинки, я попросил в университетской библиотеке вышедшую в Турку на шведском языке газету «Обу ундереттельсер» («Известия из Турку»). В номере за 20 декабря 1907 года есть сообщение, что вечером из Хельсинки прибыли два поезда: в 10 часов 50 минут и в 11 часов 50 минут¹⁶. Относительно первого поезда не указано, что он останавливался в Карис. Вто-

рой же шел через Карис — Сало. Такое сообщение газета дает каждый день на последней странице. Ежедневно в Турку прибывали из Хельсинки два поезда. Очевидцы рассказывали, что Ленин пришел в Турку поздней ночью. Вероятно, он ехал вторым поездом, прибывавшим в Турку в 23.50. В Литтойпене поезд был около 11 часов вечера. Ленин, прыгнув с вагона, шел до Турку не менее двух часов и, значит, разбудил Борга около половины второго ночи.

«Обу ундерретельсер» также регулярно публиковала объявления и информации о пароходах, идущих в Стокгольм. В эту зиму пароходы из Турку в Стокгольм шли три раза в неделю: по средам, пятницам и воскресеньям. В конце декабря (по новому стилю) в Стокгольм ушли следующие пароходы: в воскресенье 22 декабря «Боре-II»¹⁷, в среду 25 декабря — «Боре-I»¹⁸, в пятницу 27 декабря — «Боре-II»¹⁹ и в воскресенье 29 декабря — «Боре-I». Все пароходы отходили из порта Турку в одно и то же время — в 4 часа вечера и прибывали в Стокгольм на другое утро в 5—7 часов.

Ленин 28 декабря был уже в Стокгольме. В этот день он посетил первый раз Королевскую библиотеку в Стокгольме, о чем свидетельствует его подпись в книге посетителей, а также написал письмо одному из руководителей шведской социал-демократической партии, в котором сообщил, что уже договорился с Бергессоном о порядке транспортировки через Швецию писем и пакетов²⁰. Таким образом, последний пароход (29 декабря) отпадает. Остаются три: 22, 25 и 27 декабря.

В этой связи я хочу напомнить то место из рассказа Линдстрёма, в котором он говорит, что в рождество стало возможным пробраться с острова Нагу на Лилль Меле, а на другой день Ленин благополучно сел на пароход. То, что Владимир Ильич пробирался по льду на пароход именно в один из рождественских дней, подтверждают рассказы о сопровождавших его подвыпивших крестьянах.

Рождество празднуется в Швеции и Финляндии с сочельника, с 24 декабря. А на другой день, 25 декабря из Турку шел пароход «Боре-I». Ленин мог уехать именно на нем. Если пароход отходил из Турку в 4 часа вечера, то у острова Кааслуото он был приблизительно через час, или около пяти часов вечера. В эту пору в декабре в Финляндии сплошная темень. Вероятно, Владимир Ильич перешел через пролив на остров Нагу в первой половине дня, засветло, а потом уже продолжил путь.

В номере газеты «Обу ундерретельсер» за 22 декабря 1907

года есть заметка «Снежный шторм», в которой сообщалось, что 18 декабря у Аландских островов разразился снежный шторм, задержавший прибытие в Стокгольм парохода «Боре-I» на 9 часов²¹. Не тот ли это снегопад, о котором рассказывал Линдстрём, когда они жили два дня с Лениным в Кирьяла, выжидая санного пути?

Газета в этом же номере сообщает в заметке «Ранняя зима», что проливы между островами в этом году замерзли рано.

Итак, что же удалось узнать нового об этом эпизоде из жизни Владимира Ильича?

Удалось найти адрес дома Борга в Турку, установить маршрут поездки Ленина по островам и имена некоторых сопровождавших его финляндцев. Можно считать установленным день отъезда Ленина в Стокгольм — 25 декабря 1907 года. Сохранились некоторые здания, в которых Ленин бывал в Оулункюля, Карисе, Турку и на островах, часть мебели тех лет.

Но пока еще неизвестно, кто сопровождал Ленина в эту ночь на пароход, в каком месте он поднялся на борт корабля.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Воспоминания о В. И. Ленине, т. 1 М., 1968, стр. 325.

² Первая боевая организация большевиков. 1905—1907 гг. М., 1934, стр. 208—209.

³ Воспоминания о В. И. Ленине, т. 1, стр. 324.

⁴ "Ilta sanomat", 27. 12. 1950.

⁵ В. Смирнов. Из революционной истории Финляндии 1905, 1917, 1918 гг. Л., 1933, стр. 56.

⁶ Там же, стр. 69.

⁷ "Kontakt", 1947, № 2.

⁸ Там же.

⁹ Abo stads adress kalender 1906-1907, s. 102.

¹⁰ Abo adress kalender 1908, s. 43.

¹¹ Там же, стр. 235.

¹² "Abo underrättelser", 26. 01. 1924.

¹³ "Kontakt", 1947, № 2.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ "Abo underrättelser", 20. 12. 1907.

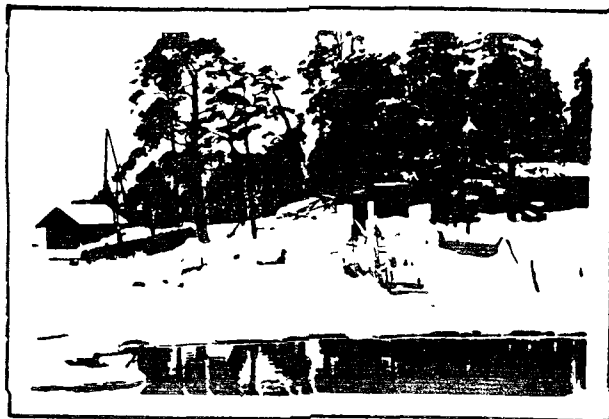
¹⁷ Там же, 21. 12. 1907.

¹⁸ Там же, 24. 12. 1907.

¹⁹ Там же.

²⁰ В. И. Ленин Полн. собр. соч., т. 47, стр. 117.

²¹ "Abo underrättelser", 22. 12. 1907.

Я почти полностью полагался на воспоминания Людвиг Линдстрёма, ибо он так живо, так подробно описал поездку с Лениным по пихерам, что в его рассказ трудно не поверить. Кроме того, Сюльви-Кюллики Кильпи говорила, что Линдстрём до преклонных лет сохранял удивительно ясную память, и это авторитетное свидетельство укрепило мою веру в достоверность рассказа, хотя кое-что смущало.

Но, как потом оказалось, далеко не все в его повествовании было точным. И не из-за пробелов в старческой памяти, а совсем по другим причинам.

В январе 1966 года, когда я ездил в первый раз по следам «доктора Мюллера» и был в Турку, Юрма Валтакари предложил мне зайти в дом престарелых. Там, по его словам, жила одна старая женщина, которая могла кое-что рассказать о пребывании Ленина в Нагу в декабре 1907 года.

Мы довольно долго кружили по заснеженным улицам города, пока нашли нужный дом. Наше появление привлекло внимание. Несколько старушек, разговаривавших в коридоре, не спускали

с нас глаз. Видимо, посетители здесь не часты. Валтакари, поздоровавшись, спросил, в какой комнате живет фрёкен Шёберг. Старушки ничем помочь не могли, хотя с видимым усилием пытались вспомнить, где же живет эта Шёберг. Наконец к нам вышла средних лет женщина в халате, дежурная няня. Она тоже не знала Шёберг. Мы уже хотели, извинившись, уйти, как няня подала мысль:

— Может, не Шёберг, а Шёхольм?

Мы закивали головами. Возможно.

Через несколько минут нас проводят в холл, где обитатели дома принимают гостей.

В холл входит на костылях седая женщина и вопросительно смотрит на нас. Знакомимся. Ее зовут Лидия Шёхольм. Ей 82 года. Нет, Ленина она не видала. Но ее сестра, живущая в Хельсинки, могла бы кое-что сообщить.

После общих разговоров фрёкен Шёхольм приглашает нас зайти в ее комнату, ибо адреса сестры у нее с собой нет.

Фрёкен сказала мне адрес, я поблагодарил, и мы с Валтакари уехали.

Потом из Стокгольма написал письмо по этому адресу. Шли дни, недели, а я не получал ответа, терпеливо ждал. Терпение в поиске необходимо: совсем не просто и не вдруг нападаешь на нужный материал. Но вот однажды почта приносит большой конверт с финской маркой. Незнакомый почерк, знакомое имя отправительницы: «Анна-Кайса Алхоярви, Хельсинки». Вскрываю конверт. Пишет племянница Лидии Шёхольм. Прочитую частично ее письмо:

«Я сама хотела писать Вам, но Ваше письмо моей матери опередило меня. Я изучаю государственное право в хельсинкском университете. Грета Лойола, которой Вы писали, — моя мать. Несколько дней тому назад мы с матерью были в Турку и посетили тетку Лидию Шёхольм. Мы узнали от нее, что у нее брали интервью. У нее немного закружилась голова от необычного события, и она забыла даже Вашу фамилию. Я пошла в Общество дружбы «Финляндия — СССР» и нашла Юрму Валтакари. Из его рассказа я поняла, что произошло недоразумение по поводу роли помещика Вилльберга в поездке Ленина. И я решила написать Вам письмо».

Далее Анна-Кайса рассказывает, что она в течение нескольких лет собирает материалы о тайном пути «активистов» через острова Парайнен и, в частности, о проезде Ленина этим путем. Интерес этот не случаен. Ее семья жила на острове Нагу, в

местечке Проствик, и дед Анны-Кайсы принимал участие в транспортировке людей, которым нужно было, скрываясь от преследований жандармов, сесть ночью на стокгольмский пароход. Именно он был проводником Ленина на последнем этапе пути. Научный руководитель студентки Алхоярви профессор Эсси Тельо дал ей задание — обобщить рассказы ее родственников в курсовой работе.

Сведения она получила от своих теток: Эльзы Андерссон, 77 лет, живущей в Турку, и Лидии Шёхольм, а также от матери. Их отец, Йохан Вильгельм Шёхольм, родился в 1856 году, был портным в Турку, а в первых годах XX века арендовал участок земли у помещика Чарлза Вилльберга на острове Нагу, возле Проствика, и жил там почти пятнадцать лет. Он принадлежал к партии активного сопротивления. Проствик был конечным этапом тайного пути «активистов» через шхеры, по которому они не только переправляли людей, но и транспортировали оружие и литературу.

Шёхольм возле Проствика построил дом, куда летом обычно, как на дачу, приезжали его знакомые из Турку. Сестры вспоминают, что в доме отца в 1904—1907 годах бывали Йоханнес Гуммерус, Вольтер Стенбек, Гогенталь, Сёдерхольм и другие известные «активисты». Приезжали также социал-демократы Людвиг Линдстрём и Вальтер Борг. Жители острова Нагу привыкли, что у Шёхольма всегда много гостей.

«Воспоминания о пребывании Ленина в Нагу очень неполны, — пишет Алхоярви. — Бабушка рассказывала, что это было во время рождества, и она варила «рождественскую кашу» для Ленина и что дедушка пытался с помощью словаря разговаривать с ним. Ленин в Проствике был недолго, Шёхольм проводил его к кораблю, капитан которого был посвящен в тайну. С Шёхольмом, возможно, был его сын Вильгельм, который в то время помогал отцу в его поездках.

Сын Шёхольма Вильгельм тоже был «активистом». В частности, он принимал участие в транспортировке оружия на корабле «Петер» из Любека в Финляндию. Позднее, чтобы не попасть в тюрьму, он эмигрировал в Америку, где был моряком. Вильгельм умер в США много лет тому назад. Эльза Андерссон, дочь Шёхольма, тогда также участвовала в движении сопротивления царизму. Активист Вольтер Стенбек поручил ей помогать русским беженцам, которые останавливались в доме № 19 на улице Петерсгатан в Хельсинки.

С 1907 года, когда деятельность «активистов» понемногу на-

чала стихать, Шёхольм стал симпатизировать социал-демократам. В частности, его другом продолжал оставаться Вальтер Борг. Анна-Кайса пишет, что в гражданскую войну судьба обоих сложилась трагически. Погибла вся семья Борга. Шёхольм был арестован немцами, которые высадили десант в помощь белым, и выслан в качестве пленного в Германию. Его младший сын Улуф умер в тюрьме в Экенесе. Дом Шёхольма в Проствике был сожжен. Сам Шёхольм, возвратившись из Германии в 1919 году совсем больным, умер через месяц. Он был похоронен за счет рабочего общества Турку.

По другому пути пошел Людвиг Линдстрём. Он оказался на другой стороне баррикад, в «добровольческом корпусе» белых.

Дочери Шёхольма рассказывали Анне-Кайсе, что Вилльберг едва ли мог быть проводником. Его никогда не видели в этой роли. Он был очень толстым, любил выпить, не умел ходить на лодке под парусами. Другое дело — Шёхольм, бывший прирожденным моряком и спасший немало людей от преследований царских властей. Почему же Линдстрём называет именно его имя? Потому, что длительное время Линдстрём не мог упомянуть имен людей, которые считались «красными». А Вилльберг был «чистым» в этом отношении.

Анна-Кайса писала, что рассказ Линдстрёма, опубликованный в 1946 году в газете «Альвсенск самлинг»¹ отличается от того, что он писал в 1924 году. И это наводит на мысль, что он позднее добавил в свой рассказ сведения о роли Вилльберга.

Должен признаться, что письмо студентки Альхоярви настоятельно меня: как-никак родного деда выдвигает на первый план. И в то же время, это письмо посеяло много раздумий. Я уже знал, что яркий, живой рассказ Людвиг Линдстрёма в самом его начале отклоняется от истины. Он приписывает всю заслугу в организации поездки Ленина себе. Ни словом не упоминает он ни о Смирнове, ни о Борге, ни о Нуортева. Но по книге Смирнова и опубликованным воспоминаниям Нуортева исследователям удалось установить истину: Смирнов звонил в Турку Боргу, сыновья Борга встречали Ленина на вокзале, Ленин пришел ночью к квартире Борга. (У Линдстрёма сказано, будто встречал Ленина он, и Ленин пришел на квартиру прямо к нему.)

Почему Линдстрём не сказал ни слова о Борге и Нуортева — понятно. Имена «красных» в Финляндии длительное время были преданы анафеме. Что же касается последнего этапа пути Владимира Ильича, то Линдстрём не был его участником и сви-

детелем. Он проводил Ленина, как пишет сам, только до местечка Парайнен. В Лилль Мелё Ленин поехал уже в сопровождении Янсона и Руде. А что было в Лилль Мелё и дальше, Линдстрём рассказал со слов Вилльберга, и возможно, Вилльберг ввел его в заблуждение. Словом, сейчас об этом судить трудно.

Летом 1966 года мне снова довелось быть в Турку. Зашел в библиотеку Абосской академии. Попросил в архиве комплект подшивки газеты «Обу ундереттельсер» за 1924 год. В январских номерах вижу заметки о процессе над коммунистами. Вот номер за 23 января². Сообщение о смерти В. И. Ленина. Его биография, и на целую колонку — рассказ о пребывании Ленина в Турку и Паргасе. В статье не названо никаких имен. Кто сопровождал Ленина, не говорится. Любопытна одна деталь. Сказано, что Ленин с острова Лилль Мелё переправился через пролив по окрепшему льду, а не на лодке, как это в 1946 году писал Линдстрём, ссылаясь на Вилльберга. Значит, прав был старик Улаф Бергман из хутора Вестергорден, когда рассказывал мне, как Ленина сопровождали в Нагу по льду крестьяне с шестью.

Листаю подшивку дальше. В номере за 26 января 1924 года опубликовано интервью с Людвигом Линдстрёмом³. Он тогда работал в страховой компании «Сампо», где сейчас трудится его сын Лоренс. Рассказ его существенно отличался от того, что он писал позднее. Жил он на улице Пуолагатан. Ночью его разбудил стук в окно. Это был «доктор Мюллер». Затем идет рассказ о поездке, пребывании в Кирьяла, в Парайнен, о том, что Ленина проводили на Лилль Мелё, «откуда Ленин должен поехать к пароходу». Ни слова о Вилльберге и вообще о том, как Ленин перебирался с Лилль Мелё на остров Нагу и дальше, к пароходу. Таким образом, действительно, Вилльберг появился только в последнем варианте рассказа Линдстрёма.

В конце статьи говорится, что Линдстрём получил письмо Ленина из Копенгагена, в котором он писал, что никогда не переживал такой опасности для жизни, как во время его перехода по льду, а также рассказывал, что в рождественские праздники на острове Лилль Мелё подвыпившие крестьяне больше всего хотели, чтобы он выпил с ними стаканчик.

Я спросил архивариуса Стига Аппельгрена, нет ли в архиве каких-нибудь материалов, связанных с Вальтером Боргом и Нуортева. Мне сначала даже показалось, что он не слышал этих имен. А ведь оба были очень известными людьми в Турку. Борг был видным коммерсантом, Нуортева — редактором социал-де-

мократической газеты, депутатом сейма. Только потом уже Аппельгрэн нашел в старом финском энциклопедическом словаре биографическую справку о Нуортева. Она кончалась тем, что он эмигрировал в Советский Союз. Лишь позднее я узнал, что Сантери Нуортева был советским дипломатом в Америке, умер на посту председателя ЦИК Карельской республики.

Правда, в архиве академии есть собрание документов Аллана Валленцуса. В 1918 году, когда Борг был в Турку «красным директором банка», Валленцус — «красным почтмейстером». Среди его бумаг есть письма Борга, Викстена, Вийка и других известных финских социал-демократов, а также, дневники, фотографии, удостоверения времен революции, красный бант... Каких-либо документов, связанных с Лениным, я не обнаружил.

В мае 1968 года я снова был в Турку, чтобы принять участие в поездке по шхерам Парайнен. Собралась целая комиссия, чтобы выяснить, кто же прав, Линдстрём или Алхоярви. Дело в том, что я переслал письмо Анны-Кайсы в местное отделение Общества дружбы с просьбой выяснить на месте достоверность рассказов дочерей Шёхольма. К моей просьбе в Турку отнеслись очень серьезно. Была создана комиссия во главе с председателем отделения Общества «Финляндия — СССР» в Турку профессором Викстрёмом. Из Хельсинки специально приехал, бросив все дела, писатель Атос Виртанен с женой. Он работал над книгой о Ленине, и поездкой по шхерам очень заинтересовался. С нами поехал и мой старый знакомый Юрма Валтакари, а также внучка Шёхольма, учительница Свеа Мулин.

После короткой остановки в Кирьяла мы направились на Лилль Мелё, оттуда перебрались на пароме через пролив Эрфьёрден, который Ленин переходил по льду с провожатыми. Вот и остров Нагу. Проехали Проствик, селение в несколько домов, и на берегу озера остановились. Здесь, возле огромного валуна, среди сосен стоял дом Шёхольма, о чем свидетельствуют замшелые остатки фундамента.

Свеа Мулин рассказала о своем деде. Ее рассказ сходил с тем, что писала в своей работе Анна-Кайса Алхоярви. Я спросил, у какого острова останавливались корабли, у Кааслуото? Нет, ответила она, у острова Шелё, Моржового острова. Так рассказывала ей мать.

К нам подошли местные крестьяне, живущие по соседству. Одна старая женщина помнила Шёхольма, очень хорошо отзывалась о нем, сказала, что он был скор на помощь. О Вилльберге она сказала: пил сильно, никогда отзывчивостью не отличался.

Юрма Валтакари заранее звонил в Проствик, просил одного старика, который хорошо знал и Шёхольма, и Вилльберга, выступить перед нашей комиссией. Но увы! Старик не дождался. Его похоронили за день до того, как мы приехали в Проствик.

Чтобы подвести итог, повторю, как развивались события в декабре 1907 года, если учитывать дополнения, внесенные фру Алхоярви и Мулин. Ленин на острове Лилль Мелё жил у крестьянина Сёдерхольма. Этого никто не оспаривает. Здесь его застает рождество. Числа 24, а всего скорее — утром 25 декабря хозяин и его тесть Сванте Бергман, увидев, что лед затвердел, решили проводить Ленина в Проствик. Вероятно, они были навеселе. Н. К. Крупская писала, что Владимира Ильича провожали двое крестьян, которым было «море по колено»¹. Именно здесь, вероятно, и произошло несчастье, когда все они едва не погибли. Провожатым не мог быть Шёхольм, ибо, как пишет Алхоярви, он не брал в рот вина. А все источники утверждают, что Ленина провожали именно подвыпившие крестьяне. Это могли быть только Сёдерхольм и Бергман.

На острове Нагу, в доме Шёхольма, Ленин задержался. Здесь его угощали «рождественской кашей». 25 декабря Шёхольм на лошади или пешком, может быть, с сыном проводил Ленина до острова Кааслуото (или Шёле), где Владимир Ильич поднялся на борт парохода.

Таким образом, если, как утверждает Линдстрём, Ленин прожил три дня в Кирьяла и несколько дней на Лилль Мелё, можно предположить, что Владимир Ильич пробыл на островах возле Турку не менее 5—6 дней, с 19—21 по 25 декабря 1907 года.

Анна-Кайса прислала мне портрет своего деда, копии снимков его дома. Ее курсовая работа «Тайный путь через Нагу в начале XX века», в которой один раздел посвящен переезду по этому пути В. И. Ленина, хранится сейчас в Хельсинки, в правлении Общества дружбы «Финляндии — СССР».

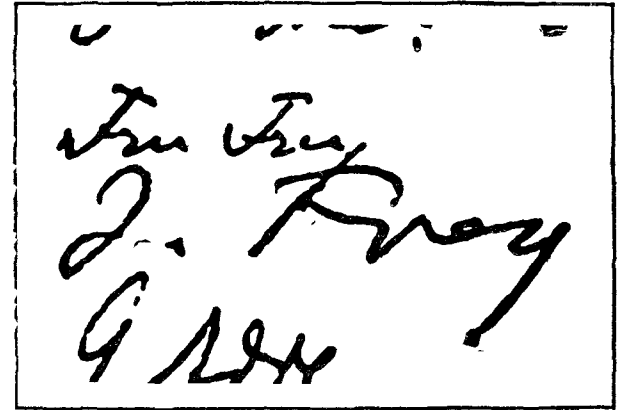
ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ "Allsvensk samling", 1946.

² "Åbo underrättelser", 23. 01. 1924.

³ Там же, 26.01.1924.

⁴ Воспоминания о В. И. Ленине, т. 1. М., Госполитиздат, 1968, стр. 325.

В декабре Балтика злая. Бросает огромный теплоход с волны на волну, как щепку. Вот стоявший у двери чемодан сдвинулся с места и пополз к иллюминатору, оттуда — опять к двери. Так прошла ночь.

К утру качка прекратилась. Пассажиры сгрудились на верхней палубе, пытаясь сквозь пелену тумана разглядеть огни Стокгольма. «Боре» шел уже по прибрежным шхерам, осторожно пробираясь между островов. Вот наконец и Шепсбрунн, набережная, куда пристают корабли. Я схожу по трапу и ловлю себя на мысли, что в такое же темное рождественское утро с парохода «Боре» здесь сходил на набережную в декабре 1907 года В. И. Ленин. Вероятно, так же всю ночь скреблись и бились о борт корабля льдины, а качало пароход гораздо сильнее, ибо старый «Боре» был меньше по тоннажу современного в восемь-девять раз. Так же, наверно, продолжалось празднование рождества на борту корабля, как это было и сейчас...

Но есть разница в приеме кораблей в стокгольмском порту. Тогда каждый пароход из Финляндии встречала полиция. Есть,

конечно, полицейский у пристани и сейчас, но он стоит в стороне, наблюдает за порядком. Тогда же полицейские подымались по трапу на борт и требовали, чтобы все пассажиры предъявили документы. Часто возглавлял полицейскую команду сам стокгольмский фискал (полицейский прокурор) Стендаль. Наметанным глазом он окидывал пассажира, бросал взгляд на фотографию в документе и говорил:

— Пожалуйста, проходите! — Или: — Будьте любезны, подождите внизу.

Мужчина в пальто с каракулевым воротником и в такой же шапке, видимо, не вызвал подозрений Стендаля и его подчиненных. Я тщательно просмотрел десятки анкет, заполненных полицией на граждан России в декабре 1907 года, и не нашел среди них ни одного человека, который по внешнему виду был бы похож на Ленина. По всей вероятности, Владимир Ильич избежал полицейского допроса, предъявив иностранный паспорт, скорее всего — немецкий. Полиция пропускала граждан Германии, Англии, США и Франции в страну беспрепятственно.

Пароход в Стокгольм приходил затемно, между пятью-семью часами утра. В это время трамваи еще не ходили, извозчиков к пароходу подъезжало мало. Большинство пассажиров шли в город пешком. Путь лежал мимо королевского дворца, к площади Густава Адольфа. Тогда, как и сейчас в рождественские дни, над улицами висели гирлянды из разноцветной бумаги и елочных лап, на площадях стояли елки. Из витрин магазинов смотрели румяные рожицы гномиков в красных колпачках. Эти юные старцы приносят под рождество шведским детям подарки. Так во всяком случае говорят папы и мамы. В окнах домов видны огоньки свечей. Шведы встают рано. В рождественские дни здесь принято завтракать при свечах. Свеча своим пламенем отгоняет злых духов, придает торжественность семейной трапезе.

По улице Дроттнингатан Ленин вышел на узенькую, темную Мастерсамуэльсгатан, или, попросту говоря, — улицу мастера Самуэля. Она пересекает Дроттнингатан. Неподалеку от угла виднелась вывеска гостиницы «Мальмстен». Наконец-то можно было отдохнуть от вчерашних волнений на островах и утомительной ночи на пароходе. То, что Владимир Ильич остановился именно в гостинице «Мальмстен», видно из его письма от 28 декабря 1907 года, которое хранилось в стокгольмском архиве рабочего движения. В письме Ленин писал, что разговаривал с Бёрессоном, но тот не может обеспечить получение всех писем

и пакетов. Поэтому Владимир Ильич просил руководство шведской социал-демократической партии выделить еще одного товарища, который мог бы еженедельно получать в Стокгольме посылки с письмами и книгами и пересылать их в Финляндию и в Женеvu.

В конце письма Ленин указывал свой стокгольмский адрес: улица Мастерсамуэльсгатан, 63, отель «Мальмстен»¹.

Разговор с Бёрессоном, о котором Владимир Ильич писал в письме, происходил, вероятно, в конторе книготорговой фирмы «Бьёрк и Бёрессон». Она располагалась неподалеку от гостиницы «Мальмстен», на улице Дроттнингатан.

Сейчас ни гостиницы «Мальмстен», ни дома на Дроттнингатан нет. На их месте выросли современные большие дома, в которых расселились магазины и конторы.

В феврале 1966 года в Стокгольме умер известный адвокат Хуго Линдберг. В 1964 и 1965 годах мне довелось встречаться с ним. Помню первую встречу летом 1964 года в Королевской библиотеке. Сухощавый, стройный старик, прислонившись к столпику, за каким занимался в читальном зале библиотеки Ленин, рассказывал немного хриплым, тихим голосом:

— Я восхищался русскими революционерами. Многих из них мне довелось увидеть в Стокгольме, когда они проезжали из Финляндии после поражения революции 1905 года. И для меня тогда не было ничего удивительного в том, что однажды в декабре 1907 года я встретился с Лениным. Я гостил во время зимних каникул у лидера младосоциалистов Хинке Бергегрена. Я был студентом юридического факультета университета и живо интересовался политикой. Мои симпатии были на стороне младосоциалистов. Они стояли левее официального руководства социал-демократической партии, критиковали Брантинга, призывали рабочих к активным действиям в борьбе за свои права. Так вот, однажды в декабре 1907 года на квартире Бергегрена я познакомился с мистером Фреем. Я знал, что он был русским и считался одним из вождей революции в России. Но я не мог даже себе представить тогда, что впоследствии он станет великим человеком — Лениным.

Линдберг помолчал, потом, откашлявшись (у него что-то было с горлом), продолжал:

— Я слушал разговоры между ним и Хинке, почти не вмешиваясь в них. О чем шла речь? Помню, что говорили о транспортировке литературы в Финляндию и Россию, Ленин подробно объяснял, как обстоит дело с аграрным вопросом в России,

Повторяю, я был молоденьким студентом и не вмешивался в разговор. Больше сидел и слушал. Но они занимались не только политикой. У Хинке был хороший голос, и он пел Ленину песни нашего известного скальда Беллмана. Хинке жил в доме номер 15 на Ванадисвеген, на четвертом этаже, и из окон открывался прекрасный вид на парк Хага. Я помню, как Хинке пел песню «Бабочка порхает над Хагой», и Ленину она так понравилась, что он попросил перевести ее на немецкий язык.

— Бывали мы с Лениным у матери Бергегрена, которая жила в парке Хага. Мы пили кофе с белыми булочками, которые пекла специально для нас мать Бергегрена.

Почему я сказал «мы с Лениным»? Дело в том, что Хинке попросил меня быть гидом Ленина на время его пребывания в Стокгольме, и я старался добросовестно выполнять свои обязанности. Обычно я заходил за ним в гостиницу «Мальмстен» и провожал его в Королевскую библиотеку или в другие места, если он этого хотел. Ленин не желал привлекать к себе внимания, старался держаться незаметно. В то же время он следил за всеми событиями в мире, пользуясь любым случаем, чтобы получить новую информацию. Ленин называл себя Джон Фрей. Так он и расписывался в книге посетителей Королевской библиотеки. Вот, смотрите! — и Линдберг показал нам толстую книгу, раскрытую на странице с подписью «Дж. Фрей».

— А рядом — видите? — моя подпись и подпись Бергегрена. В тот день мы оба сопровождали его в библиотеку.

Ленин любил сидеть вот здесь, в уголке, возле стеллажей со свежими газетами и журналами. День он начинал с просмотра немецких, французских и английских газет. Жадно набрасывался на русские, если они были. А потом уже выписывал книги и справочники.

Еще несколько раз я встречал адвоката Линдберга. Каким-либо дополнительным подробностям о встречах с Лениным, к сожалению, он сообщить мне не смог.

Дом номер 15 на улице Ванадисвеген сохранился. Улица эта тихая, зеленая, посередине ее разбит сквер. Квартира, в которой бывал Ленин, расположена на четвертом, самом верхнем этаже. На третьем этаже, под квартирой Бергегрена, была квартира Карла Бёрьессона, в которую Владимир Ильич, возможно, тоже заходил.

Дом выкрашен типичной для старых стокгольмских зданий темно-желтой краской. Над входом серого портала лепная голова сатира. Тяжелая темно-красная дверь ведет в коридор.

Здания, построенные позднее, загородили от дома вид на парк Хагу, которым, по словам Линдберга, любовался из окна верхнего этажа этого дома Владимир Ильич.

Перед домом часто останавливаются автобусы. Сотрудники советского посольства, торгпредства и других советских организаций, а также наши туристы, совершая экскурсии по ленинским местам Стокгольма, заезжают и на Ванадисвеген.

В читальном зале Королевской библиотеки стоит старый стол. На нем табличка. На трех языках — русском, шведском и английском — на табличке написано, что за таким столом в этом зале в 1907 и 1910 годах занимался В. И. Ленин. Один стол передан Королевской библиотекой в качестве дара в Москву, библиотеке имени В. И. Ленина. За каким именно столом занимался Владимир Ильич, установить невозможно, ибо столы часто передвигались с места на место, особенно при натирке полов, побелке, ремонте и т. д.

Сохранилась книга посетителей библиотеки за 1907 год. В ней трижды стоит подпись «Фрей».

Директор библиотеки Уно Виллерс и знающий русский язык сотрудник библиотеки Стаффан Даль показывали мне гору писем советских школьников. Откуда только не пишут: из Белоруссии и с Кавказа, с Дальнего Востока и из Воркуты. Просят прислать фотографии, даже книги, которые читал Ленин, сообщить адреса людей, с которыми встречался Ленин, и т. д. Нелегкая задача падает на плечи доктора Даля, когда он отвечает на письма школьников!

К 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции библиотека выпустила специальную брошюру о посещении В. И. Лениным читального зала. В ней — портрет Владимира Ильича, фотографии читального зала тех лет, копии страниц из книг посетителей, на которых расписался Ленин. Описание составлено на трех языках, в том числе и на русском. Теперь доктор Даль посылает школьникам эту брошюру.

3 января 1908 года Ленин уехал из Стокгольма поездом на Берлин. Началась его вторая эмиграция, длившаяся почти 10 лет.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 47, стр. 117.

КАМОРКА НА ВЕСТЕРБРО

Второй раз В. И. Ленин был в Дании в августе—сентябре 1910 года, когда приезжал в качестве делегата от российской социал-демократической партии на VIII конгресс II Интернационала.

В то время в Копенгагене жил русский политический эмигрант М. В. Кобецкий, член РСДРП с 1903 года.

После поражения революции 1905 года, отсидев очередной срок в печально знаменитых «Крестах», он решил эмигрировать. Через Финляндию попал в Копенгаген. Здесь устроился работать преподавателем русского языка в коммерческом училище.

Еще осенью 1906 года в Петербурге Кобецкий познакомился с Лениным.

Находясь в Копенгагене, продолжал переписку с В. И. Лениным и Н. К. Крупской, пересылал в Россию ленинскую газету «Пролетарий», а в 1909 году — центральный орган РСДРП — газету «Социал-демократ».

Однажды в августе 1910 года он получил такое письмо:

«8 авг. п. ст. 1910.

Уважаемый товарищ!

Позвольте обратиться к Вам с небольшой личной просьбой. Я бы хотел воспользоваться конгрессом в Копенгагене, чтобы поработать в Копенгагенской библиотеке. Вы очень обязали бы меня, если бы сообщили мне:

1) Открыта ли в сентябре все время Копенгагенская библиотека (национальная или университетская; не знаю, какая лучше; мне нужны материалы о сельском хозяйстве в Дании).

2) Сколько стоит, понедельно и помесечно, меблированная комната в Копенгагене и могли ли бы Вы, не отрываясь от своих занятий, помочь мне найти комнату.

Адрес мой до 23 августа:

Mr. Wl. Oulianoff.

Rue Mon Desir. Villa les Roses.

Pornic (Loire-Inférieure).

France.

Простите за беспокойство. Заранее благодарю Вас и жму руку.

Н. Ленин»¹.

В этом письме — весь Ленин, вежливый, предупредительный, скромный, всегда думающий о других людях больше, чем о себе.

Кобецкий написал ответ, что библиотеки открыты, комнату можно снять по такой-то цене. И вскоре получил новое письмо из Франции:

«Уважаемый товарищ!

Очень благодарен за сведения и за любезное предложение помощи. Если не затруднит, наймите мне комнату простую, дешевую, маленькую с 26-го числа.

Я буду в Копенгагене к утру 26-го (собрание Бюро). Постараюсь утром же (не знаю, когда приходит поезд: поеду вероятно через Hamburg—Korsør) к Вам зайти. Если не будете дома, оставьте мне письмо у хозяйки (für Herrn Ulianoff). Комнату мне надо понедельно или на месяц — смотря по тому, что обычно в Копенгагене.

Я пробуду в Копенгагене дней десять с 26 августа, затем *м о ж е т б ы т ь* съезжу на неделю по личному делу, потом опять вернусь в Копенгаген. Поэтому дешевая комната на месяц (если Вы платите 12 кр. при долгом пребывании, то мне за подобную

комнату, вероятно, 15—18 кг. придется дать) мне удобнее. Если Вам некогда, не хлопчите, я успею найти сам 26—27 августа, ибо заседание Бюро возьмет одно лишь утро.

Жму руку. Ваш Ленин»².

Владимир Ильич прибыл в Копенгаген утром 26 августа. На вокзале его встречал Кобецкий. «Он вышел из купе третьего класса, одетый в недорогой темно-синий в тонкую белую полоску летний костюм, в невероятно широкополой панаме,— рассказывал потом М. В. Кобецкий.— Я не стал скрывать и сказал, что такая шляпа способна, во всяком случае в Дании, возбудить любопытство и в итоге привлечь внимание. Ленин стал категорически опровергать это. Он выбрал эту шляпу именно для того, чтобы его не заметили, особенно при проезде через Германию. Ведь если бы его там узнали, он несомненно был бы задержан и выслан в Россию. До сих пор не могу понять, как он в такой шляпе проехал через Германию и не был задержан. Это можно скорее рассматривать как чудо»³.

Кобецкий снял через знакомых для Владимира Ильича маленькую комнатку, буквально каморку, у одного рабочего судостроительной верфи. Квартира находилась неподалеку от вокзала, на оживленной улице Вестербро.

Окно комнаты Ленина выходило во двор. Весь пейзаж, который был виден из окна,— облезлая стена. Меблировка в каморке по-спартански проста: столик, кровать, стул. Но Ленин комнату похвалил, сказал, что он именно о такой и мечтал.

В этот же день Владимир Ильич участвовал в заседании Международного социалистического бюро, в состав которого он входил от РСДРП с 1905 года.

Делегаты конгресса, приехавшие из 23 стран, должны были обсудить задачи международного социалистического движения, призвать пролетариат к усиленной борьбе с реакцией.

Конгресс открылся 28 августа 1910 года во Дворце концертов на улице Бредгаде. Владимир Ильич принимал участие в пленарных заседаниях конгресса и вошел в одну из основных комиссий — кооперативную. Он составил для комиссии проект резолюции, в которой были четко определены задачи кооперативов в классовой борьбе. Эта резолюция послужила основой проекта, с которым делегация РСДРП выступила на конгрессе. Работа кооперативной комиссии конгресса была подробно освещена потом Лениным в статье «Вопрос о кооперативах на Международном социалистическом конгрессе в Копенгагене».

В дни работы конгресса Владимир Ильич провел совещание с левыми социал-демократами во II Интернационале, присутствовавшими на конгрессе. Совещание имело целью сплочение революционных марксистов на международной арене.

По вечерам, после окончания заседаний конгресса, а также в свободные дни Владимир Ильич шел ко дворцу Христиансборг, проходил под сводами старинных ворот, сворачивал под каменную нишу налево и попадал к мрачному зданию Королевской библиотеки. Здесь, в читальном зале, Ленин читал книги и журналы, статьи о датском сельском хозяйстве и положении крестьянства Дании, просматривал статистические сборники. Данные, полученные в копенгагенской библиотеке, Владимир Ильич использовал не только при подготовке проекта резолюции конгресса о кооперативах, но и позднее, в ряде своих работ по аграрному вопросу.

Владимир Ильич провел совещание с Г. В. Плехановым и депутатами Думской социал-демократической фракции Н. Г. Полетаевым и И. П. Покровским. На совещании было решено издавать за границей «Рабочую газету» и газету «Звезда»⁴.

Ленин участвовал в экскурсиях, которые организовывались для делегатов конгресса, посещал музей скульптора Торвальдсена и другие копенгагенские музеи. В одно из воскресений делегаты отправились на загородную прогулку на пароходах «Хольгер Данске» и «Гефион». Погода была солнечная, настроение у всех было приподнятое. В этот день много пели. Вместе со всеми пел и Владимир Ильич, который любил хоровое пение и знал много песен⁵.

По окончании конгресса 3 сентября Ленин принял участие в прощальном вечере-банкете в здании копенгагенской ратуши.

В общей сложности Владимир Ильич пробыл в Копенгагене около месяца. Правда, после окончания конгресса, он уезжал на две недели в Стокгольм, чтобы встретиться с матерью и сестрой, но оттуда снова вернулся в Копенгаген.

С чего начать поиски материалов о пребывании Ленина в датской столице в 1910 году? Я решил пойти сначала в архив рабочего движения. Ведь датские социал-демократы были хозяевами-устроителями конгресса, они заказывали квартиры и номера в гостиницах, готовили заседания, организовывали экскурсии — должна же была сохраниться какая-нибудь переписка!

В архиве я попросил показать папки с делами конгресса. Вот папка с заявками национальных организаций на места в

гостиницах. Для делегатов РСДРП было заказано 8 комнат в гостинице «Унион»⁶. Я отложил в сторону папки с делами конгресса и попросил все, что есть, связанное с пребыванием в Копенгагене Ленина. На мой стол легла толстая подшивка статей о Ленине, опубликованных в датской прессе за последние десятилетия.

7 июня 1930 года статью «Когда Ленин жил в Копенгагене» напечатала газета «Берлингске тиденде»⁷. Это, пожалуй, одна из первых публикаций в датской печати о пребывании Ленина в Копенгагене. Газета поместила реферат воспоминаний полпреда Советского Союза в Дании М. В. Кобецкого на одном из собраний в датской столице. Кстати, корреспондент «Известий» Геннадий Дейниченко нашел в Королевской библиотеке полный текст этого выступления, и оно было опубликовано в «Известиях» в 1967 году⁸.

В мае 1932 года журналист Анкер Киркебю взял для газеты «Полигикен» интервью у хозяйки квартиры, где останавливался Ленин. Неоднократно о пребывании Владимира Ильича в датской столице писала газета Компартии Дании «Ланд ог фольк» («Страна и народ»). «А что, если мне зайти в редакцию,— подумал я.— Наверняка мои коллеги-журналисты собирали материал о Ленине, и у них есть какой-то архив».

Издадала видна на улице Дронингтвергаде вывеска «Ланд ог фольк».

В этом здании располагаются Центральный Комитет Коммунистической партии Дании, издательство «Тиден» («Время») и редакция ежедневной газеты «Ланд ог фольк».

На стене в коридоре висит большой щит. На нем золотом горят имена коммунистов, погибших в годы гитлеровской оккупации. Много имен. Большие жертвы принесла компартия ради освобождения родины!

Мой знакомый журналист Ульсен, который несколько лет работал корреспондентом «Ланд ог фольк» в Москве, оказался в редакции.

Когда мы разговорились о пребывании в Копенгагене Ленина, он сказал:

— Нильс Отто Кёстер — вот кто поможет тебе!

Кёстер, ведающий редакционным архивом, оказался сухощавым пожилым человеком, живым и очень любезным. Он усадил меня за свой стол, дал подшивку «Ланд ог фольк», а сам, извинившись, убежал куда-то. Как я понял, он совмещает должности библиотекаря, архивариуса, работника справочного бюро и

бюро проверки. Он всегда и всем нужен. То и дело заходили товарищи, спрашивали его по поводу фото, просили найти старую газету, справиться, как найти такого-то человека.

Комната Кёстера доверху забита подшивками газет, книгами, справочниками, ящиками картотек, пакетами фотографий и еще какими-то свертками. Дел у Кёстера по горло. Газета не может ждать, она уже делается, и все надо немедленно. И все же мой хозяин, уловив минуту, разыскал и подал мне папку с письмами. Читаю первое:

«Дорогой друг!

Очень просим Вас, пожалуйста, напишите нам и пришлите фотографии мест, где находился Ленин в Вашей стране, а также пришлите Вашу фотографию.

С пионерским приветом
учащиеся 5 «б» класса. Курск, улица Полевая, 17,
школа № 8».

— Таких писем у меня куча,— говорит Кёстер.— А все началось с того, что как-то «Пионерская правда» опубликовала мою статью о пребывании Ленина в Копенгагене в 1910 году. И пошли письма. Я русского языка не знаю, спасибо товарищам, знающим его,— помогают.

Он показал мне все материалы, что у него были: газетные вырезки, фотографии. Я просидел в комнате Кёстера несколько часов, делая выписки в блокнот. Уже когда стал прощаться, Кёстер спросил меня:

— Хочешь встретиться со старым социал-демократом, бывшим делегатом конгресса, на котором был Ленин? Возможно, он может рассказать что-то новое.

Кёстер тут же начал звонить в городок Мерн, чтобы договориться о том, когда я смогу навестить господина Георга Мака. Условились о встрече на следующий день.

Утром я был уже в пути. Стоял яркий апрельский день. В Дании все близко. Всю страну можно пересечь за один день. А до Мерна всего около ста километров. Сворачиваю с автострады на шоссе, идущее на юг. По сторонам бегут зеленые луга, на которых пасутся коровы знаменитой красной датской породы, черные лоскутки только что вспаханных полей, белые постройки хуторов, старинные замки. Невдалеке шумит прибой, и из-за деревьев и поворотов дороги иногда выглядывает море.

Вот и Мерн. Это небольшой поселок. Навстречу идет пожилая датчанка, за ней — рабочий в комбинезоне фирмы «Каль-

текс». Останавливать на улице незнакомую женщину в Дании считается неприличным. Спрашиваю мужчину, как найти дом Георга Мака. Он показывает на один из нарядных домиков напротив. На доме какая-то вывеска. Но это же магазин! Наверно, не разобрал парень из «Кальтекса» вопрос на шведском языке или перепутал.

Однако молоденькая продавщица на вопрос, где живет Мак, открывает прилавок и приглашает пройти во внутреннюю дверь.

Навстречу мне с кресла поднялся лысый, полный старик. Георг Рейнхольд Мак испытующе смотрел на советского журналиста, с чем приехал? Магазин, как он сказал, принадлежит его жене. Сам он на пенсии, ему 84 года. Все время посвящает писательскому труду. Диапазон его творческих интересов необычайно широк. Он написал книгу о Пикассо, книгу о Париже, закончил трехтомную биографию Маркса. Из-под его пера вышла также книга «Революция в России». В день моего приезда на его рабочем столе лежала рукопись биографии Ленина. Одна глава в книге посвящена пребыванию Ленина в Копенгагене.

— Я видел Ленина, но лично знаком не был, — сказал Мак. — Мне тогда приходилось на митингах переводить на датский язык речи Плеханова и Коллонтай (они выступали по-французски), но с Лениным разговаривать не пришлось, хотя я видел его во время заседаний и много слышал о нем.

Георг Мак достал с книжной полки книгу-отчет о конгрессе. Среди датских делегатов есть и его имя. Затем он любезно разрешил мне ознакомиться с рукописью главы о пребывании Ленина в Копенгагене. Она написана с использованием известных, уже опубликованных материалов. Собственных поисков, исследований автор не предпринимал.

Полностью я прочел книгу Мака «Товарищ Ленин» осенью 1967 года, когда она вышла в свет⁹. Это биография Ленина, написанная внешне объективистски, но на деле — с буржуазных, антиленинских позиций. Автор пытается оживить клевету о большевиках, как «немецких агентах», преувеличивает роль Троцкого, в свидетели часто берет таких «авторитетных знатоков России», как Черчилль, Керенский и другие. В книге много и фактических ошибок. Даже номер дома, в котором останавливался Ленин в Копенгагене, назван неправильно¹⁰.

Я понимал, с кем имею дело, и тогда, в тот день, когда посетил Мака в городке Мерн. Я знал, что это правый социал-демократ. Но все-таки я попытался узнать от него какие-нибудь подробности о событиях далекого 1910 года, когда в Копенгаге-

не происходил конгресс. Мак рассказывал, как сердечно принимали копенгагенские рабочие выступавших на митингах русских социал-демократов. С особой теплотой он вспоминал о Коллонтай. По его словам, это была не только красивая женщина, но и пламенный оратор, не боящийся споров, смело и остроумно парирующий реплики.

Мак говорил о поездках делегатов конгресса в Мальмё (Швеция), о многочисленных митингах рабочих в этом городе, о выступлениях Жореса и Плеханова. Выступал ли на митингах Ленин — Мак не знает. Ему на таких митингах присутствовать не довелось.

Я попрощался с Маком, поблагодарил за полученные сведения и за кофе и выехал обратно в Копенгаген.

Мне предстояло встретиться с хозяйкой квартиры, где останавливался В. И. Ленин. Друзья из «Ланд ог фольк» сообщили мне ее адрес и хотели договориться с ней о моем визите. Бывшая хозяйка квартиры — в 1964 году ей был 81 год — жила у своей дочери в пригороде Копенгагена Ванлёс, на улице Эгхольмвай, дом 74.

На другое утро еду в Ванлёс. Маленький одноэтажный дом с палисадником. Открывает седая старушка. Это Эллен Педерсен. Она дома одна, все либо на работе, либо на учебе. Приглашает войти в дом, угощает кофе.

Узнав, что я приехал, чтобы расспросить ее о Ленине, она оживилась:

— Память стала слаба, но кое-что еще помню. Меня уже расспрашивали журналисты об этом. С чего начать? Да, жили мы в те годы на Вестербро. Самую маленькую комнату у нас снимала одинокая женщина, портниха Марен Енсен. Она часто уезжала в другие города выполнять заказы, и комната ее пустовала. Однажды она спросила, не буду ли я против, если в ее комнате в ее отсутствие поживет один русский. Марен сказала мне, что большинство русских очень порядочные люди. Когда она добавила, что этот русский — интеллигентный человек, я согласилась. Так у нас поселился Ленин.

— Тогда вы ведь не знали, что это был Ленин?

— Тогда мы не знали, как его зовут. Только через 22 года я узнала, кто жил у нас.

— Каково ваше впечатление о вашем квартиранте?

— Должна сказать, что мы не разочаровались в новом жильце. Он был очень аккуратным и воспитанным человеком. И у него была добрая душа. Это я заметила по его отношению

к детям. Когда он играл с ними в комнате, оттуда доносился их искренний смех. Видимо, дети понимали его хорошо. А у детей чутье на хороших людей острее, чем у взрослых.

— Как складывался его рабочий день, не помните?

— Видели мы его мало. Утром он вставал, я готовила ему кофе и легкий завтрак, ветчину и яйца, иногда сосиски. Он уходил до вечера. Обедая и ужинал в городе. По вечерам обычно что-то читал и писал.

— А как внешне выглядел Ленин?

— Помню, что меня поразила соломенная шляпа, в которой он приехал. В первые дни у него болели зубы, щека раздулась, и он ходил, обвязавшись платком. Я ходила по его просьбе в магазин за продуктами и относила письма на почту.

— А какая обстановка была в комнате?

— Комнатка была маленькая, всего восемь квадратных метров. В ней умещались софа-кровать, на которой Ленин спал, столик, за которым он работал, и два стула. Вот и вся меблировка. Кстати, стол этот цел. Вот он.

И она указала на старенький столик в углу.

Я рассказал, что производил целое исследование, чтобы установить, в каком доме жил Ленин. Дело в том, что одни газеты называют номер 110, другие — 112, а третьи — 112А. Проверил я по регистру жителей за 1910 год. В доме № 110 проживали И. Педерсен, домовладелец, и И. О. Педерсен, кандидат философии¹¹. Ни тот ни другой на рабочего, у которого жил Ленин, не похожи. В доме 112 на 3-м этаже проживал И. О. В. Петерсен, депутат¹². Но был ли рабочий, у которого жил Ленин, депутатом? Да и как его звали? В советской прессе утвердилась фамилия «Петерсен». А может быть, его звали «Педерсен»?

Моя хозяйка внесла полную, исчерпывающую ясность в эти вопросы. Ее мужа звали Карл Христиан Фредерик Педерсен. В 1910 году, когда в его квартире жил Ленин, ему было 34 года, он работал на военной верфи. Самой Эллен Педерсен (ее полное имя Эллен Августа Элизабет), тогда было 27. У них было трое детей: девочка Эбба, трех лет (сейчас ей 57, она носит фамилию мужа Северинсен), мальчик Бёрге, двух лет и девочка Ингрид, родившаяся накануне приезда Ленина, в августе 1910 года. Все они живы, у всех взрослые дети и даже внуки.

Жили Педерсены в доме номер 112, в квартире на 4-м этаже (по-нашему на втором, ибо в Дании обычно нижний этаж не считают), выходившей окнами на двор.

Попрощавшись с Эллен Педерсен, я поехал в центр города, на Вестербро. Дом 112 ничем не выделяется среди своих, таких же старомодных соседей. Я прошел под арку во двор, куда выходили окна комнатки Ильича. Узенький, темный закуток. Сюда никогда не проникают лучи солнца.

Иду тем же путем, которым ходил Владимир Ильич к дому, где проходил конгресс. Здание это тоже сохранилось: серый, невидный дом за черной ажурной оградой. Затем отправляюсь в Королевскую библиотеку.

Здесь за прошедшие полвека, кажется, ничего не изменилось. Время не задело этого красного кирпичного здания. Тот же внешний вид, тот же порядок. При входе в читальный зал обязательная роспись в книге посетителей. Я попросил книгу посетителей за 1910 год. Библиотекарь, приняв мой заказ, вышел. Я сел за один из столиков. Старинные настольные лампы, старая мебель. Все, кажется, так, как было при Ленине.

Библиотекарь возвращается с извинением: оказывается, в 1910 году книга посетителей не велась, поэтому он ничем помочь не может. Странно! В стокгольмской библиотеке, где Ленин тоже занимался, книга посетителей велась гораздо раньше. Мне давали просматривать такой журнал за 1905 год. Но делать нечего, нет так нет.

Заказываю книги: Фунх. «Сельскохозяйственные условия производства крестьянских молочных хозяйств в Гавилланде». Берлин, 1904 год и «Статистика Дании», том 32, Копенгаген, 1909. Их читал Ленин 15 сентября 1910 года, как это видно из сохранившегося листка заказов¹³. Может быть, на книгах сохранились какие-нибудь пометки? Библиотекарь долго рылся в каталоге. Ни той, ни другой книги не нашел.

— Вероятно, их передали в другие библиотеки, — заявил он мне. — В какие? Не могу сказать. Это почти невозможно выяснить, столько лет прошло...

После неудачи в копенгагенской библиотеке я снова разыскал Ленинский сборник, в котором опубликована фотокопия бланка заказа. Под снимком стоит подпись, что этот бланк — из копенгагенской библиотеки. Я стал внимательно изучать слова, отпечатанные на бланке типографским способом. Это был не датский язык, а, скорее, старый шведский. Может быть, этот бланк не из копенгагенской, а из стокгольмской библиотеки? Ведь В. И. Ленин 15 сентября (на бланке стоит эта дата) был уже в Стокгольме. Вероятно, книги, не нашедшиеся в копенга-

генской библиотеке, могли бы найтись в Королевской библиотеке в Стокгольме.

Попытался я установить адреса мест, которые мог посетить Ленин. Вернувшись 26 сентября из Стокгольма, Владимир Ильич в этот же вечер выступил с рассказом о VIII конгрессе II Интернационала перед русскими политическими эмигрантами, проживавшими в датской столице. Как вспоминали потом присутствовавшие на выступлении Ленина, он своей речью восстановил веру и надежду на будущее в сердцах тех, кто начал уже отчаиваться.

О том, где происходила эта встреча, имеются противоречивые сведения. Вдова Кобецкого А. И. Кобецкая пишет, что выступление Ленина состоялось в небольшой квартире на Розенгорден¹⁴. В справке, написанной датчанином Улуфом Ульсеном и хранящейся в справочном кабинете В. И. Ленина Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, говорится, что это было «в заполненном дымом зале кафе «Розенгорден»¹⁵. Третьи источники утверждают, что Ленин выступал в русском рабочем клубе на улице Розенгорден. Я проверял по справочнику за 1910 год: кафе «Розенгорден» не нашел, вероятно, его не было. Таким образом, вторая версия, как мне кажется, отпадает. Первая и третья могут совпасть. Если русских в Копенгагене было всего около тридцати человек, то снимать большое клубное помещение они не могли, да оно было и не нужно. Вероятно, собирались на чьей-то квартире, которая могла получить название русского рабочего клуба.

Кобецкий вспоминал, что Владимир Ильич посещал в Копенгагене кафе «Антиавтоматен»¹⁶. В университетской библиотеке я нашел справочник за 1910 год. Кафе с таким названием было. Оно помещалось по адресу Aaboulevard, 5 B¹⁷.

В 1966 году умерла Эллен Педерсен. Ее дочь, Ингрид Якоби подарила музею В. И. Ленина в Москве столик, за которым работал Владимир Ильич.

В письме, которое я получил от Ингрид, она писала, что больше у них вещей, бывших в комнате Ленина в 1910 году, не осталось.

Осталась память, как некогда в их рабочей семье жил вождь пролетариата России и всего мира, простой и скромный человек с большим, любящим сердцем. Память эту будут хранить внуки и правнуки тех, кого послал на руках Ленин.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 47, стр. 261—262.

² Там же, стр. 263—264.

³ «Известия», 22.04.1967. М. Кобецкий. Ясность и простота.

⁴ Н. Г. Полетаев. У колыбели «Звезды» и «Правды». — «Пролетарская революция», 1923, № 4(16), стр. 3.

⁵ "Fakta om Sovjetunionen", 1964, № 8.

⁶ Архив рабочего движения в Копенгагене. Дело № 33522.

⁷ "Berlingske tidende", 7. 06. 1930.

⁸ «Известия», 22.04.1967.

⁹ Georg Reinhold Mac. Kammerat Lenin, København, 1967.

¹⁰ Там же, стр. 83.

¹¹ Kraks vejviser, 1910, s. 404.

¹² Там же, стр. 739.

¹³ Ленинский сборник XXV, стр. 306—307.

¹⁴ "Fakta om Sovjetunionen", 1964, № 8.

¹⁵ Olof Olsen. Da Lenin var i Danmark. 1. 09. 1947.

¹⁶ «Известия», 22.04.1967.

¹⁷ Kraks vejviser, 1910.

КТО ТАКАЯ ФРЁКЕН БЕРГ?

Будучи в Копенгагене, 4 сентября 1910 года Владимир Ильич отправил открытку с видом парка «Тиволи» в Териоки (Финляндия), где в это время жила его мать. В открытке говорилось:

«4. IX. 10.

Дорогая мамочка! Посылаю тебе и Анюте горячий привет из Копенгагена. Конгресс закончился вчера. С Маняшей списался вполне: 4 сентября по стар. стилю, т. е. 17. IX по новому жду вас в Стокгольме на пристани. Две комнаты на неделю 17—24. IX мне наймет в Стокгольме товарищ. Мой здешний адрес есть у Маняши. В Стокгольм писать мне: Hr. Ulianof, Poste restante. Крепко обнимаю.

До скорого свидания!

Твой В. У.

Здесь пробуду до 15. IX. 10»¹.

Но Владимиру Ильичу пришлось выехать в Стокгольм раньше указанного им в открытке срока. 12 сентября он должен был

быть в шведской столице. Ведь 31 августа (13 сентября) Мария Александровна писала письмо уже из Стокгольма². Судя по письму, они с Марией Ильиничной прибыли в этот день. А Владимир Ильич должен был приехать в Стокгольм по крайней мере за день. Пароходы из Турку по расписанию приходили обычно рано утром, в 5—7 утра, а поезда из Копенгагена — в 6.58 и 9.08. Так что, приехав в Стокгольм из Копенгагена в день приезда матери, Владимир Ильич мог не успеть к прибытию парохода. А ведь он обещал встретить мать и сестру на пристани. Да и не мог Владимир Ильич, такой нежный и заботливый сын, приехать в тот же день, что и мать, привезти ее в не осмотренную им самим квартиру.

Прямо с вокзала он отправился на квартиру, заказанную для него товарищем. Кто этот товарищ — мне так и не удалось установить. Это могли быть Бергегрен или Бёрьесон, могли быть и русские социал-демократы, жившие в то время в Стокгольме.

Квартира располагалась, как об этом Ленин сообщал 16 сентября 1910 года в письме М. В. Кобецкому, на первом этаже дома № 17 по Каптенсгата (Капитанской) узенькой, старинной улочке, идущей параллельно набережной Страндвеген. Дом номер 17 — желтое пятиэтажное здание с балконами на каждом этаже. На первом этаже, где жил Владимир Ильич с матерью и сестрой, сейчас, да и, вероятно, тогда были, четыре квартиры. Темный, с потемневшими стенами коридор, крутая лестница.

Я просматривал полицейские досье опросов иностранцев за 1910 год, которые хранятся в городском архиве. Никого, похожего на мать и сестру Ленина, среди приехавших из Финляндии в сентябре не обнаружил. Пытался найти следы проезда их и в финляндском государственном архиве. Просмотрел папки входящих документов в канцелярию генерал-губернатора за этот год³, но тоже никакого упоминания о переписке по поводу выдачи заграничного паспорта Ульяновым не нашел. Архивариус объяснил мне, что к генерал-губернатору обращались за разрешением на иностранный паспорт лишь финляндцы, местные жители. Мария Александровна, хоть и жила в Териоках, но числилась там, наверно, временно прописанной, поэтому паспорт она и Мария Ильинична выставляли в Петербурге.

Владимир Ильич писал, что жил с матерью и сестрой на Каптенсгата у Фрёкен (барышни) Берг. Но кто эта барышня? Молодая или пожилая? Пустила на квартиру по знакомству, в виде исключения, или она вообще сдавала комнаты?

Я спрашивал об этом и в архиве рабочего движения,

и у оставшихся в живых ветеранов социал-демократической партии. Хуго Линдберг говорил мне, что он пытался разыскать, кто такая была фрёкен Берг, но ему не удалось. В списке жителей Стокгольма за 1910 год фрёкен Берг, по его словам, не числилась.

И все же я попытался разыскать эту фрёкен Берг. Не может быть, думал я, чтобы в Швеции, где статистика и учет возведены буквально в культ, бесследно пропал человек!

Итак, я стал просматривать в городском архиве книги жителей Стокгольма за разные годы, надеясь найти фрёкен, жившую на Каптенсгатан, 17. Ищу по алфавиту. Берг очень распространенная фамилия в Швеции. Бергов много, но все не те. Наконец, нахожу Вильгельмину Берг, учительницу. Жила в 1910 году на улице Сибиллагатан. Это, в общем-то, рядом от Каптенсгатан, но, вероятно, все же не то. Ищу по адресам. В книге даны списки всех жителей поквартирно. Среди квартирантов, проживавших по адресу Каптенсгатан, 17, фрёкен В. Берг не было. Видимо, прав был Линдберг!

Прошло несколько месяцев. Я считал, что с этой задачей мне не справиться, и взялся за другие. Однажды я выходил из читального зала городского архива и задержался у стеллажей в вестибюле, мимо которых раньше проходил много раз. Меня заинтересовали необыкновенно толстые книги, стоявшие на полках.

Это оказались написанные от руки списки, регистры жителей Стокгольма. Первые списки начали делать еще в XVII веке. С уважением я взял в руки самую старую книгу. Ей, никак, триста лет. Пожелтела бумага, немного выцвели чернила, а все же не зря был затрачен труд писцов: жителю Стокгольма можно без труда навести справку о своих предках.

А почему бы не посмотреть списки за 1910 год? Да, в книге, изданной типографским способом, Берг не оказалось, но, может быть, в рукописном регистре найдется и ее имя?

Вот регистры за 1910 год. Одна толстая книга, в которой записаны мужчины, в другой — не менее толстой — женщины. Ох и тяжела же! С трудом кладу на стол, начинаю перелистывать листы разграфленной бумаги. Долго ищу на букву «Б». И вот, наконец, на странице 21-й нахожу, что искал:

«Имя: Берг Вильгельмина Кристина.

Профессия: бывшая экономка.

Год рождения: 1845.

Где искать: 24/2141».

Итак, фрёкен В. Берг оказалась Вильгельминой Кристиной Берг, бывшей экономкой, 1845 года рождения. Это значит, что в 1910 году, когда Ленин с матерью и сестрой жил у нее, ей было 65 лет.

Но что это за цифры в графе «где искать»? Спросил архивариуса. Он объяснил, что, указав эти цифры — шифр, можно получить дополнительные сведения о человеке, которого разыскиваешь.

Заполняя с помощью архивариуса специальный формуляр и с нетерпением жду. Принесли книгу записей жильцов в коммунае Оскар, в доме номер 17 по Каптенсгатан. Да, среди других квартирантов здесь жила Вильгельмина Кристина Берг. Она сдавала две комнаты жильцам. У нее жили: официант Аксель Валентин Юханссон и подлейтенант Адольф Лундгрен, изучавший артиллерийское дело в высшей инженерной школе.

Таким образом, можно считать установленным, что бывшая экономка Вильгельмина Берг, в двух комнатах которой в сентябре 1910 года жили Владимир Ильич, его мать и сестра, постоянно сдавала комнаты жильцам, содержала нечто вроде пансионата.

Владимир Ильич, как старожил, показывал город. Бродили по Страндвеген, сидели в сквере Кюнгстредсгорден, по улице Стургатан выходили к парку Хюмлегорден, в котором расположена Королевская библиотека. Марии Александровне город понравился. В письме дочери Анне она писала:

«Гуляем эти дни очень много, осматриваем город и окрестности: прелестные здесь скверы и парки, масса цветов, красивые фонтаны. Вчера сидели долго в одном парке, слушали музыку. Любовалась я, глядя на целый лес роскошных пальм, лучше тех, что видели в Крыму...»⁴

Ленин ходил заниматься в Королевскую библиотеку, изучал материалы о шведском сельском хозяйстве, о развитии кооперации в сельском хозяйстве других стран. Пять раз он расписался в книге посетителей в сентябре 1910 года, значит, по меньшей мере, пять вечеров провел он под сводами читального зала, выкроив их из своего напряженного бюджета времени.

25 сентября, проводив мать и сестру на корабль, Владимир Ильич выехал вечерним поездом в Копенгаген и на другой день был там. Кобецкий, видевший его в этот день (а может быть, и встречавший Ленина на вокзале), вспоминал, что Владимир Ильич выглядел очень грустным. Очевидно, чувствовал,

что виделся с матерью последний раз. Тогда, в 1910 году ей было 75 лет. Она умерла в 1916 году, совсем немного не дожив до победы того дела, которому ее сын посвятил всю жизнь.

ПРИМЕЧАНИЯ:

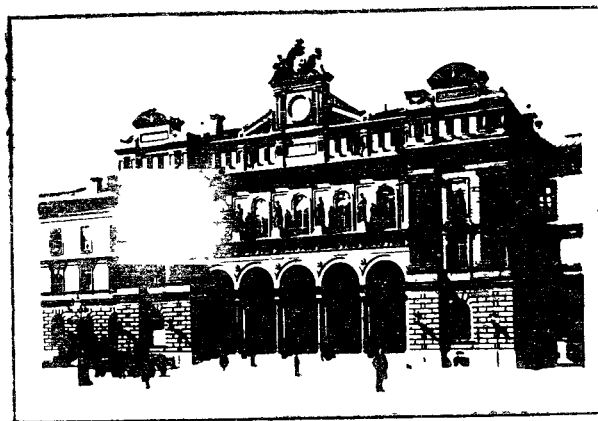
¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 55, стр. 316.

² Переписка семьи Ульяновых. 1883—1917 М., Политиздат, 1969, стр. 232—233.

³ Финляндский государственный архив. ККК, Ва 10.

⁴ Переписка семьи Ульяновых. стр. 234.

С П И С Ъ М О М Л Е Н И Н А

Как-то, сидя в читальном зале архива рабочего движения в Стокгольме, я просматривал подшивку кооперативного журнала «Вп» («Мы»). В двух первых номерах за 1952 год были опубликованы воспоминания старого шведского социал-демократа Густава Мёллера¹. Его рассказ вносит небольшой штрих в картину сотрудничества левых социал-демократов Швеции с большевиками в годы первой мировой войны.

В 1915 году 30-летний Мёллер работал в Стокгольме директором социал-демократического издательства «Тиден». Он был знаком с русскими эмигрантами-большевиками, жившими или приезжавшими в Швецию. Среди своих знакомых, в частности, он называет имена Коллонтай, Урицкого, Шляпникова.

В феврале 1915 года русские большевики попросили Мёллера поехать в Россию и отвезти чрезвычайно важное письмо. Он согласился. Официально Мёллер, как директор издательства, ехал заключать контракты в России с писателями и издательствами. Так было сообщено в российское посольство в Стокгольме, и он получил визу.

Опытный сапожник вложил письмо в стельку нового ботинка. Мёллер должен был приехать в Петроград, найти владельца корсетной фабрики Исидора Закса (или Сакса), проживавшего по улице Английская, дом 46, передать ему привет от Александра и вручить ботинки. Затем получить ответ и привезти его в Стокгольм.

Вечерним поездом Мёллер выехал в Хапаранду. На станции в Торнео российские таможенники проверили его багаж, и Мёллер пережил несколько неприятных минут. Но все сошло благополучно.

Вот и Петроград. Мёллер сошел с поезда, радуясь, что все идет хорошо, остается найти Закса и передать ему ботинки. Но уже на вокзале, предупрежденный русскими товарищами в Стокгольме, он стал оглядываться и заметил за собой слежку. Долго петлял по улицам, пока «хвост» не отстал. Нашел наконец нужный дом, поднялся на второй этаж, позвонил. Ему открыл какой-то бородатый человек. Мёллер, как было условлено, передал привет от Александра и хотел оставить картонку с ботинками. Но бородатый мужчина сказал, что никакого Александра не знает, и ботинки брать отказался.

Мёллер понял, что ему не доверяют. Он рассказал, что он шведский социал-демократ и приехал специально из Стокгольма только с этим поручением. Но никакие убеждения не помогали. Хозяин квартиры просил гостя уйти. Лишь под конец разговора он попросил зайти завтра, пообещав выяснить, не знает ли кто-нибудь из его родственников или знакомых Александра. Так Мёллер и ушел, унося пакет с ботинками с собой.

В номере гостиницы «Дагмара» он провел тревожную ночь. Может быть, он попал в западню к русской охранке? Ему уже чудились казематы Петропавловской крепости, допросы и прочие ужасы, о которых он читал в газетах. Он вздрагивал при каждом шорохе в коридоре, думая, что это идут за ним. Картонка с ботинками лежала под подушкой, не давала спать. Наконец занялось хмурое февральское утро. Мёллер встал, умылся и вышел на улицу.

В назначенное время, едва отделившись от филера, Мёллер снова пришел в дом на Английской улице. На этот раз бородатый мужчина был сама вежливость. Он взял пакет и попросил Мёллера вечером прийти за ответом на набережную Невы.

Мёллер понял, что русские товарищи наводили справки о нем и получили каким-то путем подтверждение. Иначе бы ему не поверили, и вся бы его поездка не имела смысла.

Вечером, прогуливаясь по набережной, Мёллер встретил бородатого мужчину. Тот передал ему книгу. Между строк ее невидимыми чернилами был написан ответ. Книгу Мёллер должен был доставить в Стокгольм.

Снова тревога на финской границе. Осмотр багажа. Но таможенники не обратили внимание на книгу, лежавшую на столике.

Лишь потом, через несколько лет Мёллер узнал, что он вошел в Петроград письмо Ленина.

В годы первой мировой войны переписку с заграничным бюро ЦК из Петрограда поддерживала сестра Владимира Ильича А. И. Елизарова. Она писала письма Ленину на книгах между строк «химическими» чернилами. В журнале «Пролетарская революция» были опубликованы несколько писем, написанных ею таким способом во время войны². В примечании говорится, что А. И. Елизарова посылала книги по почте или нарочными. Одним из таких гонцов и мог быть шведский социал-демократ Густав Мёллер.

В Москве, в кабинете В. И. Ленина Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС мне посоветовали проверить данные, сообщенные Мёллером. Ведь столько лет прошло, мог старый социал-демократ что-то забыть и перепутать.

И вот на мой стол легла толстая книга «Весь Петроград на 1915 год». Здесь есть список всех предприятий и жителей города. На странице 239 третьего раздела книги нахожу: «Закс Маркус Исак. куп. Англ. 25, тел. 7892. Корс. и бандажи. маст. и магазин»³. Значит, на Английской была корсетная мастерская (а не фабрика, как писал Мёллер), хозяином которой числился купец по фамилии Закс. Это уже частично подтверждает рассказ шведского социал-демократа. Но что же с номером дома? Мёллер определенно указывает, что он заходил в дом под номером 46, а не 25.

Смотрю книгу дальше и вижу: «Закс Сам. Маркус., Англ. 46»⁴. Значит, в доме 46 действительно проживал человек по фамилии Закс, и судя по его отчеству, он был сыном владельца корсетной мастерской Маркуса Закса.

Но кто принял письмо у Мёллера? Кто был мужчина с бородой, назначивший Мёллеру свидание на набережной?

В 53-м томе Полного собрания сочинений В. И. Ленина опубликовано письмо Владимира Ильича, в котором упоминается

фамилия Закса. В конце тома нахожу биографическую справку. Закс (Гладнев) С. М. — член большевистской партии с 1906 года, входил в Петербургскую партийную организацию, в 1911 году работал в редакции газеты «Звезда», позднее — в «Правде». Значит, это был именно тот Закс!

После Великой Октябрьской социалистической революции Самуил Маркович работал на разных партийных и хозяйственных должностях, в частности был заведующим иностранным отделом ТАСС⁵.

Умер он в 1937 году. Судьба больше не свела его с шведским социал-демократом Мёллером, который, уйдя на пенсию, вспомнил о поездке в 1915 году в Петроград и о встрече с русским революционером по фамилии Закс.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ «VI», 1952, № 1—2

² «Пролетарская революция», 1930, № 7—8 (102—103), стр. 190—191.

³ Весь Петроград на 1915 год. Отд. III, стр. 239.

⁴ Там же.

⁵ См.: В. И. Ленин Полн. собр. соч., т. 53, стр. 474.

Председательствующий на очередном заседании VIII конгресса II Интернационала объявил:

— Слово имеет представитель Финской социал-демократической партии Карл Харальд Вийк.

На трибуну поднялся молодой человек в овальных очках с металлической оправой. В зале сидело много известных социалистов, блестящих ораторов. Голос молодого человека сначала звучал тихо, потом он, оправившись от смущения, заговорил свободнее, громче. Его речь была обвинительным актом царизму, который грубо попирает права народа Финляндии, нарушал финляндскую конституцию¹.

В перерыв к Вийку подошел коренастый мужчина с короткими усами и бородкой. Вийк сразу его узнал: это был вождь русских большевиков Ульянов-Ленин.

Ленин крепко пожал Вийку руку, сказав:

— Нам надо поближе познакомиться. Возможно, пути наши еще сойдутся в будущем.

После этой, первой встречи Вийка с Лениным в Копенга-

гене в 1910 году пути финского социал-демократа и руководителя большевиков сходились не один раз.

Что это был за человек, Карл Харальд Вийк? Его имя я часто встречал в воспоминаниях шведских и норвежских левых социал-демократов, видел я его и в рапортах начальника жандармского управления. Несомненно, это был человек очень интересный, интеллигентный, искренний, горячий патриот своей родины — Финляндии и убежденный социалист. Таким его характеризуют товарищи.

Большая часть личного архива Карла Вийка хранится сейчас в Хельсинки, в государственном архиве. Среди других бумаг я обнаружил две автобиографии, написанные им в разное время.

Вийк родился в 1883 году. Будучи студентом, в 1901—1902 годах примкнул к революционному движению. В его архиве хранится несколько подпольных листовок за 1901 год, в которых, между прочим, сообщается о первом съезде РСДРП, состоявшемся в 1898 году, о борьбе русских революционеров против царизма². Сохранился и оригинал листовки, написанный рукой Вийка в 1905 году по-русски. Это было обращение студенческого забастовочного комитета к русским жителям Гельсингфорса. В нем говорится:

«Финляндские друзья свободы требуют свободы слова, печати, собраний и союзов, а также созыва народного собрания, в котором народ свободно сможет высказывать свои мысли и требования. Мы требуем, таким образом, то же самое, что требуют друзья свободы в России. Мы отнюдь не питаем никаких дурных намерений к русскому народу, который мы, финляндцы, любим и уважаем»³.

Вийк был знаком, как об этом свидетельствуют письма и другие документы из его архива, с русским большевиком В. М. Смирновым, шведскими социал-демократами Карлом Бёрессоном и Чарлзом Линдли, с людьми, которые в годы первой русской революции занимались транспортом нелегальной большевистской литературы в Россию. Издательство «Бьёрк и Бёрессон» регулярно высылало на его имя из Стокгольма «новинки литературы». В одном из писем издательство просит Вийка «для комиссионерской работы рекомендовать несколько энергичных и надежных людей»⁴.

Просматривая блокноты Вийка за 1904 год, в одном из них на последней странице я обнаружил списки почтовых отделений Финляндии, а на обложке какой-то подсчет отправлений

по почте⁵. Не был ли это подсчет отправленной нелегальной литературы?

Студента Вийка царские жандармы зачислили в разряд «подозрительных» и установили за ним слежку. Так, филер Сильде записал 22 декабря 1904 года в журнале наблюдения, что на железнодорожной станции около 6 часов вечера появился «известный Вийк с двумя господами».

На другой день в отчете филера вновь появляется фамилия Вийка.

А раньше, в апреле 1904 года, унтер-офицер Бувич докладывал, что на вокзал в Турку одну даму провожали Неовиус и Вийк. Они дали ей какие-то письма. Не иначе, дама ехала в Швецию, и с ней отправляли тайную корреспонденцию.

В годы первой мировой войны Карл Вийк был одной из главных фигур в организации транспортировки партийной литературы из-за границы через Швецию и Финляндию. Правда, вначале этим делом занимался один из руководителей профсоюза транспортных рабочих Швеции Чарлз Линдли, который так писал об этом:

«Вскоре после начала первой мировой войны из правления социал-демократической партии нас запросили, готовы ли мы оказать помощь в транспортировке нелегальной литературы в Финляндию и Россию. Так как мы и раньше занимались этим, то согласились»⁶.

Линдли сообщает, что по его поручению на севере Швеции, в Сескарё и Хапаранде было организовано несколько пунктов для пересылки русской нелегальной литературы. С шим держали связь Коллонтай и Шляпников.

Не всегда транспортировка шла гладко. Линдли рассказывает, что однажды зимой двое шведов — членов профсоюза транспортных рабочих вышли ночью из Сескарё, направляясь по льду к финскому берегу. Они надели белые халаты, санки с литературой были покрыты простыней. На финском берегу попали на казачий патруль и были посажены в тюрьму. К счастью, финским социал-демократам ночью удалось освободить пленников, и они благополучно возвратились в Швецию⁷.

С 1915 года руководство транспортом литературы берет на себя Вийк. Хорошим знакомым и другом его была А. М. Коллонтай. В его архиве хранятся письма Александры Михайловны, начиная с 1910 года. Именно Коллонтай в годы войны дала ему первое поручение. Об этом сам Вийк рассказывает в ста-

ть «Подпольная деятельность в годы мировой войны», сохранившейся в рукописи в одной из папок его архива:

«Александра Коллонтай, хорошо известная в Финляндии социал-демократка, жила в Христиании... Однажды я был в Норвегии, и она поручила мне передать в Петербург огромное количество приветов. Имя, адрес, пароль, без которого не будет доверия, само сообщение — все это надо было держать в памяти.

Я приехал в Петербург и передал все, что мне было поручено... Так начались мои подпольные связи с большевиками в годы войны»⁸.

Сотрудничал с Вийком в организации транспортировки русской большевистской литературы шведский социал-демократ Карл Чилбум. В своих мемуарах он пишет, что познакомился с Вийком в 1908 году, на съезде шведской социал-демократической партии.

В августе 1915 года в местечко Эстербю, где отдыхал после тяжелой болезни Чилбум, приехал Вийк. Он рассказал Чилбуму, что только что прибыл из Женевы, где Ленин дал ему задание восстановить надежную транспортировку литературы и людей через Швецию и Финляндию в Россию⁹. По рекомендации Цета Хёглунда связным Вийка в Швеции должен был стать Чилбум. Вийк информировал Чилбума о положении в российском рабочем движении, о взглядах большевиков и меньшевиков.

Чилбум работал в социал-демократическом издательстве «Фрам». Это облегчало пересылку большевистской литературы в Финляндию по почте под видом книг, вышедших в издательстве. В архиве Вийка хранятся несколько писем Чилбума на бланках издательства «Фрам». В одном из них от 9 августа 1916 года Чилбум сообщает о пересылке литературы Вийку¹⁰.

Поехав в Хапаранду, Чилбум наладил там с помощью местного социал-демократа Рённмарка транспортировку большевистской литературы и почты через шведско-финскую границу. В Финляндии все связи сходились к Вийку.

«Большей частью нам удавалось организовать нашу почту удовлетворительно, но ценой большого напряжения, — писал Вийк в своей статье. — Почта должна была пройти через множество передаточных пунктов. Проходило немало времени, пока письмо, спрятанное под одеждой женщины, покидающей Петербург, попадало в рюкзак лыжника, переходившего границу на севере Финляндии. Требовалось время, чтобы брошю-

ры, прибывавшие из-за границы и так ожидаемые в России, достигли Петербурга. Но все же они достигали цели.

Однажды я получил от Александра* открытку из Петербурга:

«Масло получили, оно отличного качества. Сердечно благодарим».

Тогда был запрещен экспорт масла, но к счастью, цензура не заметила или не обратила внимания на содержание открытки, и я избежал суда за спекуляцию маслом.

Транспорт литературы продолжался до тех пор, пока не пал царизм, и я надеялся, что эта литература ускорит его падение. Потребности, конечно, не покрывались, хотя «Социал-демократ»**, «Коммунист»*** и многочисленные брошюры, прибывавшие в каждой партии десятками, распространялись по всей России.

Много писем и документов шло из России за границу. Это были отчеты о деятельности партийных организаций и положении в стране, тайные официальные документы, разоблачавшие преступную деятельность правительства.

Все участники транспортировки рисковали Сибирью...

Однажды Ленин в письме ко мне, специально посвященном транспортировке литературы через Финляндию, написал, что финны обладают большим талантом конспирации. Я воспринял эти слова как похвалу в целях поощрить работу, но после некоторого времени, когда я приобрел большое количество помощников в различных концах страны, я должен был признать правоту слов Ленина. Много раз я поражался находчивости, мужеству и хладнокровию, с которыми делали свое дело люди из народа, наверняка никогда не занимавшиеся этим раньше»¹¹.

Вийк условился с Чилбумом, что каждый, кто прибудет к нему из России или из-за границы, должен прежде всего сказать пароль: «Привет от Ольги». Для особо важных сообщений был установлен цифровой шифр. Например, рассказывал Чилбум, если стояли цифры 16, 5, 12, то это означало, что надо

* От Шляпникова А. Г.

** «Социал-демократ» — нелегальная газета ЦК РСДРП, издавалась с февраля 1908 года по январь 1917 года. С декабря 1911 года редактировалась В. И. Лениным. В ней опубликовано более 80 статей и заметок Ленина.

*** «Коммунист» — журнал, основанный В. И. Лениным. Издавался в 1915 году в Женеве; вышел один (сдвоенный) номер.

искать 12 букву на 5 строке на 16 странице шведской книги Беллами «Взгляд в прошлое»¹².

«Много времени нужно было затратить, чтобы составить такое письмо,— писал Чилбум.— Безусловным правилом было сжигать все письма о нелегальной деятельности, все адреса, номера телефонов держать в памяти, не доверяя бумаге»¹³.

Много энергии отдавал тайному транспорту Вийк. Он должен был помнить десятки паролей, адресов, имен. Ему приходилось при переписке пользоваться невидимыми чернилами, разными шифрами, конвертами, на которых называлось не то содержание, которое в них было, и другими атрибутами нелегальной транспортировки¹⁴.

В одной из папок в архиве Вийка сохранилась копия его письма губернатору от 17 августа 1916 года, в котором он просит разрешения посетить пограничный район Торнео «для обследования рабочих организаций». На этом документе рукой жены Вийка Анны Вийк позднее было написано: «Главной его задачей было организовать транспорт нелегальной русской литературы, чем в военные годы Карл Вийк занимался много»¹⁵.

Карл Чилбум дает такую характеристику Вийку:

«Он был не только социалистом в лучшем смысле этого слова и человеком высокой морали, но и прекрасным подпольщиком. Молчаливый, осторожный, точный до педантичности, способный к языкам, экономный, хороший организатор, он вполне заслужил оценку Ленина, когда мы с Вийком встретили его летом 1917 года на съезде Советов в Петрограде*. Мы обсуждали вопрос о восстановлении большевистской транспортной линии через Швецию — Финляндию в случае победы в России контрреволюции. Ленин дал Вийку полную свободу действий, так как, по его словам, он такого надежного подпольщика больше не встречал»¹⁶.

Чилбум рассказывает, как после заседаний съезда, вечером, они с Вийком разговаривали с Лениным в редакции газеты «Правда»:

«Это был короткий разговор. Ленин извинился, что у него мало времени. Назревал тяжелый политический кризис: вскоре после съезда реакционеры пытались спровоцировать рабочих и матросов на выступление, чтобы задуть революцию... Ленин

* Вероятно, на заседаниях Первого Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов, который состоялся в Петрограде 3(16) — 24 июня (7 июля) 1917 года.

был спокоен и мужествен. Большевики возглавили демонстрацию и спасли массы от провокации. Но Ленину осенью пришлось уйти в подполье...

Прежде чем мы простились с Лениным, Вийк сообщил ему, какие возможности связей через границу существуют в Финляндии. Ленин был удовлетворен ответом. Когда Ленин протянул руку для прощального пожатия, Вийк спросил:

— Когда открывается Учредительное собрание? Будет какой-нибудь толк из него?

Ленин развел руками:

— Не ждите ничего от Учредительного собрания, а также и от нынешнего съезда. Расскажите рабочим Западной Европы, что Керенский и генералы готовят контрреволюцию»¹⁷.

К сожалению, подробных воспоминаний самого Карла Вийка о его встречах с Лениным мне читать не пришлось. Я не слышал, чтобы они были изданы. Но он был действительно очень аккуратным, даже пунктуальным человеком, ежедневно вел дневник, записывая все события, все встречи. Только вел он свой дневник ему одному известным шифром. Я перелистывал несколько блокпотов-дневников Вийка, сохранившихся в его архиве, пытался понять, о чем идет речь, но — увы — мне это было не под силу. Встречаются русские, финские, шведские сокращенные слова, цифры — словом, чтобы расшифровать его дневники, нужно не только знать все три этих языка, но и еще найти ключ к шифру. А расшифровать его дневники было бы очень заманчиво.

В архиве рабочего движения в Стокгольме я как-то спросил архивариуса Пера Линда, нет ли в фондах каких-нибудь документов Карла Вийка. Он, по обыкновению, пропал в подвале, а потом принес мне несколько бумажных папок. Я раскрыл первую. Это был дневник Карла Вийка с 5 апреля 1917 по 2 марта 1918 года, расшифрованный им самим!

На первой странице Вийк пишет, что записи им делались на отдельных бумажках и блокнотах ему одному известным шифром и стенографическими знаками. Накануне взятия белыми Гельсингфорса в 1918 году он послал свои записи в Стокгольм с финскими коммунистами, откуда они были переправлены в Советскую Россию. Позднее по его просьбе дневники доставили ему в Финляндию, и он хранил их в сейфе одного из банков Хельсинки. Там они лежали до осени 1939 года. Предвидя угрозу ареста, Вийк решил переписать дневники начисто и, внося в них некоторые добавления, отпечатал 3 экземпляра

на машинке. Один из них он предназначал для финляндского государственного архива, второй — для архива рабочего движения в Хельсинки и последний — для архива рабочего движения в Стокгольме.

Я не знаю, сумел ли передать Вийк текст расшифрованных дневников в архивы Хельсинки. Во всяком случае я несколько раз бывал в этих архивах, и мне ни разу не сказали о существовании в фондах его дневников. Боюсь, что сохранился только тот экземпляр, который он переслал в Швецию.

Ниже я цитирую в своем переводе со шведского лишь те записи из дневника Вийка, которые имеют отношение к революции в России и к встречам с Лениным.

«9 апреля 1917 года, понедельник. Александра Коллонтай прибыла утренним поездом. Выступала в финском и русском театрах.

29 апреля, воскресенье. Выехал в Петроград в 10-30 утра.

30 апреля, понедельник. Говорил с Лениным, который считает, что движение за независимость Финляндии выросло в результате сопротивления Временного правительства. Спрашивал, имеют ли большинство оппортунисты у нас в партии и нельзя ли организовать почту через Торнео. Просил меня приехать в Петроград перед поездкой в Швецию*. (Добавление 1939 года. Я помню, как его вопросы падали быстро, неожиданно, и он, как видно, был доволен ответами. Между прочим он спрашивал, как мы относимся к нынешнему правительству.)

1 мая, вторник. Выступал на первомайском митинге в Дьюргордене в Гельсингфорсе, в речи рассказал о разговоре с Лениным...

5 мая, суббота. Хенриксон едет на большевистский съезд**, я передал с ним привет Ленину...

...Туркиа*** рассказывал о своей поездке в Петроград. Меншевистский председатель**** был очень незнающ, спрашивал, почему бы нам, финнам, не участвовать в Учредительном собрании... Меншевики не решились сказать русской общественности о стремлении к независимости в Финляндии... Туркиа выступал

* Вийк должен был поехать в Стокгольм на III Циммервальдскую конференцию, открытие которой было назначено на май 1917 г.

** Вероятно, имеется в виду седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б), состоявшаяся 24—29 апреля (7—12 мая) 1917 г.

*** Финский социал-демократ.

**** По-видимому, председатель Исполкома Петроградского совета меньшевик Н. С. Чхеидзе.

перед большевиками... Они сказали, в том числе Ленин, что мы должны начать открытую борьбу, написать манифест, направленный против русского правительства. Мы с вами, сказали они, так как верим вам... Пишите манифест, не реферат. Разоблачите то, что говорил Керенский.

Плеханов высказался за, хотел вскоре позвонить в правительство: «Должны же вы получить независимость». Два дня позднее: «Вы получите независимость, но не сейчас, ибо это повредило бы революции. Польша? Она не принадлежала нам, с таким же успехом мы могли бы предоставить независимость Луне. Подождите до Учредительного собрания».

8 мая. Выехал вместе с Сирола в Швецию...

20 июня. Вместе с переведенной мною на русский язык резолюцией социал-демократического съезда о положении в Финляндии еду в Петроград. Вместе с финскими делегатами ехал Карл Чилбум.

24 июля, вторник. Мария Выговская здесь с сообщением от Ленина...

21 августа, вторник. В полчетвертого был у Ровио, который просил меня съездить за русским. (1939 год. Эти записи, намеренно тайные, касаются Ленина. Он тогда был некоторое время где-то на Карельском перешейке, а затем его перевезли в Лахти, где он жил сколько-то времени в местной конторе «Тюёмиес»*. Я поехал туда. Не сразу узнал его, так он был загримирован... Ленин в вагоне сел у окна, я прикрыл оконной занавеской его, будто он спит, взял его билет и подался вперед, чтобы кондуктор не мог его увидеть... Мы без приключений прибыли в Керава, где пересели в пригородный поезд. На нем мы приехали в Мосабака, откуда шли пешком до Мальм. Когда кто-нибудь к нам приближался, мы переходили с немецкого на французский язык. Немецкий мы признали запрещенным. Наконец, мы дошли до моего дома в Мальм, где Ленин провел сутки. Я даже моей матери не сказал, кто был. Только позднее намекнул, что это был человек, о котором много говорят, и тогда она догадалась. У меня он осмотрел мою французскую библиотеку, которая почти целиком состояла из художественной литературы. Одну книгу он выбрал и читал).

22 августа, среда. Прибыл с русским.

23 августа, четверг. В 9 часов в Гельсингфорсе с рукописью Ленина к Ровио, который должен послать ее дальше, в Петро-

* Орган социал-демократической партии Финляндии, газета «Тюёмиес».

град... В половине одиннадцатого — в город с Лениным. (1939 год. Мы сошли в Дьюргорден, где тогда была платформа, и пошли пешком к Ровио, который жил у Сёрнэс Страндвэг, в одном из крайних домов от площади Хагнэ. В течение последующих дней Ленин жил у Ровио, постоянно писал статьи и письма с распоряжениями и советами своим товарищам в Петрограде и Стокгольме... Я часто посылал его корреспонденцию. Через короткое время он переселился к Усениусу в Тёлё, потом к другому финляндскому социал-демократу в том же районе. Оттуда он уехал в Выборг. Редко выходил он на улицу... Несколько раз мы гуляли вместе, говоря по-французски. Посреди железнодорожной площади, когда никого не было поблизости, он заговаривал снова по-немецки. Ленин классически говорил на этом языке. Я покупал ему русские газеты на железнодорожной станции).

24 августа, пятница. В 10 часов проводил Ленина к фру Усениус.

25 августа, суббота. Купил продуктов для Ленина.

4 октября, четверг. Конрад Лехтимяки прибыл из Стокгольма с письмами от тамошних русских Ленину. Хорошие новости: общее развитие в Германии полевело. В Стокгольме русские собрали материал, который опровергает обвинения в связи с 3—5 июля*. Ленин знал, что Александра Коллонтай и Козловский не согласились с главным свидетелем Алексинским... В 8 часов был у Ровио, где был Ленин, который собирается вскоре ехать в Выборг, а оттуда, возможно, в Петроград.

6 октября, суббота. Осмотрел почтовый ящик. (1939 год. В народном доме был почтовый ящик, куда должны были прибывать на мое имя письма из Торнео.) Ничего не нашел.

10 октября, среда. Ровио передал мне русские бумаги для пересылки в Швецию.

11 октября. Рахья** здесь.

12 октября. Взял в таможне в 2 часа 10 пакетов.

15 октября, понедельник. Отослал письмо Члбуму. Послал

* Временное правительство обвинило Ленина в государственной измене, объявив его немецким шпионом

** Э. А. Рахья (1886—1936) — член партии с 1903 года. Активный участник революционного движения в России и в Финляндии. В августе 1917 года принимал активное участие в конспиративной переправке В. И. Ленина, скрывавшегося от преследований Временного правительства, в Финляндию и затем в октябре обратно в Россию.

статью в «Тюёмиес». Прочел письмо Ленина и положил его в пакет, который Сундберг на следующий день должен отослать Свл.

19 октября. Ад. (Адам Лааконен в Кеми) сообщил об отправке пакета Свл.

10 ноября. Прибыли Дашкевич (член Петроградского ревкома), Шотман* и Рахья. Шотман рассказывал, что в Петрограде была тяжелая борьба, ситуация еще серьезная. Керенский, возможно, пойдет на сговор с Корниловым. Но мы надеемся разбить его... Пять армий уже сообщили, что поддерживают нас...

13 ноября. Перевел русский декрет о мире для Смирнова. Он хочет отослать его в Швецию и отпечатать на немецком языке.

Ночью уже читал корректуру манифеста на немецком языке. Один матрос сегодня должен забрать декрет, он будет послан в Петроград для дальнейшей переправки на фронт.

27 декабря, четверг. В 4 часа в Смольном разговаривал с Лениным...

Этот дневник, несмотря на его краткость и отрывочность, представляет значительный интерес. Он дает возможность установить некоторые подробности пребывания В. И. Ленина в Финляндии во время его последнего подполья.

В нашей литературе принято считать, что Владимир Ильич выехал в Финляндию 22 августа по новому стилю, 30 сентября он переехал из Хельсинки в Выборг, а 20 октября возвратился в Петроград. Эти даты установлены по воспоминаниям людей, встречавшихся в те дни с Лениным, а также по различным документам.

Дневник К. Х. Вийка — живое свидетельство человека, участника событий. Этому свидетельству нельзя не верить, тем более что каждый день в дневнике расписан буквально по минутам. И все же даты, которые указывает Вийк, расходятся с теми, что были названы выше. Так, он пишет, что Ленин в Хельсинки прибыл уже 22 августа. А ведь до этого Владимир Ильич жил еще в Ялкала и в Лахти. Здесь явно какое-то несоответствие. Не мог допустить Вийк ошибку в 1939 году, когда расшифровывал через 22 года свои дневники? В записной книжке за 1917 год могли быть указаны только числа по старому стилю (Финляндия тогда входила в состав Российской империи, и не

* А. В. Шотман — профессиональный революционер. В августе 1917 года по заданию ЦК организовывал переезд В. И. Ленина в Финляндию и заботился о его безопасности.

исключено, что Вийк пользовался старым стилем). В 1939 году, расшифровывая дневник, Вийк мог указать дни недели по новому стилю, передвинув все события, таким образом, на 13 дней вперед.

Это конечно, только предположение, которое может быть проверено, когда будут расшифрованы сами дневники Вийка, хранящиеся в Государственном архиве Финляндии.

Так или иначе, Ленин выехал из Лахти (вероятно, по старому стилю) 22 августа и ночь на 23 августа провел в доме Вийка. В половине одиннадцатого утра 23 августа Владимир Ильич выехал с Вийком из пригорода Мальм в Хельсинки и поселился на квартире социал-демократа Густава Ровио. Его квартиру товарищи считали наиболее безопасной потому, что Ровио, сочувствовавший русским революционерам, в то время исполнял обязанности полицмейстера финской столицы. Где-где, а на квартире полицмейстера ищейки Керенского искать Ленина могли в последнюю очередь!

Подпольщики нашли недостаточно безопасной и квартиру Ровио. Поэтому Владимиру Ильичу пришлось отсюда переселиться на квартиру социал-демократа Усениуса, а потом — к машинисту Блумквисту. Но когда Ленин переселился к Усениусу? 23 августа Вийк записал в своем дневнике, что в течение последующих дней Ленин жил у Ровио, а через короткое время он переселился к Усениусу. На другой же день, 24 августа, Вийк записывает: «В 10 часов проводил Ленина к фру Усениус». Выходит, Ленин ночевал в этот раз на квартире Ровио только одну ночь. Или он вернулся от Усениуса обратно, а потом уже перебрался к ним? Это, к сожалению, не ясно.

Зато вносит ясность дневник Вийка в установление даты отъезда Ленина в Выборг. Владимир Ильич уехал из Хельсинки после 4 октября, ибо Вийк в этот день записал в дневнике, что встретил у Ровио Ленина, «который собирается вскоре ехать в Выборг, а оттуда, возможно, и в Петроград».

Дневник свидетельствует, что Вийк и после Февральской революции продолжал заниматься транспортировкой большевистской литературы, а в дни ленинского подполья обеспечивал бесперебойную связь Владимира Ильича с Петроградом и заграничным бюро нашей партии в Стокгольме.

Вийк дает убийственную характеристику Керенскому и другим деятелям Временного правительства и соглашательских партий, показывает, что только Ленин, только большевики остались верными провозглашенному в программе РСДРП ло-

зунгу права наций на самоопределение и готовы были предоставить Финляндии независимость. Ни Керенский, ни меньшевики сделать этого не хотели.

Карл Вийк не случайно торопился переслать свои дневники в 1918 году в Швецию и в нашу страну. В дни разгула белого террора в Финляндии он был привлечен к суду как один из «руководителей красных»¹⁸, и записи его не только могли стать дополнительным компрометирующим материалом, но и совершенно пропасть.

Не напрасно спешил расшифровать Карл Вийк свои дневники в 1939 году и передать расшифрованный текст в архив. «В дни второй мировой войны Вийк оказался в рядах той части финской социал-демократии, которая нашла в себе достаточно смелости и принципиальности, чтобы поднять знамя борьбы против фашистских приспешников Германии, — писал И. М. Майский, знавший Вийка с 1910 года. — Вийк был заключен в тюрьму, и только советско-финское перемирие 1944 года вернуло ему свободу»¹⁹.

Здоровье Вийка было подорвано в тюрьме, и он умер вскоре после окончания войны, в 1946 году.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ И. М. Майский. Путешествие в прошлое. М., Изд-во Акад. наук, 1960, стр. 186.

² Финляндский государственный архив. Архив К. Х. Вийка, № 25.

³ Там же, № 6/11—3.

⁴ Там же, № 25.

⁵ Там же.

⁶ Charles Lindley. Svenska transportarbetareförbundets historik, I, Stockholm, 1943, s. 338.

⁷ Там же, стр. 339.

⁸ Финляндский государственный архив. Архив К. Х. Вийка, № 29/4.

⁹ Karl Kilbom. Ur mitt livs äventyr, Stockholm, 1953, s. 217.

¹⁰ Архив К. Х. Вийка, № 29/2.

¹¹ Там же, № 29/4.

¹² Bellamy. Återblik.

¹³ Karl Kilbom. I hemligt uppdrag. Stockholm, 1954, s. 82.

¹⁴ Архив К. Х. Вийка, № 29/4.

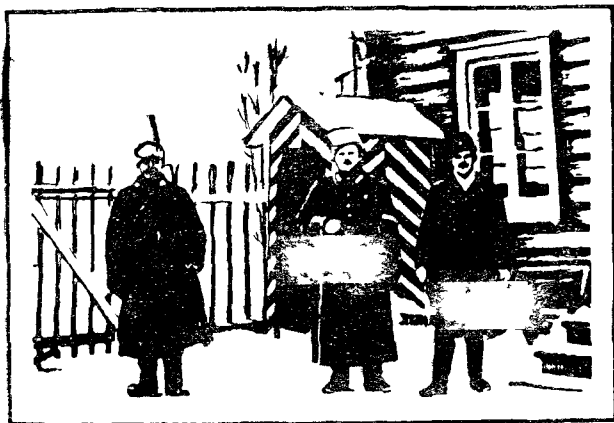
¹⁵ Там же, № 6(11)4.

¹⁶ Karl Kilbom. Ur mitt livs äventyr, s. 218.

¹⁷ Karl Kilbom. I hemligt uppdrag, s. 160—161.

¹⁸ "Svenska tidningen", 17. 03. 1919.

¹⁹ И. М. Майский. Путешествие в прошлое, стр. 188.

Каторга и смертная казнь — вот что грозило подпольщикам за хранение и распространение большевистской литературы в годы мировой войны. Ежедневно рискуя жизнью, сотни незаметных героев занимались транспортировкой работ Ленина и другой большевистской литературы из-за границы в Россию. Подлинные имена их по соображениям конспирации скрывали. Многие из них умерли, так и оставшись неизвестными.

В статье Карла Вийка «Подпольная деятельность в годы мировой войны», которая хранится сейчас в его бумагах в Финляндском государственном архиве, рассказывается об одном эпизоде из жизни финских подпольщиков, которые занимались транспортировкой большевистской литературы через шведско-финскую границу в Торнео. Финн по имени Эрки Р. часто переходил границу с грузами брошюр и газет. Однажды он был задержан жандармами. Его посадили в полицейский участок, но он бежал ночью в одном белье. Дело было зимой. Двое стражников преследовали его по льду реки Торнео, но не догнали. Он скрылся на шведском берегу.

Мне хотелось узнать подробности этого события. Кто был этот подпольщик? При каких обстоятельствах его схватили? Какую литературу он вез? Долго я не мог найти никаких следов. Наконец, мне в руки попала книга Карла Чилбума «По тайному заданию»; там было опубликовано письмо социал-демократа А. Ф. Рённмарка, имя которого есть в адресной книге ЦК РСДРП¹. Он писал Чилбуму из Хапаранды:

«Осенью 1915 года в Хапаранду прибыли ты и другой друг по партии для переговоров о транспортировке литературы через границу в Финляндию и установлению курьерской службы. Получателем было руководство социал-демократической партии в Хельсинки, которое перепаковывало литературу и переправляло ее дальше в Россию.

Социал-демократическая организация в Торнео рекомендовала нам подходящего человека, который взялся принимать и переправлять через границу пакеты с литературой. Они поступали ко мне и перевозились из Хапаранды по льду в Торнео. Для маскировки тот человек одевался во все белое, а санки закуты-вал простыней. Несколько месяцев все шло хорошо, но однажды стражники на финском берегу увидели движущийся по льду предмет. В результате финн Л. был схвачен и посажен на три месяца под арест. Потом ему удалось бежать. Он разыгрывал сумасшедшего, бегал по камере. Как-то вечером он попросился на улицу. Было 10 часов вечера, на улице трещал мороз в 35 градусов. Финн был без пальто. Стражники решили, что куда он, сумасшедший, в одной рубашке не денется и не пошли впереди него, как обычно. А финн побежал. Ему удалось скрыться от своих преследователей и перейти реку. Потом у меня на квартире его одели, обули, дали лыжи, и он продолжал путь на рудники, где у него были знакомые. Три года спустя он снова был у меня, на этот раз по пути в Финляндию...»²

Прочитав письмо, я написал А. Ф. Рённмарку, прося более подробно рассказать об этом случае и сообщить полное имя финна. Ответа не было. Позднее я узнал, что Рённмарк уже не было в живых. Карл Вийк называл финна, задержанного на границе, Эрки Р., а Рённмарк — Л. Может быть, они писали о разных людях? Но уж очень совпадают обстоятельства задержания и побега.

Как-то, просматривая одну из папок жандармского архива в Хельсинки, я натолкнулся на разрешение загадки. В папке были документы Торнеоского жандармского отделения за годы первой мировой войны. Помощник начальника Финляндского

жандармского управления по Торнеоскому пограничному району подполковник Нечогин в рапорте в Гельсингфорс генерал-майору Еремину доносил, что в ночь на 19 декабря 1915 года на границе задержан житель Торнео Эрик* Юрье Руонала (он же Лаксо) с санками, на которых были четыре пакета нелегальной русской социал-демократической литературы. Руонала, увидев стражников, лег на снег и прикрылся простыней. Стражники ехали в саних и ничего не замечали. Но лошадь почуяла в снегу человека и начала пугливо жаться в сторону. Стражники заподозрили неладное и начали искать в сугробах поблизости. Руонала вскочил и побежал, но его догнали на лошади и схватили.

К рапорту приложен протокол допроса задержанного. Из него явствует, что Эрик Юрье Руонала родился 8 декабря 1883 года в деревне Лаутио-Саари Кемского уезда Улеаборгской губернии, имеет начальное образование, член социал-демократической партии Финляндии. Арестованный препровожден в тюрьму под ответственность полицмейстера города Торнео Акселя Меларта³.

Таким образом, и Вийк и Рёнимарк были правы: имя подпольщика могло начинаться и с «Р» (Руонала) и с «Л» (подпольная кличка — Лаксо).

10 января 1916 года по требованию генерала Еремина Нечогин высылает опись литературы, обнаруженной в пакетах. Это были:

1. Брошюра «Социализм и война» Н. Ленина, издана РСДРП в Женеве в 1915 году — 93 экземпляра.

2. Журнал «Коммунист» Российской социал-демократической партии, № 1—2 — 47 экземпляров.

3. Газета «Социал-демократ», № 47 за 13 октября 1915 года — 278 экземпляров.

4. Та же газета, № 48 за 20 ноября 1915 года — 231 экземпляр⁴.

Начальник жандармского управления приказал Нечогину выслать все документы, вещественные доказательства, а также по два экземпляра каждого издания в Гельсингфорс для пересылки в петербургский суд, в котором предполагалось слушание дела о транспорте нелегальной большевистской литературы через границу. Руонале грозила расправа по законам военного времени.

* По-фински — Эрки.

И вдруг... Здесь же подшит рапорт унтер-офицера Якова Каппина, в котором он сообщает, что в ночь на 25 января во время его дежурства на пограничном посту № 1 из-под стражи сбежал арестованный Руонала⁵.

В тот день Нечогина не было в Торнео. Возвратившись на другой день, он получил строгое предписание генерала Еремина и произвел расследование с целью розыска беглеца и выяснения соучастников. Полицейстер Аксель Меларт показал, что арестованного в ту ночь сопровождали на прогулку сторож Эмиль Хакцель и чернорабочий Эрки Варнула. Руонала был одет только в нижнее белье и войлочные туфли. Когда он неожиданно бросился бежать со двора полиции, они побежали за ним, но не могли догнать, и он скрылся в темноте⁶.

Подполковник Нечогин допросил сторожа и чернорабочего, подозревая их в соучастии побегу. Но подозрения оказались напрасными. Сторож Эмиль Хакцель двадцать шесть лет служил верой и правдой в Торнеоском полицейском управлении и не имел замечаний. Кроме того, он был известным человеком в городе, пользовался доверием бургомистра и присутствовал на заседаниях городского магистрата. Хакцель держал извоз. Один из его рабочих, Эрки Варнула и помогал ему в ту ночь охранять арестованного. 23-летний Эрки-Вильхо Варнула не добавил при допросе ничего нового.

Нечогин послал в Хапаранду своих агентов выяснить, где мог остановиться на ночь Руонала, поставил вопрос о выдаче беглеца перед шведскими властями, но все было безрезультатно. Руонала скрылся. И Нечогину ничего не оставалось делать, как писать розыскную ведомость на Руонала, которая пошла во все жандармские участки страны с предписанием немедленно задержать разыскиваемого преступника, как только он появится.

Из розыскной ведомости я узнал некоторые подробности о Руонале. Оказывается, он работал в экспедиционной конторе «Ларс Крогиус» в Хапаранде, жил в Торнео на квартире у портного Гранлунда, на Большой средней улице. Он был сухощавым, мускулистым человеком ниже среднего роста, имел скуластое лицо, узкие серые глаза, длинные белокурые волосы и такие же усы⁷.

Розыск, конечно, ничего не дал. Руонала, как писал Рёнимарк, жил в это время в Швеции, где-то в районе рудников возле Кируны, и в Финляндию вернулся только в 1918 или даже в 1919 году.

Я написал друзьям из Общества «Финляндия — Советский Союз» в Торнео, попросил выяснить, как сложилась судьба Руоналы. Но, как я понял из пришедшего вскоре ответа, ничего определенного они не знали. По слухам, он уехал после победы контрреволюции в Америку и умер там*. Но старое здание тюрьмы сохранилось, цел и дом портного Гранлунда, у которого жил Руонала до ареста.

Я решил закончить на этом очерк. Но вдруг получил из Торнео телеграмму, а потом большой пакет. Друзьям удалось найти в Кемпи племянницу Руоналы, взять у нее интервью, несколько писем Руоналы к ней, а также фотографию Руоналы. Племяннице Руоналы семьдесят четыре года, ее зовут Хульда Никконен. В 1915 году, когда Эрки сидел под арестом в Торнео, она несколько раз посетила его и вместе с Рёнимарком участвовала в подготовке побега. Как она говорит, смертный приговор Руонале был уже вынесен, и его ожидала виселица. Поэтому единственным спасением для него был побег. К нему он начал тщательно готовиться. Попросил Хульду принести теплое белье и шерстяные носки, в которых можно было бы убежать. Когда Хульда пришла с носками и бельем, Эрки разыгрывал сумасшедшего, чтобы ослабить бдительность стражников, и это ему удалось.

Из Хапаранды Руонала бежал в Норвегию, затем возвратился в 1918 году в Швецию. Хульда сохранила письмо Руоналы из Швеции, в котором он, между прочим, называет пришедших к власти в Финляндии белых убийцами и высказывает радость по поводу развития революционных событий в Германии, Австрии, Венгрии и в других европейских странах.

Руонала вернулся на родину только после того, как волна белого террора стала спадать. Он оставался членом социал-демократической партии до конца своих дней. Умер он рано, в возрасте сорока четырех лет, в 1927 году.

Деревушка, в которой родился и вырос Руонала, расположена в десяти километрах от города Кемпи. Здесь сохранился его дом.

* В январе 1918 года в Финляндии произошла рабочая революция и к власти пришло революционное правительство — Совет Народных Уполномоченных. Буржуазия Финляндии, опираясь на прямую военную помощь Германии и Швеции, развязала гражданскую войну. Она закончилась победой контрреволюции и белым террором, в результате которого погибли десятки тысяч финских рабочих.

Таким образом, следы подпольщика, осужденного к смертной казни за транспортировку большевистской литературы, нашлись через полвека.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ «Исторический архив», 1959, № 3, стр. 41.

² Karl Kilbom. I hemligt uppdrag, Stockholm, 1954, s. 100.

³ Финляндский государственный архив, S 8, № 13.

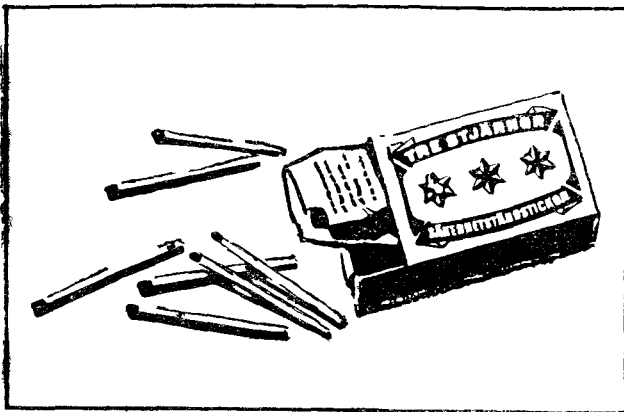
⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

ШВЕДСКИЕ СПИЧКИ

В октябре 1966 года шведская газета «Дагенс нюхетер» опубликовала статью, в которой говорится, что, как стало известно из архивных документов шведского генерального штаба, к военным властям Швеции в начале октября 1915 года обратился с протестом посол царской России в Стокгольме Неклюдов. Из Петербурга ему сообщили: у возвратившихся через Швецию военнопленных русских солдат обнаружены «газеты предосудительного содержания», которые якобы солдатам раздавали в вагонах сотрудники шведского Красного Креста.

Через две недели Неклюдов писал, что распространение большевистской литературы получило среди возвращающихся домой военнопленных еще большие размеры.

Как оказалось, газеты и листовки распространяли не только сотрудники Красного Креста. На всем пути следования эшелонов с военнопленными по Швеции в вагоны заходили молодые шведы и русские большевики. Они раздавали солдатам большевистскую литературу, которая расходилась с ними по всей России¹.

Об одном случае задержания такой литературы на границе

в Торнео сохранились документы в жандармском архиве в Хельсинки. 11 февраля 1916 года подполковник Нечогин, злой после взбучки, которую он получил от генерала за побег Руоналы, рьяно проверял багаж приехавших из Швеции пассажиров. У бежавших из плена солдат Василия Коробова, Густава Рида, Федора Лосича и Якима Забродацкого Нечогин обнаружил больше коробки шведских спичек.

Это жандарму показалось подозрительным. Денег у солдат не было, откуда они могли взять спички? Нечогин вытащил спички из одной коробки, и обнаружил на дне нечто более горячее и взрывчатое: большевистские прокламации, аккуратно свернутые и закрытые сверху папиросной бумагой. Отобрав все коробки, Нечогин нашел в каждой из них по 16 прокламаций явно «предосудительного содержания». Прокламации заканчивались словами: «Народ и солдаты, требуют немедленного мира!» Подполковник задержал солдат и допросил, откуда они взяли спички. Солдаты сообщили, что спички получили от пассажира, который ехал тем же поездом из Стокгольма.

Нечогин арестовал неизвестного пассажира, распространявшего большевистские прокламации. Арестованный ехал с женой и двумя детьми. Он назвался поляком Валентином Тыгельским, уроженцем деревни Ратае Супецкого уезда Калишской губернии. Тыгельский на допросе рассказал, что работал батраком у помещика Тулкуо, около города Носково. В 1906 году уехали вместе с группой других крестьян на заработки в Данию. Там тоже батрачил, переходя от одного помещика к другому. В Дании в 1912 году женился на австрийской подданной Стефании. В 1916 году датские власти выселили Тыгельского с женой и детьми. И вот он здесь.

А что касается спичек, то это было так. В Стокгольме на вокзале, когда они ожидали поезда на Хапаранду, к Тыгельскому подошел неизвестный мужчина лет тридцати, брюнет, с небольшими усами, одетый в черное осеннее пальто и черный котелок. Он по-русски спросил Тыгельского, куда он едет. Узнав, что в Россию, неизвестный ушел. Уже когда поезд отходил, он передал Тыгельскому пакет со спичками, попросив раздать их солдатам. Тыгельский так и сделал. Одну коробку он оставил себе².

Судя по описанию Тыгельского, неизвестным мог быть Я. С. Ганецкий, видный деятель польского и русского революционного движения, живший тогда в Стокгольме. Он был знаком с Лениным и весной 1917 года играл активную роль в подго-

товке проезда Владимира Ильича через Швецию в революционную Россию.

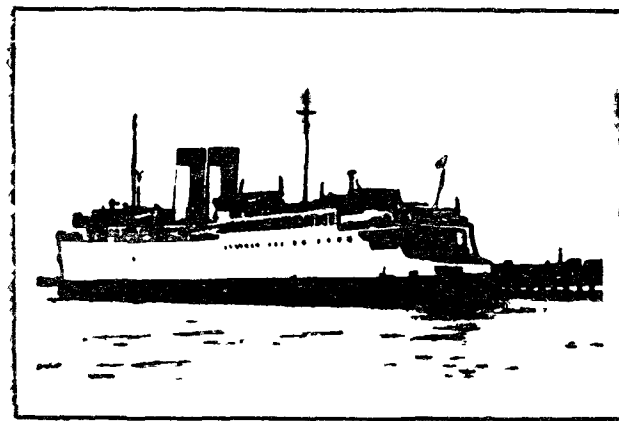
Тыгельский совсем не был похож на большевистского агитатора. Он сам не мог прочесть прокламации, ибо был неграмотным. Несмотря на это, Нечогин арестовал поляка, передав дело о нем в военный суд. Его жена и дети были отправлены домой под надзором жандармерии.

В феврале 1916 года дочери Валентина Тыгельского Веронике было два года восемь месяцев, его сыну Чеславу — год четыре месяца. Войны не раз с тех пор проходили через Польшу. Но, может быть, еще и сейчас живы они, дети польского крестьянина, который был арестован на финской границе за провоз русских большевистских листовок?

ПРИМЕЧАНИЯ:

- ¹ "Dagens nyheter", 29 10 1966
² Финляндский государственный архив, S 8, № 13

В А П Р Е Л Е 1917 - г о

Обстоятельства возвращения В. И. Ленина из эмиграции в апреле 1917 года широко известны. Об этом написано немало статей и книг. По воспоминаниям эмигрантов, ехавших из Швейцарии в одном вагоне с Владимиром Ильичем, были прослежены как будто все основные события.

Но кое-что еще нуждается в уточнениях. Я решил установить точное время прибытия Ленина в Треллеборг, Стокгольм и Хапаранду (чего эмигранты запомнить, естественно, не могли), проехать по этому маршруту и посмотреть, что осталось от тех времен и как изменились города за истекшие полвека. Мне хотелось поговорить со скандинавами, которые встречались тогда с Лениным и, наконец, просмотреть шведскую прессу за апрель 1917 года, а также мемуарную литературу, в том числе журнальные публикации.

Рассказывая о результатах моих поисков, я не могу не повторить того, что некоторым покажется уже известным. Ведь только опираясь на известные факты, осмысливая их, можно найти нити и дорожки в неизвестное, неизведанное...

Итак, шел апрель 1917 года. В феврале в России произошла буржуазно-демократическая революция, и из-за границы начали прибывать политические эмигранты. Беспрепятственно ехали через границу анархисты, эсеры, меньшевики. Только для большевиков путь домой был закрыт. Правительства стран Антанты пропускали через свои территории лишь тех эмигрантов, которые выступали за дальнейшее участие России в империалистической войне. Большевиков, требовавших немедленного прекращения захватнической войны, правительства стран Антанты пропускать в Россию не хотели. Препятствовало выдаче виз большевикам и Временное правительство, заявившее о своей верности военным договорам, подписанным Николаем II.

Просматривая подшивку газеты шведских левых социал-демократов «Стурмклокан» за 1917 год, я нашел в номере за 21(8) апреля 1917 года большую статью Карла Чилбума «Положение русских эмигрантов в Швейцарии»¹. В ней говорилось, что дорога на родину через Англию и Францию была закрыта для эмигрантов-интернационалистов. Франция и Англия, писал автор, пропускали только сторонников продолжения войны.

Другая газета шведских левых социал-демократов, «Политикен», напечатала заметку «Паспортные затруднения русских эмигрантов», в которой отмечалось, что русское посольство в Стокгольме выдавало визы далеко не всем эмигрантам².

Газета «Стурмклокан» опубликовала телеграмму, полученную редакцией от комитета по возвращении русских эмигрантов. Она была послана из Швейцарии 5 апреля 1917 года. Вот ее текст:

«Швейцарский центральный комитет по возвращению русских политических эмигрантов — *всех* русских эмигрантов в Швейцарии, независимо от их партийной принадлежности, обращает ваше внимание на то, что большая масса эмигрантов в Швейцарии, а также во Франции и Англии не может вернуться в Россию. Без сомнения, все говорит о том, что возвращение через Францию и Англию встречает непреодолимые трудности по вполне определенным причинам. Недели прошли, месяцы пройдут, а политическая амнистия будет для нас фикцией. В этих условиях для нас остается, по нашему мнению, только единственный выход, а именно договор между русским и немецким правительствами об уже практиковавшемся ранее обмене гражданскими интернированными, по которому Германия должна разрешить проезд русских эмигрантов по своей территории в Скандинавию, получив заверение русской стороны, что в Гер-

манию будет препровождено соответствующее количество немецких гражданских интернированных. Мы просим незамедлительно принять энергичные меры. Нельзя больше формальными обещаниями поиска других, на самом деле фиктивных путей затягивать дело. Иначе политические эмигранты должны оставаться вдалеке от России в течение всего важнейшего революционного времени.

Совершенно отрезанные от наших партийных друзей в России, мы ждем быстрого ответа.

Исполнительный комитет: Адлер, Андронников, Багоцкий, Анжелика Балабанова, Болотин, Феликс Кон, Мандельберг, проф. Н. Рейхельберг, депутат] II Думы, Земковский, Ульянов, Устинов, депутат] I Думы, Фраткин»³.

Я. С. Ганецкий в своих воспоминаниях писал, что после получения первых сведений о Февральской революции в России он получил телеграмму из Христиании от Коллонтай с просьбой немедленно приехать для обсуждения создавшегося положения. Было решено, что Коллонтай выедет в Россию, а Ганецкий останется в Стокгольме для связи с Лениным. «Мы отправили обширную телеграмму Владимиру Ильичу с нашим анализом положения, — вспоминал Я. С. Ганецкий, — просили его высказаться и закончили выводом, что считаем его немедленную поездку в Россию необходимой, хотя бы с тем, чтобы временно он жил в Финляндии.

...В ответ на нашу телеграмму, а также и на подобные телеграммы от товарищей из Петрограда Владимир Ильич 30 марта прислал мне из Цюриха в Стокгольм следующую телеграмму:

«...Англия никогда меня не пропустит, скорее интернирует. Милюков надует. Единственная надежда — пошлите кого-нибудь в Петроград, добейтесь через Совет рабочих депутатов обмена на интернированных немцев. Телеграфируйте.

Ульянов»⁴.

Одновременно с этой телеграммой Владимир Ильич прислал мне обширное письмо. Оно является историческим документом, доказывающим всю гениальность и проницательность великого мирового вождя»⁵.

Ленин всей душой рвался в Россию. Для него был дорог каждый день, каждый час. Н. К. Крупская рассказывала потом, что Ленин в те дни строил планы возвращения в Россию один рискованнее другого. Так, кто-то подал мысль, что можно проехать по шведскому паспорту. Но как быть с языком, ведь Ленин не говорил по-шведски? Решено было достать паспорт на глухо-

негого шведа. Ленин послал в Стокгольм Ганецкому телеграмму с предупреждением, что в его адрес выслано важное письмо, получение которого нужно подтвердить по телеграфу. Вскоре Ганецкий получил по почте книгу, в переплет которой были вложены фотография Владимира Ильича и его письмо. Ганецкий, получив письмо и фотографию, как он писал впоследствии, смеялся над тем, до чего могло довести отчаяние рвавшегося на родину Ильича⁶.

Был забракован этот план и в Цюрихе. Н. К. Крупская высмеяла его, заявив:

— Заснешь, увидишь во сне меньшевиков и станешь ругаться: сволочи, сволочи! Вот и пропадет вся конспирация⁷.

Но фотография Ленина не пропала. Ганецкий передал ее в газету «Политикен». Она появилась в номере за 6 апреля 1917 года на первой странице вместе со статьей «Ленин — вождь русского левого социализма», написанной В. В. Воровским, который тоже в это время жил в Стокгольме. В статье говорилось:

«Ленин, портрет которого помещен выше, один из самых замечательных вождей русской социал-демократии. Он вырос из массового движения русского пролетариата и рос вместе с ним: вся его жизнь, его мысли и деятельность неразрывно связаны с судьбами рабочего класса. В счастье и несчастье, в момент бурного революционного подъема и в долгие годы бешеного разгула реакции он оставался верен интересам русского и международного пролетариата и для него была лишь одна цель — социализм, лишь одно средство — классовая борьба, лишь одна опора — революционный международный пролетариат»⁸.

Статья заканчивалась словами:

«Самое характерное в этом человеке — неистощимая энергия и его необычайная определенность в принципах, которая помогла ему в годы реакции остаться верным революционной социал-демократии и собрать своих единомышленников вокруг знамени Интернационала. После начала войны он выступил так же, как непримиримый враг ведущих войну буржуазных классов и их социал-демократических попутчиков и стал одним из самых энергичных борцов за Циммервальд. Вскоре Ленин вернется в освобожденную Россию, где товарищи ждут с нетерпением приезда желанного вождя»⁹.

Вождя революции в России ждали с огромным нетерпением. Уже 4 (17) марта, на второй день после прихода известий о революции, Владимир Ильич получил телеграмму от Коллонтай из Христиании (Осло) с просьбой сообщить директивы большеви-

кам, готовящимся к отъезду на родину. Но еще 3(16) марта он написал Коллонтай письмо, в котором дал оценку Февральской революции и наметил тактику большевиков. На другой день Ленин написал ответное письмо Коллонтай «Набросок тезисов 4 (17) марта 1917 года», которое было направлено в Стокгольм большевикам, отъезжавшим в Россию. В этом документе Владимир Ильич дал точную характеристику Временному правительству как правительству капиталистов и помещиков, определил первоочередные задачи пролетариата и его партии. Вскоре Ленин написал также знаменитые «Письма из далека», намереваясь отправить их в Петроград с Коллонтай для опубликования в «Правде».

Первые два письма застали Коллонтай в Христиании. Получив их, она послала телеграмму Ленину: «Две статьи — письма получила. Восхищена Вашими идеями». Эти два первых письма Коллонтай передала 19(31) марта в редакцию «Правды». Еще два письма были пересланы в Петроград позднее.

Русское бюро ЦК принимало все меры, стараясь ускорить приезд Ленина в Россию. Е. Д. Стасова, бывшая секретарем Бюро ЦК, поставила вопрос о посылке в Стокгольм надежного человека, который выяснил бы на месте возможности возвращения Владимира Ильича. В Швецию через северную границу выехала М. И. Стецкевич. Она везла почту Ленину. Газета «Политикен» 28 марта опубликовала ее рассказ «Как был свергнут царизм в России»¹⁰. Накануне она была гостьей редакции. Из Стокгольма М. И. Стецкевич вернулась в Петроград с драгоценными документами: она привезла полученные от Ганецкого третье и четвертое «Письма из далека».

Тем временем в Швейцарии после долгих переговоров и волнений удалось найти человека, который взял на себя переправку русских политэмигрантов через кайзеровскую Германию. Это был Фриц Илаттен — секретарь Швейцарской социал-демократической партии. Он вел переговоры с немецкими властями и был ответственным за проезд через Германию.

9 апреля (27 марта) вагон с группой русских эмигрантов во главе с Лениным тронулся в путь. Были опасения, что немцы нарушат данное ими слово и интернируют эмигрантов на том основании, что это граждане страны, находящейся с Германией в состоянии войны. Трое суток пути по Германии прошли в нервном напряжении... Вот наконец и Засниц, последний немецкий город, северный порт. 12 апреля (30 марта) вагон закатили на железнодорожный паром, идущий в Швецию. Но как встретит

Швеция? Эмигрантов могли интерпробовать на борту парохода или по прибытии в первый шведский порт. Опасения усилились, когда пассажирам парома «Королева Виктория» стали вручать какие-то анкеты с просьбой заполнить их.

От Засница до Треллеборга четыре часа ходу. Долгими показались они русским эмигрантам. Неожиданно капитан парохода начал выяснять, есть ли среди них Ульянов. Владимир Ильич решительно вышел вперед:

— Я Ульянов. В чем дело?

— Из Треллеборга господин Ганецкий запрашивает по радио, есть ли на судне господин Ульянов и сколько с ним мужчин, женщин и детей.

Сразу пропали все подозрения. Ганецкий встречает — значит, все в порядке. Швеция ничем не грозит. Путь в Россию открыт. На радостях запели песни, вглядываясь в огоньки приближающегося города.

В вечерних сумерках на набережной видны были две человеческие фигуры. Они приветственно махали руками, что-то кричали. Это были Я. С. Ганецкий и молодой журналист из Мальме Отто Гримлунд.

Накануне, рассказывал Ганецкий, для встречи Ленина приехал из Стокгольма один из руководителей левых социал-демократов Швеции, Фредрик Стрём. Вместе с Ганецким они провели в Треллеборге весь вечер, но на прибывшем из Засница пароме Ленина и его спутников не было, и никто не знал, где они. Ганецкий и Стрём волновались: уж не случилось ли чего во время проезда по Германии.

Ганецкий и Стрём не знали тогда, что вагон вышел из Швейцарии на сутки позднее, чем планировалось. Стрём должен был вернуться на другой день в Стокгольм. Он поручил встретить Ленина руководителю левых социал-демократов в городе Мальме Отто Гримлунду.

На другой день, мучаясь неизвестностью и тревожась за судьбу Ленина и его спутников, Ганецкий упросил администрацию порта, якобы от имени Красного Креста послать радиogramму на паром, находится ли среди русских эмигрантов на борту Ульянов и сколько с ним едет мужчин, женщин и детей. Через двадцать минут пришел ответ: «Господин Ульянов приветствует господина Ганецкого и просит его заготовить билеты». Далее указывалось количество мужчин, женщин и детей в группе, чтобы встречающие могли заказать нужное количество спальных мест в поезде Мальме — Стокгольм. Отто Гримлунд сразу же

заказал ужин в ресторане «Савой» в Мальме. а также договорился с железнодорожной администрацией о спальных местах для русских эмигрантов на ночной поезд. Ганецкий позвонил в Стокгольм, сообщил, что Ленин прибывает, просил забронировать комнаты в одной из стокгольмских гостиниц.

Наконец, «Королева Виктория» вошла в порт. Первый газетный отчет о приезде Ленина в Швецию был помещен 21 (8) апреля в газете «Стурмклокан». Он был написан Отто Гримлундом, свидетелем и участником этого события. Гримлунд писал.

«Треллеборгская пристань в один из холодных, серых апрельских вечеров. Солдат на посту, несколько таможенных служащих. Из гражданских лиц видны только двое: пишущий эти строки и русский товарищ, сейчас проживающий в Швеции. Мы ждем русских революционеров, которые едут через Германию из Швейцарии, чтобы через Швецию проехать в Россию.

Медленно, осторожно к берегу подползает пароход. На верхней палубе виден высокий человек без головного убора, в необъятном сером пальто, который возится с багажом. Это Фриц Платтен, секретарь швейцарской партии. Это он организовал поездку наших русских товарищей. Сходни положены. Мы торопимся на борт. Мой русский товарищ расцелован и приветствуем с большим энтузиазмом. Часть объятий перепадает и на долю шведского товарища по партии.

Спальные места заказаны. Пищу мы получаем в Мальме. И имеем целую ночь для разговоров. Не много часов удалось поспать»¹¹.

В Треллеборге в апреле уже всюю хозяйничает весна. Деревья в городском парке и на улицах, тянущихся вдоль берега моря, одеваются листвой. В порту весенний ветер рвет на мачте голубой с желтым крестом шведский флаг, гонит к молу шумную ватагу волн.

Треллеборг связывает сегодня капиталистический Запад и социалистический Восток. Сюда приходят железнодорожные и автомобильные паромы из Засница и Травемюнде, из ГДР и ФРГ, пароходы из многих стран мира. Через Треллеборг, между прочим, идет сейчас и вагон, следующий по маршруту Москва — Стокгольм.

Я брожу по набережной, стараясь найти что-нибудь, оставшееся с того дня 12 апреля 1917 года, когда сюда из Засница на рейсовом пароме «Королева Виктория» прибыла группа русских политических эмигрантов во главе с В. И. Лениным. Вот

один из свидетелей — старое здание таможни, заросшее до самой крыши вьющимся по стенам плющом. Напротив — старинной архитектуры кирпичный вокзал с острыми башенками и зеленой крышей. Отсюда Владимир Ильич и его спутники выехали поездом в Мальмё.

На другой стороне причала вижу какой-то белый пароход с зеленой каймой на борту. По своей форме он резко отличается от современных теплоходов, приспасабливаемых сейчас в Треллеборге.

Подойдя, читаю название: «Дроггнинг Виктория». Тот самый паром, на котором пятьдесят лет тому назад приехал Ленин!

«Королева Виктория» совсем недавно списана «на пенсию». Еще в 1965 году она выходила в море. Теперь она стоит у причала, ожидая решения дальнейшей судьбы.

Параллельно берегу идет длинная улица Ёстергатан. На ней расположена городская библиотека. Я попросил подшивку местной газеты «Треллеборг аллеханда» за 1917 год: не найдется ли чего, касающегося приезда Ленина?

Нахожу заметки о проезде эмигрантов, но в другие дни. Вот, наконец, нечто новое: 6 февраля газета сообщает, что капитаном парома «Королева Виктория» назначен С. Эрикссон¹². Таким образом, именно С. Эрикссон раздавал политэмигрантам анкеты и разыскивал пассажира Ульянова, чтобы сообщить ему радиogramму из Треллеборга от Ганецкого. До сих пор в воспоминаниях его имя не называлось.

Переезд через пролив в годы войны был не безопасен. Личнее тому свидетельство — заметка в треллеборгской газете за 22 февраля 1917 года¹³. «Треллеборг аллеханда» писала, что в проливе хозяйничали немецкие подводные лодки. Они потопили шведский корабль «Хуго Гамильтон» и датское судно «Скуг-ланд». Так что при переезде через Эресунн Владимир Ильич подвергался большой опасности. Где была гарантия, что подводные пираты не торпедируют паром?

В номере за 7 апреля имеется расписание поезда Треллеборг — Мальмё. Он отходил от порта Треллеборг в 20 часов 4 минуты и прибывал на вокзал города Мальмё через 37 минут, в 20 часов 41 минуту¹⁴. Паром из Засница приходил в Треллеборг в 19 часов 20 минут — за 44 минуты до отхода поезда на Мальмё.

Еду и я в Мальмё. Это большой портовый город со старинными замками и каналами, обрамленными зеленью вековых деревьев. Здание станции по архитектуре напоминает вокзал в Треллеборге: такие же высокие башенки, такое же кружево красного кирпича на фасаде.

Неподалеку от станции, за старинным каменным мостом через канал, стоит громоздкое здание гостиницы «Савой». Загородив угол двух улиц, оно сразу бросается в глаза приезжим своей световой рекламой, как бы говоря: «Не проходи мимо, зайди отдохнуть с дороги!»

«Савой» расположилась в каких-нибудь семи-десяти минутах ходьбы от вокзала. По воспоминаниям Отто Гримлунда, в кафе, располагавшемся в 1917 году в одной из пристроек к гостинице, обедали прибывшие из Треллеборга русские эмигранты.

Теперь этого кафе нет. Деревянную пристройку, видимо, давно снесли. Но в нижнем этаже гостиницы, рядом с бывшим кафе, сохранился ресторан. С волнением вошел я в вестибюль гостиницы, куда вечером 12 апреля 1917 года заходил Владимир Ильич. В зале ресторана меня ждали знакомые шведские журналисты. Рядом со мной за столиком сидел корреспондент шведского радио Бенгт-Ипге Юнссон, член Общества дружбы «Швеция — СССР» с 1942 года. Он рассказывал, почему он вступил в члены общества и почему именно во время войны.

— Тогда газеты писали, что до победы Гитлера остались считанные дни, — говорил Юнссон. — Я не мог поверить, что фашисты победят вашу великую страну. Я знал, чем это грозит миру, в том числе и нам, шведам. Вступил в общество, чтобы хоть чем-нибудь помочь вам в войне с нацизмом.

...Ленин и его спутники в сопровождении Ганецкого и Гримлунда сразу после ужина пошли на вокзал. Вскоре подали поезд. В купе, где ехал Ленин, не спали почти до рассвета.

О том, как провел эту ночь Владимир Ильич, мне рассказывал Отто Гримлунд.

Он жил в Стокгольме, и я несколько раз бывал на его квартире на улице Упландсгатан*. Книжные полки его кабинета были завалены книгами, фотографиями, газетными вырезками, свидетельствовавшими о встречах хозяина квартиры с видными деятелями русского революционного движения. Гримлунд несколько раз после Октября бывал в Петрограде и Москве, встречался с Лениным, Дзержинским, Калининным, был делегатом I конгресса Коминтерна и гостем на VIII и IX съездах РКП(б). Среди других редких снимков он бережно хранил в своем архиве две фотографии Владимира Ильича с дарственной надписью на немецком языке.

В первый же мой приход к Гримлунду, я попросил его рассказать о той памятной апрельской ночи. Высокий, грузный

* Отто Гримлунд умер в 1969 году.

старик, склонив свою лысеющую голову и, прислонив ладонь к уху, внимательно слушал мои вопросы и обстоятельно отвечал на них:

— О чем говорили? Ленин буквально засыпал меня вопросами о положении в социал-демократической партии Швеции, о влиянии в ней левых, о численности партии и т. д. Тогда у нас в партии выявились серьезные разногласия между правыми во главе с Браунингом и левыми, которые вскоре вышли из социал-демократической партии и образовали свою партию. Ленин знал об этих разногласиях, он проявил живой интерес к малейшим деталям жизни и работы социалистов Швеции. Его интересовало также, что слышно из России, что думают шведские социал-демократы о революции, как они относятся к Временному правительству. Ленин умел спрашивать и умел слушать. С ним было легко говорить. Но все же я не забыл о своей профессии журналиста и решил задать Ленину несколько вопросов.

Гримлунд взял в руки фотографию Ленина:

— Для меня это было не просто интервью. Я ведь был тогда молод. Для меня это был урок по социализму, который я никогда не забуду.

— Я слышал, что вы не публиковали это интервью с Лениным? — спросил я.

— Нет, оно пролежало все эти годы в ящике моего письменного стола.

— А когда же вы его опубликуете?

— Я работаю сейчас над книгой мемуаров. В ней я попытаюсь рассказать и об этом интервью.

Позднее, просматривая в Королевской библиотеке подшивку газеты левых социал-демократов «Стурмклокан», я неожиданно наткнулся в номере за 5 мая (22 апреля) 1917 года на статью «Точка зрения ленинской группы. Интервью для «Стурмклокан».

Я побежал к Гримлунду: «Ваше?» Тот взял копию газетной статьи в руки и только сказал: «А я и забыл о ней!» Нпже я привожу интервью с Владимиром Ильичем Лениным.

«Точка зрения ленинской группы. Ленин уточняет позицию большевиков. Интервью для «Стурмклокан».

Русская социал-демократия, как известно, разделена на несколько групп. Руководителем радикальной группы большевиков является наш друг Ленин. Когда Ленин и другие русские эмигранты — как мы раньше уже писали — проезжали через Швецию по пути в освобождающуюся Россию, один из наших сотрудников разговаривал с ним по вопросам: как понимают русские

друзья по партии современную ситуацию и какие требования они ставят к социалистическим организациям.

Ленин, прежде всего, предупредил, что самой важной предпосылкой для «чуда», каким считают нынешнюю русскую революцию, является революция 1905—1907 годов. И поэтому мы должны вспомнить, как эту революцию понесли господа гниа Гучкова и Миллюкова, теперь приставшие к революции. Без революции 1905 года, которая указала путь, расчистила его, быстрая победа в 1917 году была бы невозможна.

Время сейчас таково, так много различных, далеко стоящих друг от друга общественных сил объединилось в борьбе против царизма, что он должен был пасть. Это прежде всего англо-французский капитал, господствующий над всем миром и эксплуатирующий весь мир. Он вмешался в революцию тем, между прочим, что мобилизовал Гучкова, Миллюкова и высшее военное командование. Я подчеркиваю, — заметил Ленин, — что в 1905 года он был против революции, помогал царизму подавить ее и дал в 1906 году миллиардные кредиты на это. С точки зрения мировой политики и международного финансового капитала правительство Гучкова — Миллюкова только агент банковской фирмы «Англия — Франция», орудие для продолжения империалистической политики народоубийства.

Во-вторых, поражение в войне основательно сократило численность старого офицерского корпуса, на место которого пришли офицеры из буржуазной среды.

В-третьих, с 1905 года и особенно в последние годы, русская буржуазия организовалась и вместе с дворянством начала бороться против царизма в расчете получить огромные прибыли в результате захвата Армении, Константинополя и Галиции.

В-четвертых, — и это последнее несравнимо важнее — могучее пролетарское движение. Эту революцию совершил пролетариат. Он требовал мира, хлеба и свободы. Он не имел ничего общего с империалистической буржуазией, и пролетариат уверенно увлек с собой армию, которая ведь тоже состоит из рабочих и крестьян! Война тогда начала превращаться из империалистической в гражданскую. В этом лежит, по моему мнению, источник такой двойственной оболочки революции.

Но каково отношение пролетариата к правительству?

Новое правительство Гучкова и Миллюкова — типичное правительство помещиков и капиталистов. Оно не может дать народу ни свободы, ни мира, ни хлеба. Это правительство — за продолжение захватнической войны. Оно же открыто заявило, что

будет верно международным соглашениям, заключенным царизмом. Это правительство в лучшем случае может отсрочить кризис, но ни в коем случае не может спасти страну от голода. Оно представляет интересы дворян — помещиков и капитала. Поэтому оно не в состоянии дать свободу народу. Всего глупее поэтому тактика «поддержки» правительства, которое не в состоянии отмежеваться от империализма. И когда Чхеидзе, Скобелев и Туляков по заданию правительства ездят по стране, «успокаивают» солдат, выступающих с протестом вместе с либерально настроенными буржуазными офицерами, эти господа наносят ущерб делу пролетарской революции.

Какую тактику, вы считаете, должен применять сейчас пролетариат?

Ленин ответил, что мы стоим на переходе от первого ко второму этапу революции, от восстания против царизма к восстанию против буржуазии, на переходе к конвенту, который может развиться в конституционное собрание. Главная задача сейчас — организованность пролетариата. Но нужна не старая, закостеневшая, а революционная организация. Эта организация должна быть, во-первых, всеобщей, во-вторых, объединить в себе военные и государственные функции. Поддерживать правительство ради «борьбы с реакцией» глупо, лучше бороться, вооружив пролетариат. И это единственная серьезная, реальная гарантия как против царской контрреволюции, так и против попыток Милюкова восстановить монархию.

Как в партийных кругах рассматривают задачи Советов рабочих и солдатских депутатов и каково положение в них?

— Скобелев, член Государственной думы, социал-демократ, сказал, что «Россия стоит на пороге другой, настоящей революции». В этом он совершенно прав. И организация для такой революции уже имеется. Это — Советы рабочих и солдатских депутатов. В них есть три направления. Одно близко к социал-патриотам. Оно представлено героем фразы министром юстиции Керенским, пешкой в руках Гучкова и Милюкова. С помощью пустых фраз в духе западноевропейских социал-патриотов он пытается примирить рабочих с продолжением захватнической войны. Через Керенского империалистическая буржуазия говорит рабочим: «Мы даем вам республику и 8-часовой рабочий день, обещаем политические свободы, но вы тоже должны помочь нам захватить Турцию и Австрию, отобрать у немецкого империализма его добычу и обеспечить прибыли англо-французскому империализму».

Другое направление представлено нашей партией, **Российской социал-демократической партией**. Мы выставили в Манифесте 18 марта* следующие требования: демократическая республика, 8-часовой рабочий день, конфискации помещичьих земель в пользу крестьян, конфискации хлебных излишков, немедленное начало мирных переговоров, но не через правительство, а через Советы солдатских и рабочих депутатов. Руководствуясь этим Манифестом и будет действовать настоящее революционное правительство. Мирные переговоры должны вестись не с буржуазными правительствами, а с пролетариатом всех стран. Это, по моему, единственно возможная социалистическая и революционная тактика.

Третье направление — Советы рабочих и солдатских депутатов, представленные Чхеидзе и его друзьями. Они вертятся туда и сюда. Когда Чхеидзе отказался войти во второе Временное правительство, высказавшееся за империалистическую войну, он проводил пролетарскую политику. Но когда он участвовал в первом правительстве (в «думском комитете»), когда он требовал представительства русских рабочих в правительстве, когда он призывал империалистические правительства начать мирные переговоры, он проводил буржуазную политику и наносил вред революции.

Под конец наш согрудник попросил уточнить позицию Ленина. Он заявил следующее:

— Мы отличаемся от анархистов тем, что признаем необходимость государства для революционных преобразований. Но мы отличаемся и от оппортунистов, сторонников Каутского, говоря: нам не нужна готовая государственная машина, оставшаяся от демократической буржуазной республики, нам нужен немедленный переход власти в руки вооруженного и организованного пролетариата. Вот какое государство нам нужно. В соответствии с этим действовали Парижская Коммуна 1871 года и Советы рабочих депутатов в 1905 и 1917 годах. На этом основании мы и должны строить дальше.

Наши мирные условия следующие:

1. Совет рабочих депутатов в качестве революционного правительства беспрепятственно заявляет, что в прогивоположность классу буржуа не признает себя связанным царскими соглашениями.

* Так в тексте. Имеется в виду Манифест ЦК РСДРП «Ко всем гражданам России» от 27 февраля (12 марта) 1917 года. — *Прим. автора.*

2. Все тайные соглашения немедленно опубликовываются.
3. Всем народам воюющих стран предлагается немедленное перемирие.
4. Как основа мира: все колонии и все угнетенные нации освобождаются.
5. Выражение недоверия всем буржуазным правительствам. Воззвание к рабочему классу свергать эти правительства.
6. Военные долги буржуазии выплачивают сами капиталисты.

Такая политика может собрать большинство рабочих и крестьян на сторону социал-демократии. За эти мирные предложения мы могли бы вести революционную войну. В этой революционной войне мы могли бы рассчитывать на поддержку всего революционного пролетариата»¹⁵.

Думается, что для публикации столь пространныго интервью были использованы не только устные, но и печатные выступления Владимира Ильича. Много мыслей, высказанных в этом интервью, содержится, например, в опубликованном несколько раньше автореферате В. И. Ленина «О задачах РСДРП в русской революции».

Кто брал это интервью? Я полагаю, что это мог быть Гримлунд, ибо, кроме него, никто из шведских журналистов не сопровождал Ленина в поезде. Во всяком случае, это интервью представляет значительный интерес, ибо оно было опубликовано вскоре после проезда В. И. Ленина через Швецию и отражало точку зрения Владимира Ильича на важнейшие проблемы революции в России.

Владимир Ильич еще долго в эту ночь разговаривал с Ганецким. Его живо интересовали новости из России. В частности, он узнал, что в «Правде» опубликовано пока только одно его «Письмо из далека», остальные по неизвестной причине лежат, и его революционная программа так и осталась неизвестной партии. Это сообщение еще более укрепило Ленина в решении как можно скорее прибыть в Петроград.

...Только под утро Ленин прилег. Но поспать ему не дали. Перед Стокгольмом, на станции Сёдерталье в вагон ворвались корреспонденты столичных шведских газет. Они ждали сенсации, хотели получить интервью у Ленина. Но Владимир Ильич с ними разговаривать не стал. Просил Ганецкого и Гримлунда сказать журналистам, что в Стокгольме для прессы будет передано коммюнике о проезде русских политических эмигрантов через Германию и Швецию.

В апреле 1917 года, как сообщили мне в железнодорожном музее в Стокгольме, поезда из Мальмё выходили в 22-20 и прибывали в шведскую столицу на другое утро в 9-23. 13 апреля, по свидетельству многих очевидцев, поезд из Мальмё запоздал на полчаса и прибыл к стоковольскому вокзалу «Сентрален» около десяти часов утра.

На перроне Ленина встречали депутаты шведского риксдага — бургомистр Стокгольма Карл Линдлаген и Фредрик Стрём, а также другие представители шведских левых социал-демократов, русские политэмигранты, жившие в Стокгольме, журналисты и фоторепортеры. Встреча была очень теплой. Приехавшие и встречавшие вышли через зал ожидания вокзала на улицу Васасгатан, направляясь в гостиницу.

Политэмигранты, ехавшие в одном вагоне с Лениным, рассказывали в своих воспоминаниях, что их на вокзале снимали для кинохроники. Я спрашивал Гримлунда и Нермана, которые были на вокзале, снимали ли в тот день кинооператоры. Ни тот, ни другой не могли припомнить этого.

Я обратился в архив шведского радио, куда были переданы все старые киноархивы, нет ли у них этой пленки. После длительных поисков мне сообщили, что такой пленки в архиве нет.

Известную фотографию «Ленин в Стокгольме» сделал фотограф по фамилии Мальмстрём. Мне удалось узнать, что в Стокгольме живет его внук, тоже фотограф и тоже Мальмстрём. Я нашел его. В архиве деда он разыскал старый негатив и отпечатал мне несколько снимков. Других снимков, сделанных его дедом в этот день, Оке Мальмстрём не нашел.

В июльском номере шведского журнала «Веко-журнален» за 1917 год помещена статья Гримлунда о проезде Ленина через Стокгольм. Статья сопровождалась снимками, в том числе малоизвестной у нас фотографией Ленина в Стокгольме. Автором фотографии был О. Эллквист. Судьбу его, к сожалению, мне выяснить не удалось. Но я снял копию фотографии из журнала.

Отто Гримлунд рассказывал мне, что Ленин, сопровождавшие его политэмигранты и шведские социал-демократы перешли улицу Васасгатан и свернули направо. Именно здесь и были сделаны оба известных сейчас снимка. Затем повернули на Дроттингата, к гостинице «Регина», где для приехавших Стрёмом были заказаны восемнадцать номеров. С тех пор многое изменилось. Изменился вокзал «Сентрален», к нему сделаны пристройки. Че-

рез Васагатан повис мост, по которому снуют поток машин. Пассажиры теперь попадают в старый, сохранившийся с начала века зал ожидания через современные подземные туннели. Под землей пассажиров ожидают вагоны метро.

Изменилась и одна из стариннейших улиц города — Дротнинггатан. Снесены многие старые дома. Нет и дома № 42—44 Гостиницы «Регина» теперь не существует.

Фредрик Стрём в книге воспоминаний «И штормиг тид» («В бурное время») посвятил целую главу пребыванию Владимира Ильича в Стокгольме:

«...Ленин заявил, что он торопится домой, в Россию. Поэтому сможет остаться в Стокгольме только до вечера. Он почти бежал в гостиницу. Ленин был одет, как рабочий, вышедший на воскресную прогулку в неустойчивую погоду: длинное пальто, в котором он почти утопал, зонтик, мягкая фетровая шляпа, очень потертая, ботинки с толстыми подошвами, пригодные и для снега и дождя. У него были усы, коротко остриженная борода, выразительные живые глаза, быстрые жесты. Несмотря на небольшой рост он казался локомотивом. В этом скромном человеке жили удивительные силы...

Русские быстро покончили с завтраком, после чего Ленин пригласил меня в свою комнату для разговора...

Разговор с Лениным велся на немецком языке и касался многих вопросов. Он сказал, например:

— Русская революция только начинается. Она является продолжением революции 1905 года. Это еще буржуазная революция, вызванная войной и недовольством рабочих. Эта буржуазная революция должна перерасти в пролетарскую. Буржуазию поддерживают правые элементы рабочего движения, социал-патриоты, которые хотят продолжать империалистическую войну. Мы выставим требования хлеба, мира и свободы. Кадеты, октябристы и помещики примкнули к настоящей революции в надежде избежать революции пролетарской и крестьянского бунта. Мы должны создать конвент рабочих, солдат и крестьян.

Я спросил:

— А не может распыление сил революции привести к ее поражению?

— Напротив! Революция пойдет на убыль, если мы не будем действовать и не возьмем руководство в свои руки. Русская революция послужит сигналом к началу революций в Германии, Австрии и Польше. Они смогут победить, если только

это будут революции пролетарские. Если это будут революции мелкобуржуазные, они станут орудием в руках капиталистов, и власть снова попадет крупному капиталу и империалистам. Мы должны учиться на уроках Французской революции и Парижской Коммуны... Правые социал-демократы этого не понимают. Они будто с завязанными глазами идут через историю и время.

— А не приведут ли мирные акции сейчас к сепаратному миру, который может предать западные демократии и привести к победе императоров?

— Ведущаяся война является империалистической и должна быть превращена из войны захватнической в войну между эксплуататорами и эксплуатируемыми; эта новая война принесет мир и свободу всем народам. Русская революция будет продолжаться, пока пролетариат не победит во всех странах.

— Но есть ли гарантии для этого?

— Гарантия — это революция в производстве и обладающий классовым сознанием пролетариат. Мы идем навстречу эпохе великих войн и революций. Совершенно новый общественный порядок не может быть создан за один день или год. Революция — это локомотив истории. И мы его машинисты. Русская революция — это только прелюдия.

— А как будет с демократией и внутренней свободой? Мы, шведы, любим мир, демократию, и мы большие индивидуалисты.

— Шведы очень организованный и культурный народ, но вы — пацифисты. Даже вы, самые крайние левые — пацифисты. Ваши крупные буржуа видят это яснее, чем вы. Царская, империалистическая Россия была и остается опасностью для скандинавских народов. Вы не можете встретить царскую армию с молитвами, без оружия. Русская революция освобождает вас от военной опасности... Революционная Россия должна освободить завоеванные царизмом и угнетаемые народы. Немецкая революция освободит Польшу, Эльзас-Лотарингию и Шлезвиг, австрийская революция — Богемию и Венгрию и т. д. Эту освободительную миссию не может выполнить буржуазная революция; только пролетариат, свободный от капиталистических интересов, способен на это.

— А не приведет ли непрерывная революция к опасности военной диктатуры?

— Да, разумеется, если рабочие не возьмут в свои руки армию. Иначе буржуазная военщина при поддержке монопо-

листов захватит руководство революцией и контрреволюция победоносно пойдет из одной страны в другую. Такая опасность есть сейчас в России. Керенский будет зависеть от царских генералов»¹⁶.

На вопрос Стрёма о сущности внутренней демократии Ленин заявил, что буржуазная демократия лжива, она лишь на словах провозглашает свободу слова и личной неприкосновенности. Об этом говорят хотя бы аресты Карла Либкнехта в Германии и Цета Хёглунда в Швеции, выступивших против империалистической войны.

«— Это демократия? Это свобода слова? Это личная безопасность? — говорил Ленин. — Буржуазная демократия гнила и формальна. Как обстоят дела с пролетариатом в Швеции? Имеет он право голоса, социальную безопасность, гарантии от эксплуатации? Нет, вы же сами были вынуждены порвать с Брантингом, и правильно сделали. А ведь в Швеции наиболее развитая буржуазная демократия в мире. Социалистическая революция принесет действительную свободу и демократию. Слова Маркса о коротком переходном периоде диктатуры пролетариата означают только то, что основной производящий класс берет руководство над всеми ранее угнетавшимися. Пролетарская диктатура означает централизацию сил, но не отменяет демократии»¹⁷.

Затем в гостинице «Регина» состоялось совещание приехавших политэмигрантов с руководителями шведских левых социал-демократов, на котором Ленин выступил с сообщением об обстоятельствах проезда через Германию. Шведские левые социал-демократы приветствовали русских революционеров и присоединили свои подписи к подписям известных интернационалистов других стран под заявлением о том, что русские эмигранты, поехав на родину через Германию, поступили абсолютно правильно. Они не только **могли** воспользоваться этим путем, но **обязаны** были это сделать. Такое заявление было нужно, чтобы оградить Ленина и его группу от ненужных подозрений.

Ленин провел совещание большевиков, остававшихся в Стокгольме. На совещании было создано Заграничное представительство ЦК РСДРП(б). В его задачу входило осуществление связи с ЦК в России, представление ЦК за границей, информирование иностранных рабочих о ходе и задачах русской революции.

Вместе со Стрёмом Владимир Ильич подписал приветствен-

ную телеграмму Цету Хёглунду, сидевшему в это время за антимилитаристскую пропаганду в стокгольмской тюрьме Лонгхольмен

В 18 часов 37 минут 13 апреля поездом на пограничный город Хапаранда Ленин и группа эмигрантов, ехавшая с ним из Швейцарии, вышли из Стокгольма в Россию. Репортер газеты «Политикен» так описывал отъезд Ленина из Стокгольма:

«Человек сто русских и шведов собралось провожать отъезжавших на родину. У всех было прекрасное настроение, на груди — красные революционные банты. На платформе царил оживление. До последнего момента шли беседы, происходил обмен мнениями. В одном из окон виднелась характерная голова Ленина. Он был, разумеется, центром внимания. Незадолго до отхода поезда один армянин произнес горячую речь в честь Ленина, этого неподкупного выразителя идей интернационализма. Дрожащими голосами все запели «Интернационал», отъезжавшие сгрудились у окон, размахивая красными флажками...»¹⁸.

Тем временем над жизнью Владимира Ильича нависла серьезная опасность. Об этом рассказывает Эрик Пальмшерн, шведский барон и аристократ, социал-демократ и лютый враг Советской России и Ленина. В его мемуарах, вышедших в 1958 году, есть такое откровенное признание, сделанное 23 апреля 1918 года:

«Гулькевич, русский посол, который был у нас на одном из «вторников» моей жены для дипломатического корпуса, хотел вещать от имени России. Выглядело так, будто большевики хотели бы примириться со старой системой и использовать ее людей.

Я рассказал Г., что когда Ленин в свое время проезжал через Стокгольм, я позвонил Бр.* и сказал: «Ты же знаешь Керенского. Скажи ему, что Ленин прибывает следующим поездом и должен быть застрелен или посажен в тюрьму при переезде границы. Телеграфируй ему». Бр. только засмеялся и сказал: «Ты глуп. Так не делают», но я прервал его по телефону: «Ты устаревший либерал 80-х годов, а сейчас пужны люди, которые могут действовать». Бр. дал отбой, смеясь во все горло. Гулькевич, наоборот, понимал ситуацию и сказал со слезами на глазах: «Дорогой барон, судьба России была в ваших руках!»

Подумайте, если бы Бр. последовал моему совету!»¹⁹

Гулькевич был близким знакомым Брантинга. Я нашел не-

* Брантингу.

сколько его писем в собрании документов Брантинга в архиве рабочего движения в Стокгольме. Переписка между ними продолжалась до 1924 года, почти до самой смерти Брантинга. (Он умер в 1925 году.)

...А поезд неся по направлению к России. Позади остались Хапаранда, граница, Торнео. Наконец, вечером 3 (16) апреля вдали заблестели огни Петрограда. Поезд замедлил ход. Приближался забитый встречающими Финляндский вокзал. Революция встречала своего вожда.

В мае 1967 года мне удалось осуществить давнишнюю мечту — побывать в Торнео и Хапаранде. В Хельсинки, в правлении Общества «Финляндия—Советский Союз» мне сказали, что секретарем самого северного отделения общества является Арво Маунула. Я позвонил Арво из Хельсинки. Он посоветовал мне приехать в Кеми, где он живет. Оттуда до Торнео всего тридцать километров. Можно доехать на машине. Договорились, что Маунула будет встречать меня на вокзале утром. Чтобы он узнал меня среди других прибывших пассажиров, я должен держать в руках советскую газету.

Скорый поезд из Хельсинки на Торнео отходит в половине восьмого вечера. Утром, в девять, я должен быть в Кеми. Через час поезд остановился в Риихимяки. Это узловая станция. От нее расходятся стальные пути во все концы страны Суоми. Здесь вечером 15 или утром 16 апреля Ленин и его спутники свернули к Петрограду, миновав Хельсинки. В стороне видны одноэтажные домики, много зелени. Где-то вдали проглядывают строения города.

Следующая остановка — Тойяла, затем — Тампере. Поезд мчит все дальше на север. Спускается ночь. Утром, когда я посмотрел в окно вагона, мы ехали уже по тундре. Перед Оулу начались рощи карликовых берез, низкорослые сосны и ели, болота, разрезанные осушительными каналами с ржавой водой, замшелые камни. Кое-где на холмах деревья были повыше, мелькали лоскутки возделанной земли.

Вот и Кеми. Я выхожу на перрон. Навстречу мне идет молодой белокурый человек в очках. В руках — газета. Я подошел поближе и увидел, что это «Правда». Я показал свой пароль: номер газеты «Сельская жизнь». Мы пожали друг другу руки. Арво сказал:

— Добро пожаловать в Лапландию!

Лапландия чувствовалась: несмотря на яркое солнце и конец мая, было прохладно. Дул пронизывающий ветер. Где-то невдалеке проходил Северный полярный круг.

Контора правления общества разместилась в двух комнатках современного здания. Я сразу почувствовал себя, как дома: на столах лежали советские газеты и журналы, на стенах висели советские календари и плакаты. Арво рассказал, что на севере Финляндии много друзей Страны Советов. 42 отделения имеет общество в городах и поселках. Кеми побратался с советским городом-героем Волгоградом. Рованиemi дружит с Мурманском. Жители Лапландии живо интересуются жизнью советского народа, его успехами, видя в Советском Союзе доброго соседа и хорошего друга.

Разговор заходит о пребывании в Торнео В. И. Ленина. Маунула положил на стол текст интервью с ветераном финского рабочего движения Каарло Брусила. Сейчас его уже нет в живых. Интервью с 1959 года хранится в местном отделении общества. Брусила рассказывает об эпизоде, происшедшем в Торнео 15 апреля 1917 года, во время проезда Ленина в Россию.

«Однажды в Торнео разнесся слух, что Ленин приедет в Торнео проездом из Швейцарии. И вот в один из апрельских дней Ленин прибыл со своими спутниками на станцию Торнео. О его прибытии стало известно заранее, и народ заранее собрался на вокзал, чтобы встретить и увидеть этого замечательного революционера.

Скорый поезд стоял на станции, готовый к отходу. На платформе собрались солдаты. Ленин и его спутники остановились посредине платформы. Ленин приветствовал собравшихся. Он говорил: «Революция произошла, но революция эта — буржуазная. Сейчас нужно пролетариату взять власть в свои руки». Он говорил по-русски. Его речь тут же переводилась на финский язык.

Вот поезд готов к отходу. Ленин поднимается на подножку. Нет, он не идет внутрь. Стоя на подножке, он машет рукой, произнося по-фински: «До свиданья, финны!»

Вскоре мы с Арво направились в Торнео. Теперь туда ведет отличная асфальтированная дорога. Мимо бегут редкие березки, низкие сосны и ели. Впереди показывается широкая, бурная река. Это Кеми. Дорога идет по высокой плотине. Слева примостились кирпичное здание электростанции. Из-под турбин внизу вода вырывается мутными грязно-белыми бурунами.

Еще несколько минут езды, и впереди показываются одно-

этажные строения Торнео. Это небольшой городок, в нем всего шесть тысяч жителей. Мы останавливаемся у одного из деревянных крашенных домиков. Здесь живет председатель торнео-ского отделения общества дружбы Энок Курттио. Хозяин, черноволосый пожилой человек, приглашает зайти. Знакомимся. Энок Курттио сейчас на пенсии. Он прожил большую трудовую жизнь. Начал мальчишкой работать кучером, возил пассажиров с вокзала в Хапаранде до вокзала в Торнео. Потом приобрел специальность, работал мастером, в частности, строил одну из гидроэлектростанций на севере по заказу Советского Союза.

Он говорит, что здесь жила одна женщина, которая встречала Ленина в апреле 1917 года, но она недавно умерла. Возможно, ее дочь может вспомнить, что рассказывала мать?

Мери Вуокила работает парикмахершей. Она вышла к нам на минутку, оставив своих клиентов. Мать ее звали Катри Саммаллахти. Она работала уборщицей на вокзале в Торнео. Когда группа Ленина проезжала через город, был составлен специальный поезд из нескольких вагонов. Начальник вокзала предложил ей поехать до Тампере в качестве проводницы. Всего в бригаде было пять проводниц. Катри Саммаллахти обслуживала вагон, в котором ехал Ленин.

Она рассказывала, что Ленин был очень предупредителен. Он ей показался простым, самым простым человеком.

Муж Катри был полицейским на вокзале. Херман Саммаллахти предупреждал Катри, что она подвергает опасности свою жизнь, согласившись поехать с этим поездом. В него могут бросить бомбу, подложить на рельсы мину — чего не придумают люди, которым поперек горла возвращение в Россию вождя революции Ленина! Херман просил Катри, чтобы она отказалась. Но она верила в свою судьбу. Ничего с ней не случилось. Зато она поила чаем Ленина.

Мы поблагодарили Мери Вуокила за рассказ и поехали к вокзалу. Вот оно, это здание. Одноэтажное, обшитое досками, покрытое черепицей. Возле него маневрирует такой же старый, с широкой трубой паровоз. Из трубы выются густые клубы дыма. Но старый вокзал теперь пуст. Рядом построено новое каменное здание.

Мы едем той дорогой, по которой пятьдесят лет тому назад проехали Ленин и его товарищи. Проезжаем через Торнео и оказываемся в Хапаранде. Всего несколько минут езды, а страна уже другая. На улице слышна шведская речь, машины идут по левой стороне. На широкой площади, обсаженной елями, Ар-

во останавливает машину. Высоко над площадью поднимается кирпичное здание с башенками. На его фасаде крупными белыми буквами написано: «Хапаранда. От Стокгольма 1311 километров». Это вокзал. Отсюда началась поездка Владимира Ильича на лошадях через границу, в Финляндию.

Вокзал старый, и я был уверен, что это именно то здание, возле которого 15 апреля в 7-05 утра остановился поезд из Стокгольма. Для верности мы решили навести справку у начальника вокзала. Он вынул из шкафа конторскую справку.

— Вот здесь вся история станции, — сказал он.

В книге было много старых фотографий, связанных с историей Хапаранды. Русские эмигранты на перроне. Русские военнопленные едут на родину. Царственные особы, для проезда которых зимой по льду специально прокладывали рельсы, чтобы перевести вагон на финскую сторону.

Но когда же построен вокзал? Начальник станции берет книгу и ищет сам. Вот здание, которое существовало в 1917 году, деревянное одноэтажное. А нынешний вокзал, оказывается, вступил в строй только в 1919 году, одновременно с прямой железной дорогой, связывающей Хапаранду и Торнео.

В 1917 году такой дороги не было. Ленину и эмигрантам из его группы пришлось переезжать два рукава реки Торнео на санях. А в апреле река здесь часто бывает подо льдом. В конце мая, когда мы были у вокзала, возле него еще лежала глыба не растаявшего снега.

Мы едем от вокзала по тем же улицам, по которым проехал Ленин. Вот здесь он на санях въехал на лед. Теперь здесь — высокая насыпь и мост, по которому непрерывным потоком в обе стороны идут машины.

Торнео. Городок этот расположен на берегах одноименной реки. С одного берега на другой Ленин и здесь переезжал по льду. Теперь здесь построен мост. Но не все старое исчезло. Уцелело здание старой пропускной, где прибывших из Швеции досматривали таможенники. Домик этот, обшитый крашенными в светло-серый цвет досками, сейчас используется под жилье. От него через реку видно здание станции в Торнео. На нем, как вспоминали бывшие с Владимиром Ильичем эмигранты, в тот день полыхал красный флаг.

День подходит к концу. Прощаемся с Эноком Курттио. Арво Маунула провожает меня в Кемпи на вечерний хельсинкский поезд.

В Хельсинки я зашел в музей железных дорог, надеясь вы-

яснить расписание поезда, которым выехал Владимир Ильич 15 мая из Торнео. На мое несчастье, в этот день дежурил человек, который не говорил по-шведски. Тогда я оставил записку по-шведски с просьбой найти старое расписание поездов за 1917 год и выяснить, в какое время выходил в апреле 1917 года скорый поезд из Торнео на Петроград. Через несколько дней в Стокгольм пришло письмо на официальном бланке железнодорожного музея. Сотрудник музея господин Бустрём сообщал расписание поезда Торнео—Риихимяки—Петроград.

Из Торнео поезд на Риихимяки выходил в 16 часов 35 минут по финскому времени. (Между московским и хельсинкским временем разница в один час.) Значит, именно в это время 15 апреля 1917 года В. И. Ленин и сопровождавшие его политэмигранты выехали из Торнео. В Улеаборге (Оулу) поезд был в 19-26, в Тампере — в 11-03 на другой день, 16 апреля. В 14-18 поезд прибыл на узловую станцию Риихимяки, где пассажиры перешли в поезд № 12, следовавший до Петрограда.

Он вышел из Риихимяки в 14-44. Значит, Владимир Ильич провел на вокзале в Риихимяки 26 минут. В 15-14 поезд был в Лахти, в 19-13 — в Выборге, в 21-29 — в Валкесаари и в 23-04 по российскому времени — на Финляндском вокзале Петрограда.

Конечно, здесь указано время по расписанию, но в действительности время прибытия поезда на разные станции могло быть несколько другим, ибо в то время часты были непредвиденные задержки и опоздания поездов. Но эти опоздания не могли быть очень большими, и поезда шли, придерживаясь расписания.

В телеграмме, посланной 15 апреля 1917 года из Торнео, Владимир Ильич сообщал сестрам М. И. Ульяновой и А. И. Ульяновой-Елизаровой, что поезд, на котором он приедет в Петроград, прибывает в 11 часов ночи²⁰. В томе Полного собрания сочинений В. И. Ленина, где опубликована эта телеграмма, имеется примечание: поезд прибыл в 11 часов 10 минут²¹.

Таким образом, расписание поезда почти не было нарушено. Отсюда, можно считать правильным указанное время остановок и на других станциях по пути из Торнео в Петроград.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ "Stormklockan", 21. 04. 1917.

² "Politiken", 6. 04. 1917.

³ "Stormklockan", 21. 04. 1917.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 49, стр. 418.

⁵ Воспоминания о В. И. Ленине, т. II. М., Политиздат, 1969, стр. 374.

⁶ Там же, стр. 377.

⁷ Там же, т. I, стр. 450.

⁸ В. Воровский. Сборник статей. М., 1959, стр. 131.

⁹ Там же, стр. 132.

¹⁰ "Politiken", 28. 03. 1917.

¹¹ "Stormklockan", 21. 04. 1917.

¹² "Trelleborg allihanda", 6. 02. 1917.

¹³ Там же, 22.02.1917.

¹⁴ Там же, 7.04.1917.

¹⁵ "Stormklockan", 5. 05. 1917.

¹⁶ Fredrik Ström. I stormig tid. Stockholm, 1942, s. 198—199.

¹⁷ Там же, стр. 199—200.

¹⁸ "Politiken", 14. 04. 1917.

¹⁹ E. Palmstjerna. Oros tid. 2. Stockholm, 1953, s. 163.

²⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 49, стр. 434.

²¹ Там же, стр. 556.

Сухопутным путем через Торнео пользуются чаще всего зимой, когда море замерзает и пароходы из Стокгольма пробиваются в финляндские порты с помощью ледоколов. В начале XX века через Торнео следовали транспорты нелегальной литературы и оружия, нередко проезжали по поддельным документам революционеры. Об этом рассказывают документы Финляндского государственного архива.

В 1903 году начальник Финляндского жандармского управления генерал-майор Фрейберг послал своего офицера проверить положение на границе в Торнео. Что же там было обнаружено? Офицер докладывал, что контроль за границей был, с его точки зрения, плохим. Пешеходы переходили через границу по деревянному мосту, построенному еще в 1882—1883 годах. С 12 часов ночи до 6 утра, как установили жандармы из Гельсингфорса, никакого контроля за движением по мосту не было¹.

Вот снова среди жандармских донесений нахожу название городка Торнео. Фрейберга опять беспокоило положение с контролем в этом пограничном пункте. Из донесения видно, что в

Торнео существовали два пути через границу: по мосту и севернее — по грунтовой дороге, по которой шел гужевой транспорт. Ввиду нехватки унтер-офицеров контрольно-пропускной пункт был установлен только на дороге.

К донесению приложена карта. Торнео расположен на острове, который обтекают два рукава реки с таким же названием. Из Торнео на русскую сторону шел летом паром. От Хапаранды Торнео отделяет старое русло реки. Через него перекинут деревянный мост. Фрейберг предлагал совершенно закрыть переход по этому мосту, организовав строгий контроль за всеми пересекающими границу в пропускном пункте².

Позднее в некоторых статьях писали, что В. И. Ленин и другие возвращавшиеся с ним в апреле 1917 года домой через Хапаранду—Торнео политэмигранты будто бы переезжали на санях по льду Богнического залива. Это ошибка. Хапаранда и Торнео расположены довольно далеко от залива. Из Хапаранды на финскую сторону можно проехать лишь через два рукава реки, которые отделяют Хапаранду от Торнео и делят город Торнео на две части. В этом можно убедиться, взглянув на географическую карту. Я прошел по тому пути, который проехал тогда Владимир Ильич. Путь лежал через реку Торнео к пропускной и снова через реку — к станции на финской стороне.

Усилившиеся строгости и деятельность жандармов на границе привлекли внимание подпольной финской газеты «Вапаита Лехтисиа». В номере за 20 апреля 1904 года она извещала, что с 1902 года в Торнео постоянно поселились два жандарма, а осенью 1903 года в связи с открытием железнодорожного сообщения сюда прислали дополнительно группу таможенных надсмотрщиков. «Ныне в помощь им прислан еще десяток жандармов... Осенью 1903 года дорогу в Швецию обнесли забором высотой в полтора метра, а на мосту в Хапаранду построили ворота... Для чего все эти расходы? Разумеется, ради этой, так называемой подпольной литературы, на верный след провоза которой жандармам так и не посчастливилось напасть»³.

Меня заинтересовало, не осталось ли в архиве каких-нибудь документов о проезде В. И. Ленина через Торнео в апреле 1917 года.

Вот журнал входящих бумаг в канцелярию генерал-губернатора — черная, аккуратно переплетенная конторская книга с белой наклейкой, на которой написано, что журнал кончается 5(18) февраля 1917 года, и в нем зарегистрировано за это время 2556 документов⁴. Да, бумажной волокиты было много! Только

за месяц с небольшим поступило две с половиной тысячи писем, заявлений и т. д. Смотрю внимательно, не было ли переписки по поводу пропуска через границу Владимира Ильича. Ничего не нахожу.

Беру следующий журнал. Такие же черные корочки, такое же золотое тиснение на корешке. Просмотрев его, я также не нашел прямого упоминания о проезде Ленина.

На всякий случай я перелистал еще пять таких же журналов, надеясь найти в июле — октябре какие-нибудь записи, связанные с розыском Временным правительством ушедшего в подполье Ленина, но тоже безрезультатно. Последняя запись сделана 8 апреля 1918 года. В ней сообщается об увольнении русских подданных из канцелярии.

Так же тщательно просматриваю журналы регистрации исходящих бумаг за 1917 год. Увы, опять ничего! Вот рассылаемая книга канцелярии для секретных пакетов. Я надеюсь в ней найти интересное. Открываю и вижу, что надежды мои были напрасны. В книге проставлены только номера пакетов, а о чем говорилось в тех пакетах — бог весть! Просматриваю шесть журналов отправки секретной почты 1-м отделением канцелярии. Тоже безрезультатно.

Наконец после нескольких дней неудач мне повезло: я попал на остатки какого-то жандармского архива, который не входит в состав архива канцелярии генерал-губернатора, а лежит, видимо, отдельно. В нем оказалось несколько папок и за 1917 год. Открываю дело номер 1. В нем хранятся документы помощника начальника контрразведывательного отделения штаба 42-го армейского корпуса⁵. Бросается в глаза письмо от 31 декабря 1916 года генерал-майора Васильева о назначении заведующим Торнеоским контрольно-пропускным пунктом ротмистра Ключникова.

Через три месяца Ключникова уже нет в Торнео. Это видно из документа со штампом «Начальник охраны народной свободы», посланного из Гельсингфорса 29 марта 1917 года начальнику пропускного пункта в Торнео подпоручику Борисову. В письме Борисову предписывалось задержанных на границе подозрительных лиц направлять в распоряжение охраны народной свободы.

Таким образом, в апреле 1917 года, когда В. И. Ленин во главе группы эмигрантов прибыл на поезде в Хапаранду, а затем на пропускной пункт в Торнео, где всех, в том числе и Владимира Ильича, обыскиали, а Фрица Платтена задержали, на-

чальником пропускного пункта был именно подпоручик Борисов. Правда, действовал он не один, а с ним были «союзные» офицеры, англичане.

Я стал просматривать документы дальше, не теряя надежды найти какие-то следы проезда Ленина через Торнео. Вот письмо Борисову из Выборга от коллеги-контрразведчика, в котором его просят проверять на границе построже, а то он пропустил лиц, для контрразведки нежелательных. О ком речь — догадаться трудно. Письмо русского посла в Стокгольме Гулькевича Борисову. Как видно, ответ на какой-то запрос Борисова. Гулькевич сообщает, что дал визы «указанным лицам», ибо были указания и генерального штаба, и Петроградского совета. Трудно судить, о ком идет речь. Не исключено, что именно о Ленине.

Подпоручик Борисов, судя по его переписке, был матерым контрразведчиком и убежденным белогвардейцем. В один город он пишет шифрованное предписание задержать такого-то, в другой — чтобы проверили данные, которые он получил, а в третий посылает своих сотрудников — словом, развивает бурную деятельность, а не только занимается просмотром паспортов и ловлей контрабандистов на границе.

Среди его переписки имеется запрос начальника контрразведывательного отделения штаба Петроградского военного округа подполковника Сурника от 14 октября 1917 года по поводу американского подданного Рида, «по имени, вероятно, Джон». Подполковника интересовало, не был ли Джон Рид командирован американской организацией «Industrial Workers of the World». На обороте справка, перенесенная, вероятно, писарем из журнала регистрации проезжавших через границу:

«Джон Рид прибыл из-за границы 29 августа 1917 года по документу Министерства иностранных дел в Вашингтоне 14/8—1917, № 62337. Явл. Стокг. 25/8.17.1549».

25 октября 1917 года подпоручик Борисов телеграфирует в Петроград:

«Рид, Джон, американский гражданин, прибыл из-за границы 29 августа 1917 г. по документам Министерства иностранных дел в Вашингтоне от 14 августа за № 62337, явл. в Стокгольме 25 августа с. г. В опросном листе показал, что он корреспондент»⁶.

Таким образом, за Джоном Ридом, впоследствии ставшим автором известной книги «Десять дней, которые потрясли мир», контрразведчики установили слежку. Но они не успели что-либо сделать. Через несколько дней грянула Великая Октябрьская

революция, и контрразведчикам стало не до Рида: они думали уже о спасении своей собственной шкуры.

Борисов продержался в Торнео довольно долго. 6 ноября 1917 года он допрашивал шведского журналиста А. В. Маннерстада, который перешел на русскую сторону без надлежащих документов. Маннерстад заявил, что он пришел на «пропускную рогатку» вместе с корреспондентом шведской газеты «Политикен» Гримлундом. Оба они посланы шведскими редакциями в Торнео для того, чтобы раздобыть более точные сведения о событиях в революционной России. Борисов так записал рассказ Маннерстада:

«Мне была поставлена задача добыть возможно больше сведений о современном положении в России и Финляндии с точки зрения мировых событий... Первую телеграмму о современных событиях я послал в воскресенье в 2 или 3 часа дня, когда мне удалось кое-что узнать от ехавшего через Хапаранду американского журналиста, который прибыл из Петрограда. Никаких инструкций относительно собирания сведений военного характера я не получал и сам того узнавать не думал⁷.

Борисов, как видно, заподозрил в Маннерстаде немецкого шпиона. По его приказанию шведский журналист был обыскан. При нем были найдены журналистское удостоверение от редакции «Сосиал-демократен», две телеграммы, шведские деньги.

На другой день, 7 ноября 1917 года Борисов допрашивал еще одного шведского журналиста, Отто Гримлунда, проживавшего по Королевской улице, дом 69.

«Допрос: Маннерстада ранее не знал. В первый раз увидел вчера утром (6 ноября) в Хапаранде. Я рассказал Маннерстаду, что граница закрыта и без визы русского консула границу переходить ни в коем случае нельзя. Вчера мы одновременно шли из Хапаранды. Я имел разрешение от торнеоского комиссара, а у Маннерстада никаких документов не было. Когда мы шли по мосту, то я снова напомнил Маннерстаду, что ему лучше вернуться. Но он не вернулся. Больше ничего показать не могу. (Подпись)»⁸.

Отто Гримлунд тогда принадлежал к числу левых социал-демократов Швеции. Как помнит читатель, в апреле 1917 года он по поручению руководства партии встречал в Треллеборге и провожал до Стокгольма группу русских политических эмигрантов во главе с В. И. Лениным. Этого Борисов, конечно, не знал.

Вскоре Гримлунд передавал корреспонденции о пролетарской революции в России в орган партии левых социал-демокра-

тов «Политикен», будучи единственным шведским журналистом-свидетелем событий тех дней в Петрограде. Позднее он был руководителем отделения РОСТА в Стокгольме.

Отто Гримлунд в беседе со мной рассказывал, что в те дни, в ноябре 1917 года, когда он жил в Хапаранде и каждый день переходил по мосту в Торнео, чтобы узнавать по телефону новости из Петрограда, фактическая власть в Торнео и на границе была в руках ревкома во главе с комиссаром, бывшим матросом. Этот матрос помогал Гримлунду связываться по телефону через Гельсингфорс с Петроградом.

В Торнеоском контрразведывательном пункте после Февральской революции действовал избранный на общем собрании комитет. Он заседал в присутствии Борисова и, как об этом свидетельствуют протоколы, занимался первое время лишь вопросами бытового устройства, выносил решения о повышении зарплат филерам на том основании, что в Таммерфорсе филерам платили больше и т. д.⁹ Но когда до далекого городка донеслась весть об Октябрьской социалистической революции, комитет взял власть на пропускном пункте в свои руки. Борисов, оставаясь на пункте, допрашивал нарушителей границы, руководил работой таможенников, в то же время он был вынужден подчиняться решениям комитета, в состав которого входили солдаты, его бывшие подчиненные. Это не нравилось Борисову, больше того — он всей душой ненавидел большевистскую власть и потихоньку готовился к бегству за границу.

Протокол заседания комитета пункта от 5 декабря 1917 года говорит о конце карьеры подпоручика Борисова. В этот день он был арестован. О причинах ареста в протоколе говорится:

«Его политические взгляды как контрреволюционера, а главное — заявление Федорова, которому он предложил бежать с ним и тремя писарями в Англию»¹⁰.

В протоколе дается и характеристика Борисова:

«Его взгляды вполне контрреволюционны; всех наблюдателей с большевистским направлением им решено было откомандировать. Кроме того, отношение к политическим эмигрантам, возвращающимся на родину, было слишком несправедливо; чинил всевозможные препятствия, все отбирал: литературу, газеты и проч.»¹¹.

В папке документов Торнеоского пункта сохранился еще один интересный документ. Слева штамп: «Комиссар Финляндского областного комитета при Торнеоском пограничном пункте № 23». В документе говорилось:

«Начальнику контрольно-разведывательного пункта. 5. XI. 17.

Вследствие предписания Военно-революционного комитета пропущены мною сего числа из-за границы для дальнейшего следования в Петроград Фюрстенберг (Ганецкий) и Радек в изъятие постановления о закрытии границы.

Комиссар (Подпись). Печать: «Секция охраны народной свободы при областном Финляндском комитете. Комиссар Торнеоского контрольного пункта»¹².

Ганецкий и Радек были членами Заграничного представительства Центрального Комитета нашей партии, созданного во время проезда В. И. Ленина через Стокгольм в апреле 1917 года. Об обстоятельствах, связанных с проездом через Торнео, Я. С. Ганецкий позднее вспоминал:

«Связь с ЦК партии нам удалось вновь установить. Почти ежедневно приходили специальные телеграфные сводки. Получали мы и обширные письма.

Получили мы также интересное письмо от Ленина из его финляндского подполья. К величайшему сожалению, письмо это затерялось. В нем Ленин, между прочим, давал указания, чтобы мы за границей собирали материал и на основании его и полученных из России сведений разоблачали гнусные обвинения Керенского и К^о. Предвидя, что я захочу поехать в Петроград для разоблачения клеветников и мошенников, он категорически возражал против этого: после возвращения моего в Россию, если меня по пути не расстреляют, то в лучшем случае забросят в тюрьму и никаких разоблачений делать не дадут...

...В ночь на 7 ноября мы бодрствовали и лихорадочно ожидали сведений. В 6 часов утра шведский товарищ по телефону сообщил: «Большевики захватили власть. Смольный, Зимний, Генеральный штаб и телефон в их руках. Рабочие, гарнизон Питера на стороне большевиков. Переворот прошел почти бескровно. Керенский бежал, другие министры арестованы».

Днем прибывают новые телеграммы: «Во главе правительства стал Ленин... Имеется декларация нового правительства... Национализация фабрик, конфискация помещичьих земель...»

Но вдруг оборвались всякие сведения. Телеграф из Питера ничего не давал в течение нескольких дней. Приходили «специальные телеграммы» то из Англии, то из Хапаранды и Торнео (пограничные пункты между Швецией и Финляндией), сообщаемые из «достоверных источников» об аресте Ленина и др., о поражении большевиков, о «введении полного порядка».

Мы были в отчаянии. Этим нелепым телеграммам мы не ве-

рили. Опровергнуть их не могли, так как никаких сведений у нас не было.

Было решено меня отправить на шведскую границу в Хапаранду для установления связи с Гельсингфорсом и Петроградом.

Граница оказалась в руках советских отрядов.

В Торнео товарищи хотели было нас задержать на весь день, но мы — Радек и я — спешили в Питер. К вечеру был организован поезд, и мы через два дня очутились в Петрограде. Прямо с поезда направились мы в Смольный, в кабинет Ильича...»¹³

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Финляндский государственный архив. ККК, Ес 10, № 7, донесение № 2554.

² Там же, Ес 14, № 3, стр. 95.

³ *Vapaita lehtisiä*, 20. 04. 1904.

⁴ Финляндский государственный архив. ККК, Аа 176.

⁵ Там же, S 12, № 1.

⁶ Там же, S 11, № 12.

⁷ Там же, S 11, № 41 в.

⁸ Там же.

⁹ Там же, S 11, № 41 а.

¹⁰ Там же, S 11, № 41 в.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Я. Ганецкий. О Ленине. М., Партиздат, 1933, стр. 70—71.

У КОГО ЖИЛ ИЛЬИЧ В ЛАХТИ?

Не раз приходилось Владимиру Ильичу скрываться в Финляндии от преследований царских жандармов. Об отношении простых финнов к Ленину Сюльви-Кюллики Кильпи в своей книге пишет так:

«Посещения Лениным Финляндии не были да и не могли быть гласными и официальными. Его прибытие в нашу страну не сопровождалось торжественными речами и приветствиями церемониальных комитетов, он не останавливался в дорогих гостиницах. Не знала ничего о его пребывании и печать. Кроме того, он редко путешествовал под своим именем и даже стремился изменить свою внешность. Но у нас проявляли заботу о нем, когда он приезжал. Финские члены движения сопротивления и партийные товарищи заботились о его безопасности, помогали ему в устройстве бытовых вопросов»¹.

Последний раз Владимир Ильич воспользовался убежищем у финских друзей осенью 1917 года, на этот раз скрываясь от ищеек Временного правительства. По его следам ходили шпионы. Центральный Комитет принял все меры, чтобы спасти воз-

дя революции от физической расправы. В. И. Ленин жил в шалаше за озером Разлив под Петроградом, а затем, в один из августовских дней Ленин, сопровождаемый Н. А. Емельяновым, Э. А. Рахья и А. В. Шотманом, переехал ближе к границе, чтобы перебраться в Финляндию.

На станции Удельная он сел в паровоз Хуго Ялавы и благополучно добрался до Териок. Несколько дней Владимир Ильич жил в тихой деревушке Ялкала (теперь Ильичево).

Затем финские товарищи переправили Ленина в финский город Лахти, потом Ленин переехал в Гельсингфорс и по пути почевал на станции Мальм. Владимир Ильич жил на квартирах Карла Вийка, Густава Ровио, Усениуса и машиниста Блумквиста.

Владимир Ильич жил в Выборге, откуда 7(20) октября возвратился в Петроград, чтобы возглавить Великую Октябрьскую социалистическую революцию.

А. В. Шотман рассказывал, что после того, как Владимир Ильич прибыл в Ялкала, сам он поехал в Хельсинки, чтобы позаботиться там о безопасной квартире. «Через несколько дней, — писал он, — я послал в Териоки двух финских товарищей, которые доставили Ленина в небольшой городок Лахти в 130 километрах от Гельсингфорса. Здесь Ильич прожил два дня в квартире финского рабочего, где о нем особенно внимательно заботилась хозяйка, бывшая петербургская работница.

Отсюда при помощи старого знакомого Владимира Ильича, депутата Финляндского сейма, она устроила дальнейшую переправу Ильича поближе к Гельсингфорсу»².

Этим старым знакомым Ленина был никто иной, как Карл Вийк.

Разбирая в архиве рабочего движения в Хельсинки материалы о Ленине, я обнаружил старую тетрадь, исписанную по-фински черными чернилами. На ней была пометка, что она была передана в архив 22 мая 1946 года Пааво Хаапалахти, который получил ее в свое время от прораба завода «Енсо Гутцейт» Калле Саурена, а тот в свою очередь получил ее много лет назад в пограничном селе Тоткиннеми.

В тетради неизвестный автор рассказывал, как он сопровождал Ленина из деревни Ялкала в Лахти. В этой же папке лежала вырезка из газеты, в которой было объявление о смерти 22 апреля 1918 года бывшего директора театра города Васа Каарло Куусела, в возрасте сорока девяти лет. Объявление подано в газету Хельми Саурен. Калле Саурен, у которого была тетрадь,

и дававшая объявление в газету Хельми Саурен, очевидно, были родственниками.

Здесь же лежало письмо Лидии Парвияйнен из Ленинграда, той самой Парвияйнен, у отца которой Ленин жил в деревне Ялкала. Она писала, что все было именно так, как написано у Каарло Куусела.

Итак, автором рассказа был артист Каарло Куусела, умерший в апреле 1918 года. Значит, рассказ свой он записал по свежей памяти в конце 1917 или начале 1918 года. Простые финны почти тридцать лет хранили эту тетрадь, как реликвию передавая друг другу, пока она не попала в архив рабочего движения. А это были годы, когда финские коммунисты сидели в тюрьмах.

Каарло Куусела писал, что ему и его приятелю Кустая в августе 1917 года поручили безопасно проводить Ленина из Ялкала в Лахти. Они доехали до станции Терйоки, а затем на телеге ехали до пункта, помеченного на имевшейся у них карте. Остаток пути прошли пешком. Они должны были найти дачу.

«Но шикарной дачи не оказалось, — рассказывает Куусела. — Была маленькая избушка. Там, у дверей как будто мелькнула женская фигура. Мы подошли ближе к дому. Нас встретила женщина средних лет, смотревшая на нас приветливым и в то же время подозрительным взглядом.

Я спросил:

— Господин П.* дома?

— Нет.

— А госпожа Лидия П.* дома?

— Нет.

Это меня озадачило, ибо согласно полученной нами инструкции, если нас не признают, мы должны были вернуться. Я решил нарушить инструкцию:

— У меня друг в этом доме. Я привез ему письмо, которое я хотел бы передать ему лично.

Женщина оглядела нас и ушла. Через минуту вышел мужчина средних лет. Мы испытующе посмотрели друг на друга. Человек, которого я увидел, не был похож на того, кого мне описывали. Я ему тоже не был знаком.

Приблизившись к нему, я сказал:

— Не знаю, кто вы, и вы не называйте своего имени. Для

нашего общего дела будет лучше, если я не буду знать вашего имени. Но тем не менее я ваш друг и сделаю все, чтобы помочь вам. Я представился и вручил ему записку, представил Кустая.

День, который мы провели с Лениным, я никогда не забуду. Сперва я хотел прикорнуть, так как перед этим не спал ночь. Ленин уложил меня на свою кровать, а сам сел рядом побеседовать. Мог ли я спать? Нет. Мы отправились в лес. Нам было о чем поговорить. Он рассказывал, как жил в Сибири, сидел в тюрьме, как тринадцать лет* прожил в эмиграции. Шпики нигде не отставали от него. Это удивительный человек!

Я рассказал Ленину о положении в Финляндии, об обычаях финского народа, особенно южной части страны, где я прожил последние десять лет.

День подходил к концу, а молодой госпожи П., которая должна была привезти паспорт и деньги из Петрограда, все не было. Мы уже начали беспокоиться. Мы загримировали Ленина, и он заразительно смеялся, глядя на себя в зеркало.

Госпожа П. приехала только после десяти часов вечера. Мы переправились на лодке через озеро, а потом девять километров шли по пыльной дороге так быстро, как только могли... Мы прибыли на станцию Терйоки одновременно со скорым поездом. Едва купили билеты, как поезд тронулся. Мы заняли первое попавшееся пустое купе... Ленин лег на верхнюю полку. Я провел инспекцию по вагону на случай побега. Спать я и не пытался.

Рано утром, в половине шестого умылся и разбудил Ленина. Он встал. Но боже мой, грим растаял и бежал по подбородку, оставляя широкие подтеки, а борода отклеилась. Грим мы успели кое-как поправить, но с бородой не могли ничего сделать, так как бутылка с клеем осталась у Кустая, а я не знал, успел ли он сесть в поезд.

...Я поправил грим и оторвал бороду. Это было нелегко сделать, ибо под рукой не было ни вазелина, ни теплой воды. Мы спешили. Поезд уже подходил к Лахти. Мы вышли на перрон, весело разговаривая по-фински. Так предложил Ленин. Конечно, по-фински говорил я, а Ленин только смеялся. Мы уже выходили с вокзала, когда я вспомнил о Кустая.

— Подержи-ка, Костя, — сказал я Ленину по-фински и бросил ему на руки свое пальто, — а я пойду посмотрю, приехал ли Кустая.

* В. И. Ленин пробыл в эмиграции почти 15 лет: с июля 1900 г. по ноябрь 1905 г., а затем с декабря 1907 г. по апрель 1917 г.

* Парвияйнен.

Парень боязливо выглядывал нас на другом конце перрона. Оказывается, в Терноки он успел прыгнуть в последний вагон уже после того, как поезд тронулся.

В Лахти нам был оказан исключительно дружелюбный прием у товарища Коски и его милой супруги. Я позвонил в Хельсинки товарищу Ровио и сообщил, что наша поездка закончилась благополучно. Одновременно я спросил о дальнейших инструкциях. Ровио приказал оставить товарища Ленина на некоторое время в Лахти.

— Кому вы звонили? — спросил меня Ленин.

— В Хельсинки, полицмейстеру.

Ленин несколько удивился.

— Успокойтесь, друг, — сказал я, — мы теперь в Финляндии. Полицеймейстер Хельсинки — ваш друг. Он известный революционер.

Госпожа Коски нас покормила завтраком. Мы попрощались.

— Ожидаю увидеть премьер-министром, — сказал я Ленину.

— Э, бросьте! — ответил Ленин.

Вспоминаю, как в один из октябрьских вечеров мне позвонили и сказали, что Ленин стал главой правительства.

Таким образом, это были именно те финские товарищи, о которых писал Шотман. Но кто такой Кустаа? Лишь в марте 1967 года в газете «Хувудстадсбладет» я нашел его имя. Лидия Парвийнен, давая интервью корреспонденту газеты, назвала его: это был артист Кустаа Каллио³.

В газете «Хувудстадсбладет» за 19 апреля 1917 года я нашел расписание поездов Финляндской железной дороги на лето 1917 года. Из Петербурга шло пять поездов. Только один из них был скорый. Он прибывал в Лахти в 7 часов 11 минут утра⁴. Вероятно, на этом поезде и прибыл в Лахти Владимир Ильич.

Таким образом, Каарло Куусела пишет, что в Лахти Ленин останавливался у Коски, Шотман — в семье рабочего, Вийк — в своем дневнике, который я цитировал раньше, — в местной конторе газеты «Тюёмиес». Кильпи в книге «Ленин и финны» сообщает дополнительные сведения: Ленин жил у фотографа Аксели Коски и его жены Амалии в доме, где тогда находилась контора газеты «Тюёмиес»⁵. Я решил поехать в Лахти, выяснить поточнее на месте.

Современный Лахти — солидный, красивый город с широкими улицами. Справа над улицей Пяйянттиенкату нависает зеленый откос, слева выстроились здания. В нижнем этаже одного из них две комнатки занимает местное отделение Общества

«Финляндия—Советский Союз». Меня встретил секретарь отделения Армас Кокконен. Затем подошла сотрудница туристского бюро «Ломоматка» Эйла Сирнеля и председатель лахтинского отделения общества агроном Тойво Карконен.

Эйла Сирнеля с детства жила в Лахти. Она сказала, что в доме престарелых есть один старик, который встречал Ленина в Лахти. Позвонила в дом престарелых. Там сказали, что Вильям Кайнлаури чувствует себя нормально и может дать интервью советскому журналисту. Муж Эйлы Каялави Сирнеля любезно соглашается проводить меня.

Дом престарелых расположился за городом. Это низкое, современное здание с широкими окнами. Вильям Кайнлаури нас уже ждал. Ему восемьдесят три года. В 1917 году он был организатором в профсоюзе деревообрабатывающей промышленности. Однажды зашел в августе 1917 года в местную контору газеты «Тюёмиес» («Рабочий»). Аксели Коски был корреспондентом этой газеты в Лахти. Кайнлаури был знаком и с ним и с его женой Амалией. Зайдя к ним, он увидел, что у них гость.

Как выглядел? Средних лет, прилично одетый господин. Без усов и бороды. Кайнлаури побеседовал с ним. Ленин (ему потом Амалия сказала, что это был он) расспрашивал, что социал-демократ Кайнлаури думает о современном положении. Больше Кайнлаури Ленина не видел.

Кайнлаури сообщил некоторые данные и о супругах Коски. Они познакомились в Петрограде. Оттуда и приехали в Лахти. Аксели Коски в Петрограде был рабочим на обувной фабрике. Амалия отлично говорила по-русски. Она закончила в Петрограде школу. Детей у супругов Коски не было. Дальнейшая их судьба ему неизвестна. Слышал, что Амалия погибла в автомобильной катастрофе, а что с Аксели — не знает.

Мы благодарим Кайнлаури и прощаемся. Я подвожу итог: все авторы были правы. Аксели Коски был из рабочих, журналистом и фотографом, корреспондентом газеты «Тюёмиес» в Лахти. Здесь размещались и его рабочая комната, и квартира.

Позднее, в дни празднования 50-летия независимости Финляндии, на одном из официальных обедов я разговорился с сидящим рядом пожилым человеком. Его звали Ниило Мярскю. Я рассказал ему о поездке в Лахти. Неожиданно он сказал:

— А ведь я племянник супругов Коски. Моя мать была родной сестрой Амалии. Будучи школьником, я жил у них в Лахти, в том доме, которого сейчас уже нет.

Естественно я, засыпав его вопросами об Аксели Коски и

его жене, о том, как сложилась их судьба. Ниило Мярскю пригласил меня приехать к нему. Он живет неподалеку от Хельсинки.

Ярким зимним днем в одном из северных пригородов Хельсинки Ниило Мярскю встретил меня на трамвайной остановке. В уютной квартире Мярскю вместе с ним и его супругой мы начали смотреть альбомы. После долгих поисков нашли несколько фотографий Амалии и Аксели Коски.

По моей просьбе Ниило Мярскю сходил туда, где проживали в Хельсинки Коски и выяснил некоторые биографические данные. Аксели Адольф Коски родился в 1877 году в местности Ветели, Финляндия. Примкнул к рабочему движению в юности, когда работал на обувной фабрике в Петербурге. Вернувшись в Финляндию, работал корреспондентом и фотографом в социал-демократической газете «Тюсмиес».

Амалия родилась в Петербурге около 1884 года. Ее отец Микко Карвонен был рабочим на заводе «Старый Леснер» на Выборгской стороне. Она тоже участвовала в подпольном революционном движении. Когда Ленин ночевал у супругов Коски в Лахти осенью 1917 года, Аксели было 40, Амалии — 33 года.

В 1918 году, после победы белых Аксели Коски был приговорен к длительному тюремному заключению. Попал под амнистию и вышел на свободу в январе 1924 года. Сидела в тюрьме и Амалия. Их квартира, находившаяся в одном доме с отделением газеты, была разграблена.

С 1925 года Коски жили в Хельсинки. Мярскю несколько раз бывал у них, читал советские газеты. Амалия погибла 1 мая 1927 года. Возвращаясь с первомайской демонстрации, она попала под машину.

Аксели Коски умер в 1952 году. К сожалению, его архива найти не удалось. А ведь Аксели был фотографом, и в его архиве могли быть снимки того дома в Лахти, в котором они с Амалией принимали Ленина.

Ниило Мярскю до 1915 года жил у супругов Коски в Лахти. (Детей своих у них не было, и они с радостью приняли племянника.) Он хорошо помнит расположение комнат в доме. Налево от входной двери — контора отделения газеты «Тюсмиес» и небольшой магазин, направо — кухня и жилая комната. В ней, вероятно, и жил Ленин. В окна комнаты были видны располагавшиеся по соседству конюшни.

...Вместо одноэтажного деревянного домика в Лахти на ули-

це Раутатиенкату, в котором несколько дней прожил Владимир Ильич, теперь стоит большое каменное здание. На его стене висит мемориальная доска, на которой по-фински и по-русски написано:

«Владимир Ильич Ленин в 1917 году получил убежище в находившемся на этом месте доме». Доска установлена в 1962 году по инициативе местного отделения Общества «Финляндия—Советский Союз».

ПРИМЕЧАНИЯ:

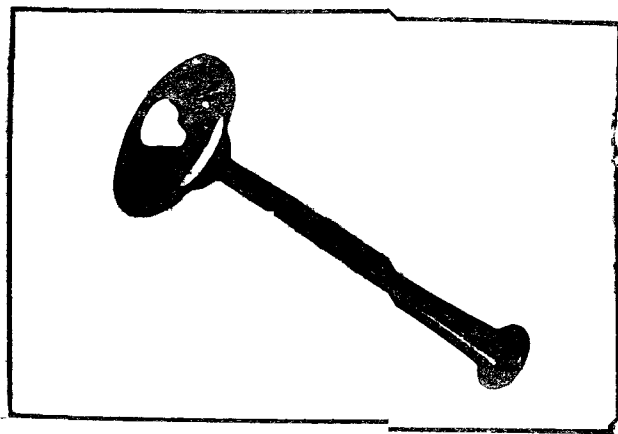
¹ S - K. Kilpi. Lenin ja suomalaiset. Helsinki, 1957, s. 6.

² Ленин — вождь Октября Л, 1956 стр 163—164

³ "Hufvudstadsbladet", 30 03 1967

⁴ Там же, 19 04 1917

⁵ S - K. Kilpi. Lenin ja suomalaiset, s. 93.

Однажды в Стокгольме мне позвонил корреспондент АНП Алексей Думов. Он обнаружил в одной шведской газете заметку о враче, который будто бы лечил Ленина.

Газета называлась «Норрлендска социал-демократен»¹. Статью «Последняя болезнь и смерть Ленина» написал врач Улле Хеншен-Нюман, работающий в больнице в городке Болльнес, на севере Швеции, в Норрланде. Автор рассказывал, что его дед Саломон Хеншен, известный в свое время шведский невропатолог, ездил по приглашению Советского правительства в Москву и осматривал Ленина незадолго до его кончины. Стетоскоп, которым доктор Хеншен слушал сердце Ленина, хранится как семейная реликвия у его внука.

Статья, разумеется, заинтересовала меня. Я послал доктору Хеншену-Нюману письмо с предложением встретиться и поговорить. Шли месяцы, а ответа не было.

Через несколько месяцев я написал второе письмо. Дня три спустя раздался звонок. Незнакомый бас. Доктор Хеншен-Нюман извиняется, что не ответил на первое письмо; так сложи-

лись обстоятельства. Приглашает приехать в Болльнес. Но до отъезда советует купить книгу Фольке Хеншена «Мин лонга вег тилль Саламанка» («Мой долгий путь к Саламанке»).

Честно говоря, меня название книги озадачило. При чем тут какая-то Саламанка? И почему автора зовут Фольке Хеншен, если в Москву ездил шведский врач Саломон Хеншен? Нет ли тут какой-нибудь ошибки?

Пошел искать книгу. В букинистическом магазине фирмы «Бьёрк ог Бьёрссон» продавец, услышав фамилию Хеншен, сказал:

— Это наши известные врачи. Посмотрите, сколько они написали! — И он показал мне целую полку медицинских книг, написанных потомственными врачами Хеншен.

Нашлась и нужная мне книга «Мин лонга вег тилль Саламанка»².

Прибежал домой, с нетерпением раскрыл книгу. В ней около четырехсот страниц. В предисловии автор, Фольке Хеншен, объясняет, почему назвал так книгу. В детстве отец подарил ему книгу «Европа в картинках». Среди картинок его детское воображение покорила вид испанского городка Саламанка. Красота этого места, необычное название запомнились на всю жизнь. Но попасть в Саламанку Фольке Хеншену пришлось лишь в 1956 году, на склоне жизни, когда ему исполнилось семьдесят пять лет. Здесь он и писал книгу, которая, собственно, представляет собой хронику семьи Хеншен.

Автор прослеживает историю своих предков с начала XVII века. Среди Хеншенов были музыканты, священники, военные, учителя, врачи. Его отец Саломон Ебергارد Хеншен был известным профессором-невропатологом, автором научных трудов и учебников, инициатором многих полезных начинаний в области развития медицинской науки в Швеции. По его стопам пошел и сын его Фольке. С 1920 года Фольке Хеншен был профессором патологической анатомии при Каролинской больнице в Стокгольме. Он сопровождал в марте 1923 года отца в Москву, когда профессора Саломона Хеншена вызвали на консилиум к больному Ленину³.

Через несколько дней я выехал в Болльнес к внуку профессора, к Улле Хеншену. Ранним январским утром, когда на улице было еще темно, я сел в вагон поезда, идущего на север страны, в Норрланд. От Стокгольма до Болльнеса почти триста километров. Туристский справочник, взятый мною в дорогу, сообщает, что в Болльнесе 16 800 жителей, город расположен в

западной части провинции Хельсингланд, при впадении реки Льюснап в озеро Варпен.

Мимо окон бегут пригородные дачи, березовые рощи, еловые леса. Чем дальше к северу, тем больше елей, тем глубже снега. И вот, наконец, кондуктор объявляет: «Следующая — Болльнес».

Поезд остановился возле одноэтажного серого здания. Прямо от вокзала идет Железнодорожная улица. Я прошел метров сто по ней — и уже центр города. Узкие улицы, в большинстве своем старые дома. Рядом с гостиницей «Стадсхотеллет», где я заказал себе комнату, расположена редакция местной газеты, которая называется по имени реки, протекающей возле города. Вправо, через несколько кварталов — площадь. На ней возвышается 6-этажное здание современной архитектуры с большими окнами. Здесь размещается городской муниципалитет. Напротив гостиницы сверкают витрины универмага «Домус».

В целом Болльнес производит впечатление тихого захолустного городка, в котором все знают друг друга. Низкие, выкрашенные в желтую краску домики с черепичными крышами, спокойное движение на улицах. К окраинам Болльнеса с двух сторон подходит лес.

Мне назначена встреча в ресторане «Свободных каменщиков». У входа — высокий, худощавый мужчина с резкими чертами лица, в очках. Он отрекомендовался:

— Доктор Хеншен-Нюман, главный врач местной больницы.

Мы заняли один из столиков, и я просмотрел материалы, которые принес с собой мой собеседник. Это была прежде всего вырезка из газеты «Упсала нюа тиднинг» за 1 ноября 1967 года. В статье цитировался протокол, написанный профессором Саломоном Хеншеном по приезду в Швецию «О болезни Ленина и причине его смерти». Оказывается, старый профессор после смерти Ленина докладывал о своей поездке на собрании союза врачей, и текст этого доклада хранится в университетской библиотеке в Упсале. Я пометил себе в блокноте: «Съездить в Упсалу, найти доклад Саломона Хеншена, снять копию».

Улле Хеншен-Нюман сообщил мне также, что его дед опубликовал в 1924 году одну или несколько статей о своей поездке в Советскую Россию и болезни Ленина. Кстати, когда Саломон Хеншен был в Москве, ему было 75 лет. Умер он в декабре 1930 года.

Четверо внуков Саломона Хеншена, продолжая семейную

традицию, окончили медицинские факультеты и работают врачами по разным специальностям. Сын Саломона, Фольке, написавший книгу «Мин лонга вег тилль Саламанка», живет в Стокгольме.

— Как? — воскликнул я. — Ведь в 1956 году, когда писалась книга, ему уже было 75 лет.

— Ну и что? — спокойно посмотрел на меня мой собеседник. — Дядя Фольке отлично себя чувствует, и я уверен, что согласится поговорить с советским журналистом. Я могу ему позвонить и предупредить.

Честно говоря, я был поражен. Мне казалось, что читанная книга — это далекая история, а оказывается, автор ее и свидетель тех лет жив! Непременно надо встретиться с Фольке Хеншеном!

Что касается семейной реликвии, стетоскопа, то он, оказывается, хранится теперь в сейфе одного из банков в Упсале. Улле просил меня приехать на его упсальскую квартиру, тогда он возьмет стетоскоп из банка и покажет мне его.

После обеда мы продолжили разговор в моей комнате в гостинице «Стадсхотеллет», а потом Улле решил показать мне свою «берлогу» и потащил к себе на квартиру. Доктор Хеншен-Нюман оказался из числа тех интеллигентов, интересы которых не замыкаются рамками их профессии. Он живо интересовался всем: как живут советские люди, в каких условиях работают врачи, мечтал о поездке в Ленинград, жалел, что не знает русского языка...

Я сказал, что поездка в Советский Союз теперь не сложное и не такое уж дорогое предприятие. При этом можно посетить не только Ленинград, но и Москву, Черноморское побережье.

— Все это так, — сказал Улле. — Но мне нужно бы минимум две недели пожить в Ленинграде, осмотреть Эрмитаж. Меня давно интересуют предметы скифской культуры, а в Эрмитаже, я читал, есть богатейшая коллекция...

Врач-биолог и психиатр интересовался скифской культурой! За свои 53 года он много поездил по белу свету, исколесил Европу и Азию, бывал в США, много передумал.

Улле взял в руки скрипку, и из-под его пальцев полились мелодии Чайковского, Глинки, Римского-Корсакова... В заснеженном городке шведского Норрланда, в котором ни один человек не знает русского языка, неожиданным милым приветом далекой родины звучали для меня романсы и арии великих чародеев русской музыки.

На другой день я возвратился в Стокгольм и, не откладывая дела в долгий ящик, позвонил автору книги. Мне ответил старческий тенор. Я назвал свое имя, сказал, что был в Больнесе, встретался с Улле.

— А, как же! Он звонил мне. Если хотите, приходите ко мне на работу, в Каролинскую больницу. В невропатологическое отделение.

Каролинская больница расположена в северном пригороде Стокгольма. Это настоящий медицинский городок-университет с многочисленными зданиями поликлиник, научно-исследовательских институтов и лабораторий. В проходной главного здания сестра сказала мне:

— Невропатологическое отделение? Следите за дорожными указателями.

За оградой медицинского городка, как на перекрестке важных магистралей в большом городе, стояли столбы с указателями «Психиатрическая клиника», «Патологический институт», «Химический институт». За первым поворотом налево возвышалось нужное мне кирпичное трехэтажное здание.

На третьем этаже — дверь с надписью «Профессор Хеншен». С вертящейся табуретки встает высокий, прямой старик, подает руку. Зоркие глаза, отличный слух. А я-то знаю, что ему уже восемьдесят семь лет! Даже кресло поставить у письменного стола не позволял себе. Сидит на круглом табурете.

Кабинет завален книгами, картонками, папками. На столе лежат листы бумаги, исписанные его почерком. Профессор Хеншен пишет очередную научную работу.

— Я помню, это было 16 марта 1923 года, — начал он свой рассказ о поездке в Москву. — Я принимал экзамены. Вдруг по телефону позвонил мой отец и сказал: «Меня вызвали к Ленину, я выезжаю завтра. Если хочешь поехать со мной, сообщите мне об этом в течение пятнадцати минут». Я не колебался ни секунды.

На другой день мы спешно собрались и выехали пароходом в Турку, а затем поездом через Гельсингфорс и Петроград в Москву, куда и прибыли 20 марта. Нас разместили на Софийской набережной, в доме какого-то сахарозаводчика. Здесь же жили немецкие ученые, невропатологи и психиатры Стрюмпелль, Форстер, Минковский, Нонне и Бумке.

— Вы так точно помните все имена, удивительная память! — заметил я.

— Не жалуюсь на память, молодой человек, — парировал

мой комплимент профессор Хеншен. — Но и не доверяю ей, всю жизнь веду дневник. Видите блокнот? Тот самый, который был со мной в Москве. Он и подсказывает мне имена и точные даты.

Так вот, — продолжал мой собеседник, — в этом здании, в комнате Форстера состоялся первый консилиум о состоянии здоровья Ленина. Присутствовали все иностранные специалисты и советские врачи. Я записывал все, что говорилось.

Здоровье Ленина подкосило ранение в 1918 году. В декабре 1921 года он заболел, мучился бессонницей, но продолжал работать. В мае 1922 года — первый удар; частично была парализована правая половина тела и расстроена речь.

Но Ленин был сильный человек. Он упорно тренировался, стараясь писать левой рукой, встал на ноги и уже в октябре снова приступил к работе. В декабре 1922 года — новые сильные приступы. Ленин лежит, диктует свои последние работы. В марте 1923 года — еще один сильнейший приступ, который парализовал правую руку и ногу.

Таково было развитие болезни до нашего приезда. В день посещения Ленина моим отцом и немецкими врачами больной чувствовал себя немного лучше. На следующий день состояние его здоровья резко ухудшилось.

Но вы можете прочесть об этом также в моей книге.

И, взяв со стола том в коричневом переплете, он размашисто написал на первой странице: «От Фольке Хеншена. 1968».

Затем гостеприимный хозяин вытащил с полки кучу русских медицинских книг с дарственными надписями авторов хозяину кабинета.

— У меня много знакомых русских врачей. Я всегда говорил, что русский народ очень талантлив и нам, шведам, надо держать с Россией связь потеснее. Те, кого я знал из русских коллег, были отличными специалистами, — говорил он. — Вот, посмотрите, может быть, и найдете кого-нибудь из знакомых. Я с 1925 года начал вести книгу посетителей этого кабинета. Было много интересных людей.

Я перелистываю конторскую книгу, приспособленную под книгу посетителей, внутренне удивляясь педантичной аккуратности этого человека, который не только всю жизнь вел дневник, записывая мельчайшие события, но и догадался завести такой журнал, в котором расписались все, кого он принимал в своем кабинете.

Автографы на всех языках мира, включая японский и китайский, уже не говоря о европейских. Вот 2 августа 1926 года

запись по-русски: «Иван Петрович Павлов». Это же наш знаменитый физиолог!

— Да, Павлов,— подтвердил Хеншен.— Он был в тот раз с сыном. Видите, здесь и его сын расписался. Помню, в 1904 году, когда Павлову вручали Нобелевскую премию, произошел забавный случай. Председатель Нобелевского комитета, готовя речь, которой он собирался приветствовать Павлова, выучил одно предложение по-русски. Но он, видимо, так коверкал русские слова, что Павлов вдруг сказал:

— Что за чертовщина! Я вдруг по-шведски начал понимать! Верный привычке коллекционера, профессор Хеншен при прощании просит и меня поставить подпись в книге посетителей.

Спускаясь вниз, я задержался на втором этаже у большого настенного панно, изображавшего операционный зал. Это панно — работа известного левого писателя Петера Вайса, который был женат на дочери профессора. На панно у операционного стола стоит со скальпелем в руках сам профессор Хеншен.

Теперь надо ехать в Упсалу, в университетской библиотеке найти доклад Саломона Хеншена на заседании общества шведских врачей, перелистать подшивки газет и посмотреть на стетоскоп.

Договорившись по телефону с Улле, выезжаю в Упсалу. Электрички из Стокгольма идут в этот город каждый час. Время в пути — около часа.

В современной Упсале живет около ста тысяч человек. Это студенческий город и крупный промышленный центр. Дорога в библиотеку идет через Стура торьет («Великую площадь»), где сосредоточены правления банков, далее по мосту через реку Фюрисон. На холме в купе деревьев — старинное желтое здание, на котором по-латыни написано «Кароллина Редивива». Это и есть университетская библиотека.

Заполняю бланк-требование на газету «Нюа даглитт аллеханда» за 1922—1924 годы, а также на протоколы общества врачей за 1924 год.

Сначала взялся за пожелтевшие, пыльные подшивки газеты. В 1922 году «Нюа даглитт аллеханда» систематически писала о новостях из Советской России. Публиковала антисоветские «разоблачения» и статьи белогвардейских эмигрантов, в которых предсказывался скорый крах Советской власти. То же самое в 1923 году. Смотрю подшивку за 1924 год. Мое внимание привлекло выделяющееся на этом враждебном фоне одно сообщение

из Берлина. 28 января 1924 года газета публикует под заголовком «Болезнь Ленина. Интересное высказывание» интервью с немецким профессором Георгом Клемперером. В нем говорится:

«В феврале 1922 года меня первый раз пригласили к больному Ленину. Будучи под впечатлением газетных рассказов о вожде русской революции, с легко понятной робостью ожидал я встречи с этим человеком, о котором было так много споров. Сегодня я имею право сказать на основании того, что я достаточно хорошо узнал о Ленине как человеке: он имел отличный характер, стальную волю и до конца был предан высоким идеалам.

Ленин страдал тогда сильной бессонницей, нервы его были перевозбуждены. Все это было следствием большого перенапряжения во время подготовки и проведения в жизнь его идеалов, а также невзгод и лишений, выпавших на его долю. Даже будучи уже больным человеком, он не позволял себе отдыхать, ибо чувствовал на своих плечах огромную ответственность. Он был духовным центром большевизма. Необыкновенно сильный работник, он довел свой рабочий день до 14—16 часов ежедневно, проводя все время за письменным столом, планируя и отдавая распоряжения, участвуя в острых дискуссиях. Его нервные силы, естественно, значительно ослабли. Необыкновенная энергия, выносливость и сила жили в этом человеке, и было бы несправедливым недооценивать его талант и проницательность... Успех Октябрьской революции, передавшей правительственную власть в его и его единомышленников руки, во многом зависел от его решительности и стальной воли»⁴.

Далее профессор Клемперер подробно рассказывает о ходе болезни Ленина, подчеркивая, что его силы подорвало огромное перенапряжение.

В архиве библиотеки нашлись протоколы заседаний общества шведских врачей за 1924 год. На странице 32 — сообщение профессора Саломона Хеншена о болезни и смерти Ленина. После смерти Ленина профессор получил от русского посольства официальные документы, подписанные группой врачей, лечивших Ленина, в том числе народным комиссаром здравоохранения Семашко. Документы указывали причины, приведшие к смерти. Диагноз — атеросклероз — совпадал с диагнозом, который был дан ранее самим Саломоном Хеншеном.

Интересен рассказ Хеншена о его поездке в Москву. Врачи, приехавшие из Швеции и Германии, разделились на группы и

осматривали Ленина по очереди, чтобы не утомлять его присутствием большого количества людей.

«Сам я произвел осмотр больного на другой день после приезда вместе с известным специалистом по нервным болезням из Лейпцига профессором А. Стрюмпеллем,— писал Саломон Хеншен.— Во время нашего следующего визита, через день его состояние было намного хуже... Было ясно, что произошел новый удар, новое расширение болезненного процесса»⁵.

В газете «Нюа даглигт аллаханда» за 4 марта 1924 года на первой странице опубликованы документы, полученные Саломоном Хеншеном от советского посольства в Швеции и короткий комментарий Хеншена к ним.

...Я вышел из библиотеки под вечер. На улице разыгралась метель. Все кругом побелело, и прохожие превратились в снежных людей. Мне надо было еще добираться в другой конец города, на упсальскую квартиру Улле Хеншена.

Меня ждали. На круглом столике был приготовлен кофе. Но я прежде всего взял в руки лежавшую рядом с чашкой деревянную трубочку. Стетоскоп был когда-то выкрашен в черную краску. С годами краска стерлась. За многие годы тысячи пациентов были прослушаны с помощью этого несложного прибора. Профессор Саломон Хеншен прикладывал стетоскоп к груди больного Ильича, слушая биение его сердца. Теперь старый стетоскоп на покое. Как семейная реликвия потомственных врачей Хеншенов лежит в сейфе банка и передается из поколения в поколение с рассказом о том, как он вместе с Саломоном Хеншеном побывал в Москве...

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ "Norrländska socialdemokraten", 1. 03. 1967.

² Folke Henschen. Min långa väg till Salamanka, Stockholm, 1957.

³ Там же, стр. 234—247.

⁴ Nya dagligt allexhanda, 28. 01. 1924.

⁵ Svenska läkaresällskapets förhandlingar, 26, 02. 1924, s. 43—44.

Какой получилась моя книга? Это скажет читатель. Я пишу эти заключительные строки с чувством неудовлетворенности. Дело в том, что поиск материалов о пребывании В. И. Ленина в Скандинавии и Финляндии, о связях русских и скандинавских социал-демократов в дореволюционные годы далеко не закончен. Надо идти в архивы, с помощью друзей распутывать ниточки, ведущие к интересным и важным находкам.

А поле деятельности для поиска здесь огромное. Взяв хотя бы архив рабочего движения в Стокгольме, наиболее знакомый мне из всех скандинавских архивов. Удалось просмотреть только собрания писем Брантингу и Бергегрену. Между тем здесь, наверно, хранятся архивы других шведских социал-демократов, встречавшихся с Лениным: Цета Хёглунда, Карла Чилбума, Карла Линдхагена и других. В этих архивах могут быть документы и неопубликованные воспоминания о встречах с Лениным и с другими русскими социал-демократами, которых эмигрантские дороги заводили в Стокгольм.

В городском архиве Стокгольма я тщательно просмотрел анкеты полицейских допросов российских граждан за ряд лет, пытался найти анкету, заведенную на Ленина. Мне это не удалось. Я был плохо подготовлен к поиску. Надо было изучить подпольные клички, знать в лицо некоторых делегатов IV съезда, например, чтобы методом отбора решить, на кого из них заведена та или иная анкета, а затем тем же методом определить, была ли анкета на Ленина.

В городском архиве, как я узнал уже перед отъездом из Стокгольма, есть и другие интересные документы: полицейские архивы Стокгольма и Мальмё, например. Почему бы не просмотреть архив полицмейстера Мальмё за 1907 год? Может быть, найдется что-то новое о пребывании в этом городе делегатов V съезда нашей партии. А в архивах стокгольмского фискала Стендаля могли сохраниться документы о транспортировке литературы через Швецию, о слежке за русскими революционерами.

Возможны интересные находки и в других архивах Стокгольма: в государственном, в архиве комиссии по делам иностранцев, в архиве полиции и особенно — в архиве шведской социал-демократической партии.

Необходимо более тщательно просмотреть архив финляндского генерал-губернатора в Хельсинки. Я просмотрел лишь жандармские папки. Здесь же хранятся архивы виднейших

финляндских «активистов», а некоторые из них помогали социал-демократам в транспортировке литературы и оружия. Ждет своего исследователя богатейший архив К. Х. Вийка.

Много находок можно сделать в архивах датской столицы. Где-то должны сохраниться документы датских социал-демократов, сотрудничавших с русскими революционерами и встречавшихся с Лениным.

Словом, повторяю, работы для исследователя, тем для поиска — много. И я буду рад, если моя книга подтолкнет коллег-журналистов, работающих сейчас в Скандинавии, на продолжение розысков материалов о Ленине и его соратниках, о скандинавских знакомых Владимира Ильича.